



Стивен Хантер
Снайпер
Серия «Боб Свэггер», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121679
Снайпер: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2009
ISBN 978-5-699-35139-8

Аннотация

Герои этого романа превосходно знают снайперское оружие и умеют с ним обращаться. Весь вопрос в том, куда это оружие будет направлено.

Знаменитый снайпер Боб Ли Свэггер втянут в грязную интригу. Пытаясь разобраться в происходящем, он вступает в психологическую войну с таинственным суперснайпером.

Содержание

Глава 01	4
Глава 02	15
Глава 03	21
Глава 04	33
Глава 05	47
Глава 06	55
Глава 07	63
Глава 08	69
Глава 09	74
Глава 10	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Стивен Хантер

Снайпер

*Посвящается С. Х.
Ты старался как черт*

*Только точная винтовка вызывает интерес.
Полковник Таунсенд Уэлен*

Глава 01

Был ноябрь, холодный и дождливый месяц на западе Арканзаса. Вслед за отвратительной ночью наступал не менее отвратительный рассвет. Мокрый снег с дождем падал между соснами, скапливаясь на верхушках торчащих из земли камней; прямо над головой пролетали сердитые облака. Время от времени ветер порывами налетал на каньоны и, проносясь между деревьями, рассеивал мокрый снег, как пушечный дым. До наступления охотничьего сезона оставался один день.

Боб Ли Свэггер расположился сразу за последним подъемом, ведущим в долину Большой Сделки, которая находилась высоко в горах Уошито¹ и была ровной, как крышка стола. В полном молчании он сидел напротив старой сосны, поставив между коленей винтовку. Это был главный дар Боба – умение хранить тишину. Он нигде этому не учился, просто черпал силы из какого-то собственного потайного внутреннего источника, никогда не реагирующего на внешние раздражители. Тогда, во Вьетнаме, о нем ходили легенды из-за того, что он, как зверь, мог полностью замереть и продолжительное время сохранять абсолютную, можно сказать, мертвую неподвижность.

Холод забрался к нему под гамаши и, дойдя до короткой куртки, стал проникать под нее, поднимаясь по позвоночнику, как маленькая пронырливая мышка. Стиснув зубы, он поборол настойчивое желание застучать ими от холода. Время от времени от полученной давным-давно раны начинало ныть бедро. Но он приказал мозгу не обращать внимания на эту боль. Сейчас он был выше собственных неудобств и желаний. Его мысли были совсем в другом месте.

Он поджидал Тима.

Понимаете, если бы вы были одним из тех немногочисленных – может быть, двух-трех – мужчин, с которыми он вообще разговаривает в этом мире: старым Сэмом Винсентом, бывшим прокурором округа Полк, или, может быть, доктором Ле Мьексом, дантистом, или Верноном Теллом, шерифом, – то тогда он сказал бы вам, что нельзя взять и просто так выстрелить в животное. Выстрелить – это слишком просто. Любой городской балбес может сидеть в засаде и, попивая горячий кофе, ждать, пока самка оленя гордо пройдет рядом с ним, причем настолько близко, что ее можно коснуться рукой. Только тогда он выставит ствол своей винтовки и судорожно нажмет на курок. Выпустив ей таким образом кишки, он найдет ее, истекающую кровью, на расстоянии трех округов отсюда и увидит в ее глазах застывшую тупую боль.

Если бы вы были одним из тех мужчин, Боб сказал бы вам, что вы можете заслужить свое право на выстрел лишь тем, что сами когда-то побывали в шкуре зверя и с вами проис-

¹ Цепь гор на западе Арканзаса и востоке Оклахомы — *Здесь и далее примеч. перев.*

ходило все то же самое, что может произойти со зверем на охоте, и совсем неважно, сколько это длилось. В конце концов, игра велась по правилам.

Сквозь сосны и молодую поросль Боб видел находившуюся в ста пятидесяти ярдах небольшую прогалину, которая внизу уже постепенно заливалась слабым призрачным светом наступающего дня. Проходившая по ней тропа петляла из светлой части в темную, но он знал, что животные все равно пройдут по ней, один за другим, самец-олень и его гарем. Прошлой ночью Боб видел двенадцать оленей: трех самцов и их подруг, причем у одного из самцов, довольно-таки красивого и упитанного, было восемь ответвлений на рогах.

Но он пришел за Тимом. Жизнь потрепала старину Тима, он был весь в шрамах и немало повидал на своем веку. Тим тоже будет один. У него нет гарема, ему вообще никто не нужен. Был год, когда какой-то удачливый городской болван из Литл-Рока отстрелил ему один отросток на роге, и весь сезон после этого Тим выглядел раздраженным и злым. Весь следующий год он ужасно хромал из-за того, что Сэм Винсент, уже не такой подвижный и ловкий, как раньше, поскользнулся и всадил заряд дробы из своего 444-го калибра – это было слишком серьезное оружие, но Сэм любил эту старую винтовку – прямо ему в задние ноги, и Тима спасло только то, что потеря крови оказалась не настолько сильной, чтобы убить любого нормального самца.

Боб знал, что Тим был, что называется, «чертов» олень; кстати, это было самое доброе слово, которое он употреблял по отношению к кому бы то ни было – живому или мертвому.

Боб сидел на месте уже семнадцать часов. Он просидел на холоде всю ночь и, когда около четырех часов утра пошел мокрый снег с дождем, все еще продолжал ждать. Он так сильно замерз и промок, что был едва живой. Время от времени у него перед глазами проплывали картины прошлого, но он сразу же отгонял их прочь, заставляя себя сосредоточиться на том участке местности, который находился от него в ста пятидесяти ярдах.

«Ну давай, старый черт, – думал он. – Я жду тебя».

Что-то привлекло его внимание. Но это была всего лишь олениха с маленьким олененком. Ленивые, самоуверенные и глупые животные спустились к прогалине с вершины и двигались в низину, чтобы попасть там в более редких лесах, где какой-нибудь удачливый городской придурок их, конечно, обязательно убьет.

Боб все так же сидел возле своего дерева.

Доктор Добблер сглотнул и напрягся, пытаясь по глазам полковника Шрека разгадать его намерения. Но тот, как всегда, сидел, свирепо нахмурившись. Грубоватые и резкие черты его лица сейчас выражали раздражение. От него веяло властью и нетерпением и еще чем-то таким, что пугало всех сидящих в этой комнате. Шрек был ужасен. Он был самым ужасным человеком, которого Добблер когда-либо видел, он был ужаснее даже самого Рассела Айсендлуана, торговца наркотиками, который изнасиловал Добблера в душевой массажной каторжной тюрьмы в Норфолке, сделав доктора своим «петухом» на три долгих, очень долгих месяца.

Было уже поздно. По жестяной крыше собранного из металлических листов дома барабанил дождь. В комнате стоял отвратительный запах ржавого железа, старой кожи, пыли, нестираных носков и несвежего пива. Это был запах тюрьмы, несмотря на то что это была не тюрьма, а полевой штаб подразделения, называвшегося Отдел безопасности Рэм-Дайн. Располагался он на нескольких сотнях акров безымянной пахотной земли в центре штата Виргиния.

Все, кто отвечал за планирование, собрались сейчас в этой полутемной комнате. Грубиян Джек Пайн, второй самый ужасный человек в мире после Шрека, сидел за столом. Больше никого не было. Эта группа, перед которой стояла необычайно сложная и мрачная задача, была весьма малочисленной.

На небольшом экране проектор высветил четыре лица. Каждый из этих людей обладал огромным количеством способностей. Сначала их разыскал Отдел исследований, потом навели справки и проверили в Отделе планирования и только после того, как профессионалы Отдела боевых операций убедились в их способностях, их всех собрали в этот зловеющий квартет. Добблер должен был сломить их психологически – это было последнее решение полковника Раймонда Шрека.

Естественно, что у всех четверых есть свои комплексы. Доктор Добблер сразу это заметил. Он был специалистом в области психиатрии. Комплексы были его профессией.

– Слишком самовлюбленный, – сказал он о первом. – Очень много времени уделяет своим волосам. Никогда не доверяйте человеку с прической стоимостью в семьдесят пять долларов, потому что люди такого склада считают, как правило, что к ним должны относиться по-особому. А нам нужен такой, кто был бы в чем-то особенный, но к которому никогда как к особенному не относились... Что касается второго номера, то он чертовски умен. Необычайно расчетлив, но всегда играет по правилам. Просчитывает все наперед. Никогда не сидит на месте. Теперь о третьем... Очаровательный болван. Но тихий. Он обладает как раз теми качествами, которые нам нужны, к тому же имеет опыт работы с техникой. Предан как собака. Не буйный. Пожалуй, даже слишком тихий, слишком педантичный, слишком любит всякие удовольствия. Очень суровый.

– Чувствую, вы снова начинаете свои штучки, Добблер, – грубо сказал полковник Шрек. – Давайте нам только информацию, без всяких там милых словечек.

Добблер поморщился.

– Хорошо, – в конце концов произнес он, – теперь нам осталось разобраться только с одним.

Джек Пайн ненавидел Добблера. Какой-то весь мягкий, Добблер, со своей большой головой, жиденькой бородкой и длинными нежными пальцами, был самым мерзопакостным созданием в мире. У него была женоподобная грудь, да и сам он был почти как настоящая женщина. К тому же вечно старался все превратить в спектакль.

Джек Пайн был суровый, неприятный на вид человек, маленького роста, весь в татуировках, недалекий, с пустыми маленькими глазами на мясистом лице. Он был необычайно силен и почти нечувствителен к боли. Его профессией было обеспечить, чтобы все проблемы решались, причем не важно как и какие. Он коснулся своего укороченного «Ремингтона-1100», который удобно торчал из кобуры, расположенной под левым плечом. В длинном подствольном магазине было шесть спаренных патронов 12-го калибра. В каждом патроне девять свинцовых картечин 32-го калибра. Меньше чем за три секунды он мог выпустить пятьдесят четыре куска свинца. И решить благодаря этому любую проблему.

– Подробности впечатляют, – продолжал Добблер. – Он убил восемьдесят семь человек. То есть все восемьдесят семь человек были выслежены и убиты самым зверским способом. Думаю, вы согласитесь, что это впечатляет.

Возникла пауза.

– Я за утро убивал по восемьдесят семь человек, – сказал Джек.

Джек был в роте «А», когда ему довелось пережить долгую осаду на южных высотах; особенно туго им пришлось, когда эти желтые твари пошли в атаку, своими многочисленными телами, словно волнами, вновь и вновь обрушиваясь на них.

– Да, ты их скошил всех за один раз. Из М-60², – подтвердил Шрек. – Я там тоже был. Давай дальше, Добблер.

² Пулемет, калибр 7,62 мм, США.

Добблер дрожал, и Джек это видел. Он все еще вздрагивал, когда полковник порой обращался непосредственно к нему. Джек уже почти смеялся. Он знал, что вызывает у психиатра страх, а ему вообще нравилось наблюдать, как другие люди испытывают это чувство.

Преодолевая себя, Добблер продолжил:

– Это не кто иной, как комендор-сержант Боб Ли Свэггер, Корпус морской пехоты США, в отставке, родом из Блу-Ай, штат Арканзас. Его называли Боб Снайпер. Он был вторым снайпером в Корпусе морской пехоты США во Вьетнаме по количеству убитых. Джентльмены, я представляю вам величайшего американского снайпера.

Боб любил волшебство и очарование этих животных. Когда он охотился за людьми, никакого волшебства и очарования не было и в помине. Люди трусили, кричали и выдавали себя со всеми потрохами еще за несколько миль до того, как попадали в смертельную зону.

А олени, особенно старые уошитские самцы старше пяти лет, появлялись как привидения, выплывая из покрытой кустарником неизвестности, подобно сверхъестественным пришельцам с других планет. Боб знал, что по-своему они действительно были сверхъестественными существами: они необычайно тонко чувствовали окружающий их мир, и все их чувства были всегда сконцентрированы на предстоящих двух минутах жизни. В этом была их тайна. Они не думали о прошедших двух минутах, которые переставали для них существовать в тот момент, когда истекала их последняя секунда. Они думали только о двух минутах, о тех двух минутах, в течение которых они жили. Никаких мыслей о прошлом, никаких мыслей о будущем. Только о настоящем.

И когда Тим выплыл из-за тонких арканзасских сосен, как бы материализовавшись из воображения и памяти Боба, тот, еще раз поразившись его красоте, не удивился.

Из сложных ситуаций прежних лет он вынес урок: удивляться опасно. В момент неожиданной встречи вы можете неуклюже дернуться и сразу же потеряете преимущество.

Поэтому Боб никак не отреагировал, когда увидел Тима.

Он сидел с подветренной стороны, поэтому чуткие ноздри Тима не должны были уловить никакого запаха, к тому же Боб на всякий случай вымылся вчера непахнущим мылом, просушил на ветру одежду и прополоскал рот перекисью водорода – чтобы в воздухе не витал острый запах зубной пасты.

Животное дернуло головой и, повернувшись, безошибочно уставилось на Боба.

«Ты не можешь меня видеть, – думал Боб. – Я же знаю все твои повадки. Ты можешь заметить только движение. Ты слишком умный парень, поэтому, уловив чье-то резкое движение, ты сразу же спасаешься бегством и скрываешься в чаще. Но сейчас ничего подобного не произойдет. Я сижу себе тут, а ты смотришь прямо на меня и ни черта не видишь».

После того как олень будто осмотрел Боба с ног до головы, Свэггер почувствовал, что взгляд животного скользнул в сторону. Это мгновение он любил больше всего: именно в эти недолговечные, хрупкие секунды благодаря винтовке между оленем и человеком возникает мимолетная и призрачная связь. Она длится какое-то мгновение, но Боб был уверен, что если не подведет олень, если не подведет ветер, если не подведут его нервы и не подведет удача, то скоро Тим окажется в перекрестье его прицела.

Он поднял винтовку.

Это был «Ремингтон-700» с автоматическим затвором, приобретенный группой подготовки стрелков Корпуса морской пехоты США и с любовью преподнесенный ему как подарок, когда он по инвалидности увольнялся из Корпуса в 1975 году. У «ремингтона» был тяжелый ствол старого образца, который почти полностью гасил отдачу при стрельбе. Однако Боб уже тогда заменил «родной» ствол стволом из нержавеющей стали от хартовской винтовки, а потом еще покрыл его сверху тефлоном. Так что в целом оружие представляло собой ужасное зрелище. Ствол и затвор крепились к алюминиевым частям винтовки с кевларовым

прикладом, в патроннике которой уже спокойно лежал один из тех патронов, что Боб набивал вручную.

Он поднял винтовку плавным, отработанным за многие годы движением. Если бы он находился в более благоприятных условиях, то, может быть, устроился бы и поудобней, выбрав максимально твердую позицию для стрельбы из положения лежа, но он знал, что ему придется провести здесь слишком много времени, и поэтому боялся, что если будет лежать на холодной земле, то совсем окоченеет. Уперев винтовку в плечо, он поставил локти на колени и, наклонив плечи вперед, держал весившую десять фунтов винтовку так, чтобы мышцы практически не напрягались и чтобы ни каприз уставших мускулов, ни стук сердца, ни колебания пульса в последний момент не помешали бы ему выстрелить.

Боб внимательно смотрел в прицел «Леопольд» десятикратного увеличения. Через мощные линзы, улавливающие почти все, он следил за головой и спиной Тима, которые в прицеле были в десять раз больше оригинала.

Большим пальцем Боб опустил предохранитель и поставил его в положение ведения огня. «Я дождался тебя, черт ты этакий, – подумал он, – и теперь с Божьей помощью обязательно заполучу твою задницу».

Казалось, что сердце совсем перестало биться. Отключившись практически от всего, он пытался погрузиться в тот источник внутреннего спокойствия, где единственным, что имело значение, было это маленькое пятнышко на кончике его указательного пальца, лежащего на спусковом крючке.

«О'кей, – подумал Боб, произведя небольшую коррекцию и установив прицел на спине Тима, ближе к позвоночнику, в то время как тот не спеша облизывал обледенелые веточки дерева. – О'кей, теперь ты у меня в руках».

Все четыре лица на экране исчезли, и затем неожиданно появилось молодое лицо Боба.

– Здесь ему двадцать шесть, он третий раз во Вьетнаме, – сказал доктор Добблер. – Десятое июня тысяча девятьсот семьдесят второго года. К этому моменту уже официально зарегистрировано сорок человек, которых он уничтожил с помощью снайперской винтовки, хотя, по неофициальным данным, это количество намного больше.

С экрана глядело грубоватое молодое лицо, худое и угрюмое. У него был узкий разрез глаз, гладкая кожа, линия рта напоминала тонкую ниточку. Во всем его облике было что-то, что выдавало в нем уроженца южных штатов. Его взгляд был суровым, как у человека, знающего свое дело и не имеющего даже намека на чувство юмора. Казалось, что он не терпит неудачников и отстающих и готов драться с любым, кто его заденет. Тропическая шляпа была сдвинута на затылок, приоткрывая соломенного цвета ежик. На нем была помятая форма с тисненными на кармане земным шаром и якорем. В руках он гордо держал черную винтовку с длинным стволом и вытянутым телескопическим прицелом. Он держал ее поперек, положив на изгиб своей левой руки, сжимая правой цевье приклада ближе к предохранителю.

Добблер смотрел на парня на экране. Перед ним было такое же невыразительное лицо, как у всех бедных белокожих крутых парней из южных штатов, тела которых, как правило, представляют собой настоящие шедевры татуировок: этикие убийцы, рожденные для того, чтобы сеять смерть, настоящие профессионалы, всегда готовые напасть на кого-то, проводящие все свое время на войне так же легко, как и в отпуске. Первый шок, который испытывал там всякий нормальный человек, был от того, что в таких зверских, ужасных условиях некоторые умудрялись не только выживать, но еще и благоденствовать.

Доктор продолжил:

– Заметьте, пожалуйста, что к нему не следует обращаться: Роберт Ли Свэггер. Отец называл его Бобом Ли, поэтому он приходит в неопишемую ярость, когда его называют Робертом. Предпочитает, чтобы его звали просто Бобом, а не Бобом Ли. Необычайно гор-

дится своим отцом, хотя едва его помнит. Эрл Свэггер был награжден Почетной медалью Конгресса за бои на Иводзиме³ во Второй мировой войне, потом служил полицейским в Арканзасе и был убит при исполнении служебных обязанностей в 1955 году, когда Бобу исполнилось всего девять лет. Его жена переехала из Литл-Рока в округ Полк на севере Арканзаса, где неподалеку от Блу-Ай у них была семейная ферма. Там они и владели свое жалкое существование – Боб, его мать и тетя. Боб во многом дитя этой сложной Второй поправки к Конституции⁴, и мне кажется, что его судьба полностью совпадает с судьбами двух других величайших стрелков Америки – Альвина Йорка и Ауди Мерфи. Рано оставшись без отца, он рос в приграничном штате на заброшенной ферме. Охотиться было не просто интересно и естественно, но и необходимо, дабы добывать пропитание. Он быстро стал профессиональным охотником, имея всего лишь однозарядную винтовку двадцать второго калибра, затем, в юные годы, он приобрел настоящую охотничью винтовку с рычажным механизмом затвора, а потом – винчестер тридцатого калибра. С того момента, когда отец впервые разрешил ему выстрелить из винтовки, было видно, что он необычайно одаренный стрелок. В 1964 году, закончив среднюю школу только с отличными оценками – как бы удивительно это вам ни казалось, – Боб не захотел продолжать учебу в колледже и поступил на службу в Корпус морской пехоты США. Это его решение совпало с началом вьетнамской войны. Первый раз он побывал там в 1966 году в звании младшего капрала, был дважды ранен. Второй раз он оказался там в 1968 году, как раз во время тета⁵, и в качестве командира разведывательного патруля выполнял целый ряд опасных заданий в демилитаризованной зоне. В 1971 году в учебном центре Перри, штат Огайо, Боб Ли стал чемпионом страны по стрельбе из винтовки на тысячу ярдов. Его отметили. В конце 1971 года он возвращается во Вьетнам – в разведывательно-снайперский взвод штабной роты двадцать шестого полка Первой дивизии Корпуса морской пехоты США, действующей в районе города Дананг.

Добблер нажал кнопку. На экране высветилась визитная карточка, на которой под контуром винтовки с оптическим прицелом была сделана лаконичная подпись:

«МЫ ТОРГУЕМ СВИНЦОМ, ДРУЖИЦЕ!
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-СНАЙПЕРСКИЙ ВЗВОД,
ШТАБНАЯ РОТА,
ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ КОРПУСА
МОРСКОЙ ПЕХОТЫ».

– Первая строчка выдрана из «Великолепной семерки» Стива Мак-Куина, – продолжал Добблер. – Мы видим визитную карточку его взвода, который действовал в этом регионе в составе подразделений Первой дивизии Корпуса морской пехоты по проведению психологических операций. Они оставляли такие визитные карточки на самых видных местах. Выполняя задания в этих районах, Боб и его товарищи обычно прикалывали их к левому рукаву убитых в результате прямого попадания одной-единственной пулей прямо в грудь. Разведывательно-снайперский взвод Первой дивизии Корпуса морской пехоты США был подразделением самых опытных профессиональных убийц. За шесть лет боевых действий они, говорят, убили более тысячи семисот пятидесяти солдат противника, хотя за все годы существования этого подразделения в его составе побывало только сорок шесть человек. Сержант Карл Хичкок, на счету которого было девяносто три официально зарегистрирован-

³ Иводзима – маленький вулканический островок в Тихом океане, где в феврале-марте 1945 г. происходили ожесточенные сражения между американскими и японскими войсками.

⁴ Вторая поправка к Конституции США разрешает гражданам США приобретение и ношение огнестрельного оружия.

⁵ 30 января 1968 г., во время праздника Тет (вьетнамского Нового года), вьетнамцы произвели мощное наступление; для его отражения американцам пришлось вести ожесточенные бои против сил Северного Вьетнама и Вьетконга (коммунистического повстанческого движения в Южном Вьетнаме).

ных убитых, был первым. Боб – спустя пять лет – стал вторым: на его счету восемьдесят семь убитых. Но было еще несколько снайперов, имевших в своем активе порядка шестидесяти попаданий, и более десятка человек, каждый из которых убил чуть больше пятидесяти солдат противника. Что касается Боба, то вполне очевидно, что он выполнял определенные задания Оперативного отдела ЦРУ, так как уничтожал людей, занимавших центральные посты в административных структурах, сборщиков налогов во Вьетконге, местных глав общин и прочих. Так что он не так уж несведущ в отношении деятельности профессиональных органов разведки. Но в общем у него были более простые задачи, например выбивание сержантского состава в регулярных частях вьетнамских вооруженных сил, действующих на севере Вьетнама. Те даже назначили за его голову колоссальную награду – около пятидесяти тысяч монет. А однажды Боб вместе со своим лучшим другом, младшим капралом Донни Фенном, устроил засаду целому батальону северных вьетнамцев. Желтолицые быстро продвигались в направлении небольшого отряда наших войск специального назначения, отрезанного на этот момент от главных сил лагеря. Погода была отвратительная, тучи висели прямо над джунглями, так что оказать поддержку с воздуха или осуществить эвакуацию людей было невозможно. Плюс ко всему лагерь был расположен вне досягаемости огня нашей артиллерии. Тысяча человек неприятеля, направляющихся к вершине, где было всего двенадцать наших солдат!.. Боб и его друг оказались единственными представителями американских войск в этом районе боевых действий. Подкараулив северных вьетнамцев, они стали выбивать их офицеров. Вдвоем они держали весь батальон в напряжении более сорока восьми часов. В этом двухдневном приключении Боб уложил более тридцати человек. Дело было в долине Ан-Лок. Батальон так и не добрался до «зеленых беретов», а Свэггер и его напарник вышли на них три дня спустя.

Даже Пайн, который никогда ничему не удивлялся, присвистнул.

– Умеет немного стрелять, стервец, – сказал он.

Щелкнул проектор.

На госпитальной койке лежал замотанный в бинты человек. Одна его нога была подвешена в гипсе, глаза глубоко запали, выражение лица мрачное.

Добблер продолжил:

– Война для Боба Ли Свэггера закончилась 11 декабря 1972 года, когда ему в бедро попала пуля, выпущенная вьетнамским снайпером. Его друг и напарник Донни Фенн спустился по насыпи, чтобы помочь ему. Следующая пуля попала Донни прямо в грудь и прошла навылет, пробив позвоночник. Все утро Свэггер пролежал с мертвым другом, пока не удалось навести артиллерию на место, где засел снайпер. Так закончилась для Боба война, а с ней и его карьера в морской пехоте США: он уволился из Корпуса морской пехоты по инвалидности в 1975 году, после того как три года провалялся на больничных койках. Вместе с этим закончились и соревнования по стрельбе. Спортивная стрельба – особый вид спорта. Его участники испытывают массу физических неудобств, поскольку вынуждены надолго фиксировать различные стрелковые позиции. Со своей ногой, кость которой была стянута металлическим штифтом, Боб уже никогда не смог бы стрелять в таких условиях и никогда бы уже не достиг былой спортивной формы. В общем, Боб Ли Свэггер отдал своей стране все, что только мог. Его героизм, однако, заставил многих американцев чувствовать себя несколько неуютно. Дело в том, что Свэггер не спасал жизни, не поднимал солдат в атаку. Он был просто-напросто высокопрофессиональным убийцей. Может быть, именно по этой причине его не награждали медалями и не окружали должным почетом, хотя все это он, безусловно, заслужил. То, что было потом, предугадать несложно. Женился, но брак распался. Попытка сделать карьеру в компании «Лежбен», занимающейся продажей недвижимости, потерпела крах. Хотел вернуться в колледж, чтобы продолжить обучение, но потом вдруг потерял к этому всякий интерес. В середине и в конце семидесятых он несколько раз

лечился в клиниках для алкоголиков. В восьмидесятых, кажется, обрел душевное спокойствие и заключил своего рода мир с самим собой и своей страной, удалившись от всех. Легко себе представить, насколько отрицательной была его реакция на ту чрезмерную патриотическую спесь, которая охватила Америку после победы в войне в Персидском заливе. Все это лишь усилило его горечь и заставило еще больше изолироваться от общества. Сейчас Свэггер живет в горах Уошито, в нескольких милях от Блу-Ай, в своем трейлере. Его единственным средством к существованию является пособие по нетрудоспособности, так как он уволился из морской пехоты по инвалидности, да еще то, что осталось от тридцати тысяч долларов, которые отсудил ему его приятель Сэм Винсент, адвокат округа, предъявивший иск журналу «Месенери»⁶ и выигравший этот процесс в 1986 году. Боб живет один, правда, у него есть еще его винтовки – несколько десятков штук. Он стреляет из них каждый день и обращается с ними так, будто они и есть его настоящие друзья. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что в нем накопилось огромное чувство возмущения и обиды на всех и вся. Плюс к этому абсолютная изоляция от общества. Все это делает его уязвимым и поддающимся влиянию. Но это сильный человек. Этот одинокий чудаковатый отшельник – такой же крепкий орешек, как те «орешки», которыми он стрелял из своей винтовки.

Когда винтовка толкнула его в плечо и картина прицела из-за отдачи превратилась в неясные очертания какого-то предмета, Боб понял, что выстрел, к которому он готовился все эти долгие часы, был точным. Ему показалось, что в тот самый момент, когда спусковой механизм послал затвор «ремингтона» вперед и ударник пробил капсюль, все предметы вокруг мгновенно отпечатались в его мозгу: за считанные доли секунды, пока это длилось, он успел понять, что винтовка не подвела и что прицел, выхвативший за двести ярдов маленький участок тела менее чем в два дюйма, был нацелен именно туда, куда он хотел. Да, спуск был плавный и мягкий... Он даже удивился, когда прозвучал выстрел: он занял правильную позицию, твердую и устойчивую, и ни отдача винтовки в последнее мгновение выстрела, ни тень сомнения или неуверенности в своих силах – уже ничто не могло ему помешать.

Да, он попал.

Склонившись к земле и яростно дергая ногами, животное мотало головой, пытаясь стряхнуть неожиданно наплывшую на глаза красную пелену. Его большая голова, украшенная огромными красивыми рогами, вдруг резко запрокинулась, передние ноги подкосились, и олень тяжело рухнул на землю.

Не отрывая от плеча винтовку, Боб передернул затвор, из которого желтым отблеском металла вылетела стреляная гильза, затем сразу же дослал в патронник новый патрон 308-го калибра и снова навел винтовку на цель. Но в повторном выстреле необходимости не было. Поставив винтовку на предохранитель, Боб опустил ее и посмотрел на бьющегося в агонии Тима, который в последней попытке поднять свое тело безнадежно дергал толстой, покрытой грязью и снегом шеей. Животное никак не могло смириться с тем, что его ноги больше не подчиняются ему и что по всему телу неумолимо распространяется оцепенение.

«Что ж, парень, брыкайся сильнее, – думал Боб. – Чем больше ты будешь стараться, тем быстрее это на тебя подействует».

Наконец-то он позволил себе встать. Ноги затекли и ужасно болели, и только сейчас он вдруг понял, что совершенно околел. Боб стал сгибать и разгибать пальцы, чтобы убедиться в том, что они все еще работают. Рука потянулась растереть ноющее бедро, но он сразу же отдернул ее: все тело под пуховой курткой было мокрым от пота. Поежившись, он окоченевшими ногами сделал несколько шагов и подобрал стреляную гильзу.

⁶ «Наемник» (англ.).

После выстрела Боб не испытывал почти никаких чувств. Повернувшись, он посмотрел на лежащего в кустарнике, более чем в ста ярдах, оленя. В душе у него не было ни радости, ни триумфа победы.

«Да... хорошо... Я еще немного умею стрелять, – подумал он. – Значит, я еще не так стар».

Прихрамывая, он спустился с холма на прогалину и подошел к лежащему оленю. Непрекращающийся снег больно бил его по лицу. Весь мир казался серым и мокрым. Его трясло от холода.

Животное дышало с присвистом и хрипом, продолжая стучать головой о землю. Один глаз был у него широко раскрыт. Боб нагнулся, чтобы получше его рассмотреть. Он ожидал увидеть в этих больших черных глазах ужас, ярость, упрек в предательстве – все то, что так сильно заставляло его только что волноваться.

По телу животного прошли глубокие судороги, и из полуоткрытого рта вывалился длинный язык. Олень был сильным и матерым. Его ноги были покрыты шрамами, как колени у футболистов. Боб разглядел у него на боку, сзади, бесчисленное количество шрамов, которые остались у него с тех самых пор, как Сэм Винсент несколько лет назад всадил в него из своего 444-го калибра весь заряд дроби. Но рога, хоть сейчас они и были немного несимметричными, выглядели просто великолепно. У Тима были не рога, а целая громадная вешалка, на которой двенадцать отростков, переплетаясь и изгибаясь, росли в таком густом беспорядке, что напоминали терновую корону, надетую на голову редкой красоты. Это был великолепный трофей.

Бока животного все еще тяжело вздымались, и под кожей угадывались мощные кости ребер. От его тела, несмотря на покрывающий его снег, исходило тепло и неприятный животный запах, густой и плотный. Этим теплом даже можно было бы, наверное, согреть руки. Левая задняя нога была неестественно согнута, и создавалось впечатление, будто он собирается ею ударить. Боб посмотрел на пулевое отверстие. Пуля попала туда, куда он и хотел, и как раз в то место, куда ее направил «ремингтон»: темно-красное пятнышко на спине, ближе к шее, как раз над позвоночником.

«Ну что, приятель, – подумал Боб, – ловко я с тобой справился».

Вновь задержавшись, Тим жалобно захрапел. Его рыжевато-коричневая голова то и дело падала в грязь, при этом олень испуганно косил на Боба одним глазом. Свэггер наклонился и бережно погладил животное.

Боб потрогал оленьи рога и вытащил свой нож – старый, убийственно острый «Рэндолл сёвайвз».

«Не бойся. Все закончится за несколько секунд, приятель», – сказал он, склоняясь над Тимом.

– Минутку, – вмешался Пайн.

Добблер сглотнул. В темноте свирепый взгляд Пайна казался почти безумным. Пайна боялись все, кроме Шрека.

– Полковник, на службе я повидал немало таких парней, как этот, впрочем, вы тоже, – сказал он, обращаясь к Шреку. – Я с гордостью могу сказать, что, когда мне было двадцать два, я служил вместе с ними в войсках специального назначения. Сейчас, когда снова пришло время убивать, парня лучше, чем этот ваш белый южных штатов, нет. Поверьте, эти ребята умеют стрелять, они такие вещи вытворяли – просто уму непостижимо! Но во всем этом есть одна проблема: они терпеть не могут, когда ими командуют, и считают защиту своего достоинства делом чести. Заденьте любого из них – ни один ни за что не простит вам этого, пока не поквитается. Но в этом случае я за вас и гроша ломаного не дам. На службе я насмотрелся на это по горло, так что могу говорить со знанием дела.

– Продолжай, Пайн, – сказал полковник.

– Это настоящие мужики, крутые. Если они втемяшат себе что-нибудь в голову, то это уже ничем не выбьешь. Поэтому я вам скажу просто: если вы тронете этого парня, то я гарантирую, что у вас будут такие неприятности, какие вам никогда раньше и не снились.

– Я считаю, – громко сказал доктор, – что мистер Пайн сделал прекрасное уточнение. Я бы не стал недооценивать Боба Ли Свэггера. Особенно мистер Пайн прав в той части своего выступления, где он обращает наше внимание на так называемую «проблему чести» Боба и таких ребят, как он. Подобное понимание чести и есть именно тот фактор, который делает его для нас потенциально уязвимым. Фактически он действует как абсолютно точная винтовка, благодаря чему и заслужил свою кличку – Боб Снайпер, и он очень опасен, если с ним обращаться небрежно, но абсолютно надежен, если с ним обращаться как следует. В конце концов, о том, что нас интересует, он знает больше, чем любой из оставшихся в живых. Он просто самый лучший снайпер во всей западной части Соединенных Штатов. – Он бросил быстрый взгляд на неподвижную фигуру Шрека, но ответом ему было гробовое молчание. Добблер продолжил: – Однако существует одно серьезное «но». Боб Снайпер действительно виртуозный стрелок, но... у него есть один очень большой недостаток.

Склонившись над Тимом, Боб переложил нож в левую руку.

Тим еще раз всхрапнул.

Боб покрутил рукоятку «Рэндолла», и оттуда появился плотный ряд стальных зубцов небольшой пилы. Он стал подпиливать левый рог оленя у самого основания, но не там, где под бархатистой шишечкой проходят вены, а на дюйм-два выше, где рог уже полностью окостенел. Пила легко входила в рог, и через несколько мгновений у него в руках была половина короны. Он отбросил ее в сторону, в кусты, и так же тщательно отпилил вторую половину.

Затем отступил назад, опасаясь, что животное может его затоптать.

Зверь тяжело оторвался от земли и привстал.

Боб с силой хлопнул его по крестцу:

– Ну давай, парень. Пошел! Пошел! Пошел отсюда, старый черт!

Тим брыкнулся, снова захрапел и с неописуемым восторгом затряс облегченной головой. Из его ноздрей вырвались две струйки дымчатого пара; казалось, что он стал еще сильнее, когда, разбрасывая в стороны кусочки льда, как сумасшедший бросился в сторону молодых сосен и быстро скрылся в лесу.

Через секунду он исчез совсем.

«Все-таки я тебя надул, сукин ты сын», – подумал Боб, глядя вслед исчезнувшему оленю. Он отвернулся и зашагал прочь. Впереди была долгая дорога домой.

– Его недостаток, – сказал доктор, – заключается в том, что он больше не может убивать. Да, он продолжает охотиться. Он уходит на большие расстояния и подвергает себя суровым испытаниям, но только лишь для того, чтобы проверить себя и сделать точный выстрел, плюс к этому он берет трофеи. Пули, которыми он поражает животных, отлиты им самим из эпоксидной смолы. Дальность полета у них – сто ярдов. Если он попадает в животное правильно – а он всегда попадает туда, куда надо, потому что целится как раз между лопаток, чуть выше позвоночника, – он буквально сбивает его с ног и лишает сознания на пять-шесть минут. В каждой пуле сделана маленькая полость, которая заполняется для веса красной алюминиевой пылью, так что, когда пуля попадает в животное, на нем остается красное пятно, которое, впрочем, смывает первый же дождь. Необычно, правда? Потом он отпиливает у них рога. Хотя Боб далеко не тот человек, который стал бы охотиться за оленями только для того, чтобы заполучить их рога. Он не любит охоту за трофеями. Ведь он

и сам когда-то был чем-то вроде трофея. Все это он проделывает, чтобы поддерживать себя в должной стрелковой форме.

— Тогда все в порядке, — сказал полковник Шрек. — Свэггер нам подойдет. Но нам надо найти для него такой трофей, по которому этот засранец все-таки выстрелит.

Глава 02

Странно, как все-таки порой винтовка может раздражать... Старый отменный винчестер 70-й модели 270-го калибра, выпущенный еще до шестидесят четвертого года, безотказно служил Бобу на протяжении пяти лет, стреляя с отклонением в один дюйм – на расстояние сто ярдов, два дюйма – на двести и три дюйма – на триста ярдов, причем всегда с одинаковой кучностью. Но сегодня он неожиданно подкачал. Дырочки от пуль нарисовали на мишени созвездие с рваными краями, имеющее более трех дюймов в диаметре.

Боб был немного сбит с толку: он никак не ожидал подобных результатов. Черт побери, это становилось уже просто любопытно. Но была и еще одна причина, по которой он непременно должен был разобраться с этим сбоем: чтобы и дальше оставаться самим собой, он должен всегда быть уверенным в себе и в своем оружии.

Черт бы побрал этот 70-й. Он может угробить на него целую неделю. Придется сначала разобрать его на части, вплоть до самого маленького винтика и последней пружины, а потом перебрать все эти крошечные детали одну за другой в поисках металлических зазубрин или песчинок в рабочих частях и механизмах, а также в поисках еле заметных признаков износа или усталости металла. Он отдраит курок и весь ударно-спусковой механизм, на ощупь проверит каждый квадратный сантиметр поверхности приклада, пытаясь обнаружить сучки, занозы, щепочки, следы деформации, что-нибудь такое, что помогло бы ему понять, почему ствол при стрельбе отклоняется от точного направления.

И когда вся эта работа будет сделана, ему, в случае если винтовка все равно будет стрелять неточно, придется повторить все сначала.

Его крошечная мастерская располагалась позади трейлера. Это было что-то наподобие небольшого эллинга, собранного из темных листов гофрированной жести. Возле одной стенки стоял станок для повторной зарядки гильз, состоящий из одноступенчатого «Рок Чакера» – для винтовочных патронов и «Диллона» – для 45-го калибра. Вдоль всей стены аккуратно и тщательно были разложены всевозможные матрицы. Задняя стена была разделена на полки и отсеки, где хранились у него записные книжки, мишени и мешки со стреляными гильзами, которые он еще не успел перезарядить. Запах ружейной смазки смешивался с запахом растворителя, и все это висело в воздухе, подобно пару. Помещение освещала одна-единственная лампочка, и если Боб не стрелял и не спал, то обычно читал здесь «Ганс энд армор», «Шутинг тайме», «Америкэн райфлмен», «Экьюрэси шутинг», «Шотганс ньюс» или «Райфл».

Но этим утром, задумчиво созерцая провинившийся 70-й, он неожиданно услышал лай Майка. Майк, старый злой пес с желтыми глазами, был наполовину гончей; вечно грязный, он бродил вдоль ограды, которую Боб построил вокруг своего трейлера, и в обмен на объедки со стола и ежедневные веселые прогулки по холмам отгонял от трейлера почти всех людей, кроме двух-трех друзей Боба, которым тот позволял к нему приходить. Но сегодня Майк надрылся особенно долго, и Боб понял, что тот, кто приехал, уезжать не собирается.

Он вытащил из ящика заряженный и взведенный кольт 45-го калибра и засунул его в задний карман джинсов; затем набросил куртку и, натянув бейсбольную кепочку «Рейзор-бэк», вышел из мастерской. Солнце было тусклым и как будто вылинявшим. Вокруг сурово вздымались голубые горы Уошито, всем своим видом давая понять, что скоро наступят холода. Боб повернулся и увидел двух мужчин, которые стояли возле автомобиля, видимо взятого напрокат. Они ждали сразу за воротами, и Майк с завываниями бросался на них с такой яростью, словно готов был разорвать непрошенных гостей в клочья, если они подойдут ближе.

Поверх костюмов на них были обычные плащи. Но военная выправка бросалась в глаза. Может быть, не сейчас, может быть, в прошлом, но все равно эти люди были военными – в этом сомнений не было. Они, казалось, были вырезаны из одного и того же твердого дерева. Один был похож на глыбу, квадратный, почти одного роста с Бобом, но на полторы головы ниже его, с огромными руками и грузным, похожим на шкаф телом. На голове у него был аккуратный ежик, и буквально каждый квадратный сантиметр его тела кричал: «Я – сержант!»

Второй, очевидно, был офицером: более высокий, но тоже крепкий, хорошего телосложения, с квадратным лицом и с короткой, но все же не под ежик, стрижкой. Он выглядел так же, как выглядели по крайней мере девять из двенадцати командиров батальона, с которыми Боб столкнулся за время своей службы. Это были люди, которых Боб хоть и не любил, но уважал, потому что они четко и ясно ставили боевую задачу и всегда выполняли ее до конца.

– Пошел вон! Заткнись! – прикрикнул Боб на Майка и дал ему пинка.

Собака отбежала к двери. Но Боб не снял замок с ворот. Засунув руку в задний карман джинсов, он взялся за рукоятку своего кольта, потому что всегда лучше держать пистолет в руках, чем в кармане штанов, особенно когда дела складываются хреново.

– Что вам надо? – прищурившись, спросил он.

– Вы – мистер Боб Ли Свэггер? – поинтересовался офицер.

– Да, сэр.

Боб флегматично сплюнул в пыль.

– С вами трудно связаться, мистер Свэггер. Мы послали вам пять писем. Похоже, вы их даже не распечатали. К тому же у вас нет телефона.

Боб припомнил эти чертовы письма. Он думал, что они были от Сьюзен, его бывшей жены, которая снова просила денег. Или, может быть, от кого-нибудь из тех рехнувшихся любителей поговорить о войне, которые готовы были платить ему деньги, только бы он разъезжал повсюду и рассказывал людям всякие военные небылицы.

– Это частная собственность, – заявил он. – Вас сюда никто не звал. Так что возвращайтесь туда, откуда приехали, и оставьте меня в покое.

– Мистер Свэггер, – сказал офицер, – мы приехали сюда с деловым предложением, которое может принести вам много денег.

– Я не нуждаюсь ни в каких деньгах, – отрезал Боб. – У меня их достаточно.

– Я надеялся, что вы сделаете одолжение и выслушаете меня, вот и все. Уделите нам пять минут вашего времени, и если после этого вы не заинтересуетесь тем, что я вам расскажу, и тем, что я предложу, то мы отсюда уедем.

Тот, что был поменьше ростом, так ничего и не сказал. Он просто смотрел на Боба во все глаза и казался отвратительно агрессивным. Он держал свои большие руки в карманах, и Бобу не понравилось, как оттопыривался у него под правой рукой широкий плащ.

Боб повернулся к офицеру:

– Почему это я должен вам делать такое одолжение, сэр? Я вас даже не знаю.

– Может быть, это подтвердит мои честные намерения?

С этими словами он достал из кармана красивую коробочку и перебросил ее через ограду. Она упала в грязь к ногам Боба.

– Настоящая, – сказал офицер. – Я заслужил ее честно. Около Дакто, рядом с Первой магистралью, в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. Я был майором и служил в Двадцать четвертой механизированной дивизии. Это был трудный день.

Боб поднял коробочку и, открыв крышку, к огромному своему удивлению, обнаружил там Почетную медаль Конгресса.

Он тяжело сглотнул. У его отца была такая же за бои на Иводзиме, и по крайней мере с десятков офицеров говорили ему, что он тоже заслужил эту медаль, когда вместе с Донни

Фенном сдерживал батальон главных сил противника в долине Ан-Лок, но он ее так и не получил, потому что политики того времени считали, что снайперу не следует вручать такую почетную награду. Но Боба это не волновало. Он никогда особенно и не стремился получить эту медаль. Ему просто не нравилось, что его способ уничтожения противника считался каким-то нечестным и не признавался открыто.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь выбросить из головы все эти мысли. – Только из уважения к тому, что вы сделали для нашей страны, я выслушаю вас. Но постарайтесь покороче. Он отпер ворота.

Сняв внутри трейлера свои плащи, мужчины остались в строгих деловых костюмах. Создавалось, правда, впечатление, что у коротышки под пиджаком было припрятано что-то вроде укороченной винтовки, хотя сам он старательно изображал на своем лице скуку. Пока Боб не собирался их впускать, пока они не знали, смогут ли войти внутрь или нет, коротышка весь был напряжен и готов к борьбе. Теперь они уже были внутри, и он ходил тихо и осторожно. Второй мужчина вел себя совсем по-другому. Перегнувшись через стол, стоявший посередине аккуратной маленькой гостиной трейлера, он внимательно посмотрел на Боба своими темно-кариими глазами.

– Вот, мистер Свэггер, это поможет делу.

Он протянул Бобу визитку, на которой тот прочитал:

ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ А. БРЮС

(в отставке)

Помощник президента фирмы

по текущим вопросам

Корпорация «Экьютек»,

высокоточное производство.

Дальше шел адрес, по которому можно было судить, что это находится где-то в штате Мэриленд, и чуть ниже мелкими буквами были напечатаны основные направления деятельности фирмы:

– Производство технических средств для подразделений по обеспечению законности.

– Производство боеприпасов для подразделений по обеспечению законности.

– Проведение подготовительных сборов и семинаров; консультации по стрелковому оружию.

– О'кей, – сказал Боб. – Итак, полковник, что вас ко мне привело?

– Мистер Свэггер, после своего увольнения из вооруженных сил в тысяча девятьсот семьдесят пятом году я шестнадцать лет провел в качестве инспектора полиции штата Аризона. В прошлом году я уволился с этого поста и открыл свой маленький бизнес, который, по идее, должен дать американским подразделениям по обеспечению законности усовершенствованное техническое оснащение и новые возможности.

– Именно поэтому ваш мальчик таскает под мышкой пушку?

Выражение лица коротышки не изменилось, только при слове «мальчик» он вдруг весь как-то вспыхнул, словно тот, кто находился внутри этого низенького коренастого тела, внезапно очутился в раскаленной печи.

– Мой помощник является также моим телохранителем, мистер Свэггер. Я, как и любой, кто служил в подразделениях по обеспечению законности, успел нажать себе врагов. Штатом Мэриленд мистеру Пайну было предоставлено право носить при себе оружие, и точно такая же услуга была оказана ему штатом Арканзас.

– Да, сэр.

– В любом случае я пришел сюда вот почему... Это мое самое новое усовершенствование в выпускаемой продукции.

Он протянул через стол желтую коробочку размером с две сигаретные пачки.

«„ЭКБЮТЕК“, СНАЙПЕРСКИЕ БОЕПРИПАСЫ» – было написано ярко-красными буквами. И ниже: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ».

Боб открыл коробочку и увидел, что это были патроны 308-го калибра с полостью в наконечнике весом 150 гран. На него смотрели двадцать великолепных двойных кружочков – кружок капсюля и ободок вокруг него; все они чем-то напоминали глаза. Он вытряхнул патрон из коробки. Гильза была тяжелой и ярко сверкала. Овальной формы конус патрона венчал идеальный по исполнению и точности кратер. Внешне он выглядел почти так же, как и любой другой патрон 308-го калибра, за исключением разве что яркой полосы на блестящей гильзе возле самого дульца.

– Ни одна из американских компаний по производству боеприпасов еще не видела этого, – сказал полковник. – Даже такие серьезные фирмы, как «Винчестер сьюприм», «Федерал премиум» и «Ремингтон икстендид рэндж». Я гарантирую вам стопроцентное попадание из хорошей винтовки.

– С расточенным дульцем... – заметил Боб, проводя пальцем по яркой полоске. – Как вы умудрились запустить в массовое производство патроны с такой гильзой? Это же ручная работа. Я не представляю, как это можно сделать.

– Лазерами.

– Хмм, – произнес Боб. – О'кей, я слышал, что сегодня на некоторых предприятиях лазеры применяются в качестве точных приборов контроля. Вы их применяете и при зарядке?

– Да, – ответил полковник, наклонившись вперед. – Промышленные лазеры уже становятся реальностью в высокоточном производстве. Сегодня они используются для создания электронных схем, ракетных систем управления и для производства высокоточных технологий. Моя идея заключалась в том, чтобы применить их в промышленном производстве боеприпасов. Компьютерная программа может закодировать их так, что вы получите практически неограниченные возможности для повторной перезарядки патронов. Вы же знаете, в чем заключается ценность любого патрона, – в точности. Поэтому все то, что вы делаете собственноручно и в единичных экземплярах, мы можем производить, используя промышленные мощности, причем наши патроны будут самого высокого качества. Мы покупаем гильзы у «ремингтона» в количестве ста тысяч штук; наши лазеры обрабатывают дульца гильз внутри и снаружи таким образом, что все они получают абсолютно одинаковый диаметр. Затем мы вырезаем в основании гильзы небольшое отверстие и устанавливаем через него капсюль. Все это мы можем выполнить при помощи автоматики, контролируемой лазерной техникой. Другими словами, мы можем запрограммировать машины и оборудование на обработку гильз строго в соответствии с направлением лазерных лучей. Таким образом мы можем выпускать тысячи и тысячи патронов прекрасного качества, в то время как вы будете делать один или два по своим собственным матрицам, или, может быть, по матрицам РСБС, или Уилсона, или еще каким-нибудь другим, которые вы используете для этих целей.

Боб посмотрел на лежащий у него на ладони патрон.

– За несколько лет я сделал довольно много патронов триста восьмого калибра, причем неплохого качества.

– Но вам пришлось покорпеть, прежде чем они у вас появились, не так ли? – спросил полковник.

– Да, сэр, что правда, то правда.

– Вот в коробке патроны. Они просто находка для всех полицейских учреждений, которых полным-полно в стране. Позже, возможно, мы разрастемся и предложим эти патроны и гражданскому населению, если, конечно, удастся добиться репутации организации, заботящейся о соблюдении законности.

– Ну и что же вы от меня хотите?

– Мистер Свэггер, я ищу профессионального стрелка, который бы летал по всей стране и проводил показательные стрельбы для полицейских департаментов с целью повышения уровня боевой подготовки их подразделений спецназа. Но мне нужен человек с репутацией. Такой, который, побывав во всякого рода переделках, остался жив и вернулся домой целым и невредимым.

– Почему вы не выбрали Карла Хичкока? Он же знаменитость. О нем написаны кипы книг, его везде знают, повсюду рекламируют. Он – номер один.

– Карл привык получать слишком много денег за свое участие в различных мероприятиях. За одно-единственное выступление в стрелковом шоу ему платят две тысячи долларов. Вы слышали об этом?

– Карл всегда был счастливчиком.

– В округе Гарритт, штат Мэриленд, у нас есть свое собственное оборудование, на котором мы проводим испытания. Мы хотели бы, чтобы вы слетали туда на выходные. За наш счет, разумеется. Вы привезете с собой свою самую лучшую винтовку и самые удачные патроны собственного изготовления. Согласны? Там, на стрельбище, вместе с несколькими нашими стрелками и конструкторами вы выпустите по мишеням несколько своих и несколько наших патронов. Если вы согласитесь на наше предложение, то тогда вы сможете сравнить свои патроны с нашими, а также определить кучность и точность стрельбы. Это все, чего мы хотим. Не торопитесь с ответом. Дайте нам шанс убедить вас в искренности наших слов. Елавное – чтобы вы поверили нам, все остальное приложится.

У Боба не было ни желания, ни необходимости покидать свои горы. Дело в том, что за исключением редких вылазок из дому – чтобы постричься, купить журналы и раз в месяц оплатить счета за почтовые услуги, да еще, может быть, одной или двух дружеских встреч с Сэмом Винсентом и традиционного посещения врача для проверки общего состояния здоровья и зубов, – он за последние пять лет никуда отсюда не уезжал.

– Работа предстоит большая, – сказал полковник. – Я облечу с вами всю страну, и вы встретитесь с людьми, которые будут относиться к вам с уважением. Вы сами знаете, что после Вьетнама мир очень сильно изменился. Говорят, что вьетнамский синдром умер. Только что закончилась война, которую мы выиграли. Это было сложное время, и теперь каждый, кто когда-то служил в вооруженных силах, снова может стать героем. Вы можете добиться того, чего вам не удалось достичь тогда. К вам будут относиться с уважением, любовью и должным вниманием.

Боб скривился. Он поверит этому только тогда, когда увидит все своими собственными глазами. Конечно, он понимал, что не сможет остаться здесь навсегда... Он еще раз взглянул на патрон. Любопытно. Эта проклятая вещичка выглядела так, будто ею можно было на лету отстрелить комару яйца. Но качество всегда определяется стрельбой, а не внешним видом. Боб почувствовал, как в голове у него что-то странно зазвенело. Резкая боль. С тех пор как он бросил пить, у него еще никогда так сильно не болела голова.

– Когда?

– А когда вам удобно?

– Сейчас я не могу. Есть некоторые проблемы с винтовкой. Скажем, на следующие выходные?

– Прекрасно. Как вам будет удобно. У вас есть кредитная карточка?

– Да, есть.

– Тогда, если вам это не трудно, купите себе билеты сами. Сохраните, пожалуйста, все квитанции – мы их потом оплатим. Или вы можете прямо сейчас подписать контракт. Тогда мы вам сразу выпишем аванс и...

– Сейчас я у вас никаких денег не возьму.

– Извините, я не подумал. Может быть, вас подбросить в балтиморский аэропорт или лучше арендовать для вас машину?

– Благодарю вас, я бы предпочел машину.

– Договорились.

– Тогда все, – сказал Боб. – А теперь мне надо идти кормить эту чертову псину.

Глава 03

Боб благоразумно навел справки. С автозаправочной станции Билла Доджа в Экссоне, на 270-й дороге, он позвонил своему старому приятелю, который уже тридцать лет был мастер-сержантом и служил сейчас в Отделе комплектования в Пентагоне. Боб задал ему несколько конкретных вопросов. На следующий день он получил телеграмму с ответом. В ней говорилось:

«СТАРИНА, ТВОЙ ПРИЯТЕЛЬ ПОЛКОВНИК БРЮС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТОТ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЕТ ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ АТАКУ БТР НА СКРЫТЫЕ ОГНЕВЫЕ ПОЗИЦИИ, БЫЛ ДВАЖДЫ РАНЕН, САМ ВЫВЕЛ ВСЕХ СВОИХ ЛЮДЕЙ ИЗ-ПОД ОГНЯ. ГОВОРЯТ, ОН СТАЛ ПОЛИЦЕЙСКИМ В АРИЗОНЕ. SEMPER FIDELIS⁷, ТВОЙ БРАТ».

Прочитав телеграмму, Боб направился в бюро путешествий Сары Винсент – Сара была дочерью Сэма Винсента, причем она была настолько некрасивой, что пугала даже Майка, – и, заказав там билеты, договорился с Сэмом, что тот будет раз или два в день заходить к нему домой, проверять, все ли у него в порядке, и кормить собаку. После этого он стал готовиться к тому, чтобы снова вернуться в тот мир, из которого когда-то ушел. Все было хорошо, даже слишком... до последней ночи. Он знал, что утром ему придется рано встать, чтобы отправиться в Литл-Рок, и в принципе уже был готов лечь спать. Все вещи были собраны и проверены. Тут это и случилось. Все произошло очень быстро, неожиданно и без всяких предварительных симптомов. Просто случилось – и все тут, никуда не денешься.

Неприятное состояние. Последний раз ему было так плохо, когда президент громкогласно заявил, что эта маленькая «войнушка» в пустыне закончилась победой Америки, и когда вся страна по этому поводу пиновала как сумасшедшая. Все были счастливы, кроме него и, наверное, еще миллиона парней, которые мысленно задавали себе вопрос, почему их двадцать лет назад не наградили такими же орденскими ленточками. Тогда для получения таких орденов имелись хотя бы заслуженные основания.

«Ну, теперь началось», – подумал Боб, чувствуя огромное желание опрокинуть стаканчик виски, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. Но он прекрасно понимал, что если будет первый стакан, то за ним будет и второй, и третий...

Кроме того, в доме виски не было, вообще никакого спиртного, ничего такого, что могло бы притупить боль, мучающую его мозг. Он припомнил убитого им ВК⁸, который оказался всего-навсего восемнадцатилетним парнишкой с мотыгой, – при слабых лучах заходящего солнца в девятикратный прицел на удалении восьмисот ярдов эта мотыга выглядела как автомат Калашникова. Ему припомнился запах сожженных деревень после проведения операции «Поиск и уничтожение», плач женщин и глаза этих проклятых Богом детей, которых он не мог забыть еще со времен своего первого приезда во Вьетнам. Снова вспомнились «брюходни», как они их тогда называли, – это когда приходилось ползать в высокой траве, избегая открытых пространств и возвышенностей, когда проклятые муравьи ползали по всему телу и повсюду, шипя, скользили отвратительные змеи, а ему приходилось лежать, ожидая порой по несколько дней, пока кто-нибудь подойдет ближе чем на восемьсот ярдов – такова была дальнотойность прицельного огня, – и тогда он его завалит. Боб вспомнил, как они падали, когда он попадал: как безжизненные тряпичные куклы, без всякого сопро-

⁷ «Всегда верен» (лат.), девиз Корпуса морской пехоты США.

⁸ Вьетконговца.

тивления, лишь поднимая при этом вокруг себя небольшое облако пыли. Так гибли многие из них. Эти так называемые «санкционированные» отстрелы всегда проводились в присутствии наблюдателя, чтобы потом их можно было зарегистрировать в журнале учета и включить в отчет.

Но чаще всего он вспоминал тот ужасный шок, который испытал, когда его бедро вдруг стало неметь и он, рухнув на землю, стал сползать по насыпному скату переднего края обороны. Посмотрев вниз, он увидел разорванное мясо и пульсирующую кровавую плоть. Сейчас, вспомнив об этом, он медленно положил руку на то место, где была рана, и она снова заныла. Потом он вспомнил, как к нему стал спускаться Донни. «Нет! – заорал ему Боб. – Назад! Не высовывайся!» Но его крик застыл в воздухе в тот момент, когда прилетевшая издали пуля, навывлет пробив грудь Донни, вышла через позвоночник. Он умер еще до того, как упал рядом с Бобом. Потом мертвый Донни все утро лежал с ним рядом...

– Уму непостижимый выстрел, Боб, – сказал ему позже майор. – Мы накрыли его за тысячу ярдов. Кто знал, что они так хорошо могут стрелять? Кто знал, что у них есть такие первоклассные снайперы?

Да, такое забыть невозможно. Но прошло время, и Боб научился не раскисать в такие моменты. Он просто уходил в горы или в какие-нибудь другие безлюдные места.

Боб сел за кухонный стол, если это самодельное сооружение можно было так назвать. Заново сделанное бедро немного побаливало. Боб чувствовал, что наступает то время, которое он называл «ночь моей памяти». Да, день, когда он мысленно возвращался в свое прошлое, не шел ни в какое сравнение с такой ночью. «Ночь моей памяти» представляла собой такое ужасное состояние, впадая в которое Боб начинал вдруг остро чувствовать, что ничего собой не представляет, что на самом деле он никому не нужен, что жизнь свою он потратил на войну, которая теперь никого не волнует, и что в результате потерял все то, что было ему близко и дорого. В последующие дни Боб пытался, как правило, утопить эти свои мысли в спиртном и, напиваясь, чувствовал себя последним дерьмом.

Но теперь он не пил. Вместо этого он набросил пальто и, шагнув навстречу суровой арканзасской ночи, решил прогуляться у подножия холма. Внутри баптистской церквушки Авроры шла служба. Он слышал, как чернокожие громко распевают свои безумные песни. Чему же они, черт побери, так радуются внутри этого белого, наспех сколоченного из расстрескавшихся досок небольшого строения?

Позади церкви было небольшое кладбище, где среди могил Вашингтонов, Линкольных и Диланосов округа Полк стояла узкая надгробная плита на могиле человека по имени Бо Старк. Боб посмотрел на нее. Ветер рвался и выл в кронах деревьев, луна светила, как покореженный уличный фонарь, музыка наплывала и усиливалась, и чернокожие пели так громко, что перекрикивали грозу, думая, что отгоняют дьявола.

Бо Старк был одного с ним возраста и единственным белым человеком, похороненным на этом кладбище, потому что ни на каком другом кладбище его бы просто-напросто не похоронили. Он был из прекрасной семьи и знал Боба еще со школьной скамьи. Они ходили к одному и тому же доктору, к одному и тому же дантисту и играли в одной и той же команде в футбол. Но у Бо и его родителей были деньги, поэтому он продолжил образование в университете в Фейетвилле и уже оттуда пошел в сухопутные войска, где целый год прослужил лейтенантом в 101-й воздушно-десантной дивизии. Еще один дурак, поверивший в свой долг! А в результате – ничего. Бо Старк ушел в армию человеком, а вернулся непонятно кем. Он пропитался войной, и она так и осталась в нем навсегда. Одна большая неприятность у него превращалась в другую; не в состоянии удержаться на работе, не зная, как выплатить накопившиеся долги, он постоянно искал смерти, которой едва избежал в Краю Больших

Неприятностей⁹. Спустя две недели после окончания войны в Персидском заливе, после всех празднеств и поздравлений, в одну из воскресных ночей он все-таки убил ножом человека прямо в одном из баров Литл-Рока. А когда полиция обнаружила Бо в гараже его папочки в Блу-Ай, он выстрелил себе в рот из 45-го калибра.

Теперь, стоя здесь и поживаясь от порывов холодного ветра, навевающего мрачные воспоминания, Боб в задумчивости смотрел на надгробие, возвышающееся над мерзлой землей:

БО СТАРК, 1946–1991 гг.
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА
НАВСЕГДА

Он приходил сюда, когда ему было страшно, потому что, стоя над могилой человека, на месте которого мог оказаться и чуть было не оказался он сам, Боб, прислушиваясь к голосам, поющим в церкви, представлял себе на надгробии совсем другую надпись:

БОБ ЛИ СВЭГГЕР, 1946–1992 гг.
КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США,
SEMPER FIDELIS.

Глядя на могилу, Боб понял: настало время совершить то, что может убить его быстрее всех мыслимых опасностей, – вернуться назад. Интересно, найдется ли для него чистый надгробный камень?

Он думал об этом мире как о Мире с большой буквы. В нем было все: женщины, алкоголь, самые разнообразные удовольствия и соблазны – все это смешивалось воедино и существовало в неограниченном количестве. Теперь он туда возвращался. Он приземлился в международном аэропорту в Вашингтоне после трудного, с многочисленными пересадками, перелета. Боб переживал из-за своей винтовки, упакованной в специальный чехол и сданной в багажное отделение. К ручке чехла была привязана ярко-оранжевая бирка воздушных путей сообщения. Раньше Боб с оружием не летал: всегда беспокоился, что какой-нибудь бюрократ в системе воздушных путей сообщения к чему-нибудь придерется.

Но ружейный чехол без всяких проблем появился из багажного окошка и вскоре подъехал к нему по резиновому транспортеру.

– Черт, – произнес кто-то, – охотничий сезон уже давно закончился, дружище.

Была середина января, но погода стояла на удивление мягкая.

– Это спортивная винтовка, – сказал Боб, забирая свой багаж.

Он чувствовал себя немного глупо с этой длинной, тяжелой штуковиной, которая так неловко торчала из других вещей багажа. Боб понимал, что и сам он выглядит как ковбой среди всех этих людей с Восточного побережья. Он был в джинсах «Левис», однотонной рубашке с тонким галстуком и черном «стетсоне»¹⁰. На плечи он набросил свое лучшее пальто.

С получением машины не возникло никаких проблем: заказ на его имя был давно сделан и ждал его. Девушка за стойкой была необычайно внимательной и учливой. Она, наверное, решила, что он один из тех героев, которых так часто показывают в ковбойских фильмах. Ее глаза светились восхищением, а когда он назвал ее «мэм», на ее лице появилось выражение крайнего удовольствия.

Выехав из аэропорта, он направился в сторону скоростного шоссе Балтимор – Вашингтон, затем по окружной балтиморской магистрали и оттуда дальше на запад, к штату Мэри-

⁹ Вьетнам.

¹⁰ Ковбойская шляпа с широкими полями.

ленд. Несмотря на промозглую зиму, было видно, что это прекрасные места. Слегка холмистая местность была не такой дикой и первобытной, как в Арканзасе. Дальше дорога Боба лежала мимо горбатых и словно насупленных гор, представлявших собой сплошное нагромождение кряжей и хребтов. К трем часам дня, оставив позади себя Камберленд, Боб оказался среди необъятных пастбищ Мэриленда – в самых отдаленных, самых западных землях штата, которые были, правда, не такими дикими, как горы Уошито, но по крайней мере здесь тоже не было никаких явных следов «ядовитой» городской цивилизации; для того же, чтобы культивировать тут хоть какие-нибудь виды сельского хозяйства, этот край, видимо, не подходил. Пейзаж, лежащий по обе стороны дороги, ведущей в округ Гарритт, был до банального скучным и наводил на мысль о том, что это настоящая страна оленей. Боб искал городишко под названием Эксидент. Как раз на половине пути между ним и еще каким-то городом, именно там, где ему и сказали, он обнаружил уютно расположившийся в горах отель «Рамада». Номер уже был заказан. Зарегистрировавшись у администратора, он взял оставленный ему конверт, в котором оказалось написанное в необычайно дружелюбной форме письмо и подробные инструкции, как добраться до штаба «Экьютека» и их стрелкового тира, расположенного в нескольких милях отсюда. В конверте также лежали и его «рег диет»¹¹ – десять хрустящих двадцатидолларовых банкнот.

Пройдя в свою комнату, Боб сразу же растянулся на кровати и уже никуда этим вечером не выходил. Он мысленно еще раз прокрутил в голове все события последних дней, стараясь не волноваться и не придавать слишком большого значения тому, что на протяжении всего пути от аэропорта до отеля – он был в этом абсолютно уверен – за ним велась прекрасно организованная слежка.

Как и все, что имело хоть какое-то отношение к Рэм-Дайн, этот трейлер был маленький, приземистый, потрепанный, старый и очень дешевый. Это подразделение никогда не выполняло задачи так, как надо, – на высшем уровне. Создавалось впечатление, что здесь работают настоящие кретины, у которых была такая же тюремная психология, как и у ужасного Джека Пайна. Трейлер был битком набит народом: Добблер, как предполагалось, должен был проводить краткий инструктаж.

Он вздохнул и окинул взглядом глупые лица своей аудитории:

– Э-э... Я попрошу вашего внимания.

Добблер мог этого и не говорить. Они просто не замечали его. Им было наплевать на него.

Как низко он пал... и как быстро! Некогда самый молодой студент факультета психиатрии Гарвардской высшей медицинской школы, а позднее единственный владелец одной из самых процветающих частных практик в пригороде Бостона – Кембридже, он работал не покладая рук и вел такой образ жизни, о котором мог только мечтать. Но в один прекрасный день, прямо на последнем приеме, когда он устал и нервы у него уже были на пределе, он позволил себе расслабиться. Он прикоснулся к женщине. Почему он это сделал? Он не знал. Еще за секунду до этого он даже и не думал об этом. И вот теперь он это сделал. Он прикоснулся к ней, и, когда все кончилось, Добблер прочел в ее глазах желание вновь и вновь переживать случившееся. Выплеснувшаяся наружу сексуальная несдержанность ошеломила его. Он потерял осторожность и стал заниматься с ней любовью прямо в кабинете. Это было началом бесконтрольной сексуальной разнузданности, удовольствие от которой усиливалось к тому же большими дозами амфетамина. Он соблазнил девять пациентов, и одна из них в один прекрасный день пошла в полицию. Ему в вину вменялось изнасилование. Эта сука добивалась своего в течение шести тягостных, мрачных месяцев, пока в

¹¹ Буквально: в день (*лат.*); суточные.

конце концов не добила того, что его все-таки признали виновным, хотя и со смягчающими обстоятельствами. Благодаря судье-феминистке он оказался в отнюдь не нежных объятиях Рассела Айсендлуана. Итог был закономерен и, по сути, ужасен. Правосудие свершилось во всей своей полноте: Добблер изнасиловал в своем кабинете девять нервноболевных женщин, а в тюрьме его самого изнасиловал отвратительный громила, называвший его после этого своим «петухом».

Теперь он был «петухом» Раймонда Шрека. Не в сексуальном плане, разумеется. Но даже Добблеру бросался в глаза черный юмор этой шутки: выйдя из тюрьмы и покончив на этом со своим позором, он решил найти себе сильного покровителя, чтобы таким образом обеспечить себе более спокойное существование. Он стал угождать и пресмыкаться перед человеком, у которого было такое же (но только в другой области) чувство власти и такая же манера безжалостного обращения с другими, как и у Рассела Айсендлуана. Он работал на человека, которого, как и Рассела, безумно боялся, но который был нужен ему в этой жизни для защиты и уверенности в себе.

– Спуститесь на землю, доктор!

Это был голос ужасного Пайна.

– Что?

– Эй, давайте дальше по программе. Что вы остановились?

Ах, черт! Он снова не заметил, как задумался, и теперь не знал, на какой вопрос отвечал. Это было последнее совещание перед появлением объекта.

Он вновь стал рассказывать им про уникальную способность Боба долгое время проводить без движения, снова и снова пытаясь втолковать сбитым с толку подопечным Пайна, почему Боб практически перестал существовать для их сверхчутких приборов, хотя и находился в номере с полшестого вечера вчерашнего дня. Добблер изо всех сил старался, чтобы они поняли, насколько это важно, потому что именно это качество Боба лежит в основе его уникальности.

– Итак, он обладает способностью полностью погружаться в себя, и, пока он находится в таком отстраненном от всего состоянии, все, что окружает его, живет своей жизнью, совершенно не реагируя на его присутствие. И только когда Боб полностью сольется с окружающей его обстановкой, когда он станет ее неотъемлемой частью, только тогда, да, только тогда он и выстрелит. Но, как и любой навык, как любое умение, это требует постоянного упражнения. Поэтому Боб старается поддерживать форму.

Кто-то зевал.

Кто-то позволял газам свободно покидать свой организм.

Кто-то смеялся.

– Ладно, – жестко отрубил Шрек и встал, всем своим решительным видом как бы отодвигая доктора на задний план. – Спасибо, Добблер. Теперь послушайте, я хочу, чтобы все посмотрели на меня, Пайн. Пусть твои люди уделят мне немного внимания. Это имеет самое непосредственное отношение к наиболее важной части нашей операции. Я имею в виду следующий ее этап. – Казалось, что глаза Шрека излучают какую-то странную силу. – Позвольте мне объяснить вам, с кем мы имеем дело, чтобы не возникало никаких недоразумений и недопониманий. Этот парень – очень гордый, как большинство жителей южных штатов, и, как все они, невероятно упрямый. Он не любит, когда его задевают, и не станет сносить оскорбления. В нем все еще сидит бравада и показуха, присущая морским пехотинцам, и на любую вашу выходку он может сработать как детонатор. Поэтому предупреждаю вас: к нему не цепляться, никаких драк, никаких разборок. И если даже у него вдруг появится желание кому-нибудь из вас надрать жопу – вы должны вежливо улыбнуться и отойти в сторону. Вопросы есть?

Неожиданно резкое выступление Шрека произвело эффект: вся группа замолчала.

Они были идиотами.

– Сэр.

Кто-то выдвинулся вперед.

– Да, – отозвался Шрек.

– Сэр, звонили из группы контроля и наблюдения. Объект только что вышел из отеля. Он на пути к цели.

– О'кей, – ответил Шрек. – Надеюсь, вы все слушали доктора. Поэтому, если кто перегнет палку, я оторву ему голову. Ну а теперь за дело, ребята. Сегодня ваш первый день на новой работе.

В общем, тут было довольно-таки приятно, если бы не что-то такое... Это было самое обыкновенное стрельбище, одно из тех покосившихся, растрескавшихся, обшарпанных, но тем не менее важных мест, где раньше всегда собирались мужчины, чтобы, поудобней растянувшись напротив белых листочков бумаги с нарисованными внутри черными кружочками, продемонстрировать совершенство своих винтовок и силу своих собственных характеров. Бобу порой казалось, что он всю жизнь провел на таком вот стрельбище. Здесь всегда велись интересные беседы и отношения между стрелками были непринужденными и дружескими.

Он стоял на бетонной площадке перед рядом Т-образных стрелковых скамеек, зеленых, всегда зеленых – по всей Америке такие скамейки выкрашены в зеленый цвет. Боб подумал: это стрельбище было, вероятно, построено где-то годах в тридцатых. Скорее всего, это был частный охотничий заповедник какого-нибудь стрелкового или охотничьего клуба. Он знал, что под этой провисающей крышей, на этой площадке и на этих скамейках было рассказано немало историй об олених, которые каким-то чудом спасались в самую последнюю минуту и уносились прочь, о патронах хороших и патронах плохих, о хороших винтовках – настолько роскошных, что их можно было сравнить разве что с очень дорогой красивой женщиной, – и винтовках плохих, которые были дешевле самой дохлой дворняги.

Единственным необычным предметом на этом стрельбище был трейлер, который располагался около узких извивающихся гравевых дорожек на расстоянии примерно мили от главной магистрали. Он стоял боком и имел весьма потрепанный вид. Казалось, что это свалка для отходов. Перед ним стоял щит с фирменным знаком «Экьютека».

На слегка покатым желтом лугу, сразу за линией стрелковых скамеек, Боб разглядел выставленные мишени: на расстоянии ста ярдов они напоминали маленькие пятнышки, на расстоянии двухсот – черные точки, трехсот – крошечные дырочки от булавоочных уколов.

– Кофе, мистер Свэггер? – спросил полковник, не снимая плаща. Рядом с ним постоянно находился этот маленький злобный сержант, который, казалось, был готов в любую минуту открыть огонь. Все остальные были тут на побегушках, кроме одного на вид городского парня с телом, напоминающим невероятно большую грушу, и козлиной бородкой. Он выглядел так, как будто засунул себе в задницу палец и, во избежание непредсказуемых последствий, боялся теперь его оттуда вытащить.

– Нет, спасибо, – ответил Боб, – кофе слишком возбуждает.

– Может, декаф?¹²

– Декаф – это отлично.

Полковник Шрек кивнул кому-то. Человек сразу же налил Бобу в бумажный стаканчик темную жидкость из термоса.

Погода была на удивление спокойной и теплой, около шестидесяти градусов по Фаренгейту¹³, по стрельбищу гулял слабый ветерок, и на бледно-лимонном небе светило такое же

¹² Кофе без кофеина.

¹³ Равняется 15,5° по Цельсию.

бледно-лимонное солнце. День был таким неожиданно теплым и солнечным, что создавалось обманчивое впечатление вновь наступившей весны.

– Вроде бы все в порядке? – спросил полковник.

– Да, похоже на то, – сказал Боб.

– Не хотите ли проверить еще раз ваш прицел, перед тем как мы начнем контрольные испытания?

– Я бы не возражал, сэр.

– Хорошо. Джентльмены, пожалуйста, отойдите немного назад. Будьте предельно внимательны.

Расчехлив винтовку, Боб установил ее на одном из мешков с песком и отвел затвор назад. Он щелкнул крышкой коробочки с патронами «Лейк-Сити мач» и зарядил в магазин один за другим пять одинаковых блестящих патронов. Потом вернул затвор в первоначальное положение и поставил его на предохранитель. Затвор проскользнул вперед легко и свободно, плавно повернувшись в конце на хорошо смазанных подшипниках, и плотно запер канал ствола. Боб не спеша натянул очки «Рэй-Бэн», затем надел наушники для стрельбы и таким образом полностью отключился от внешнего мира. До его ушей не долетало ни звука. Он чувствовал только, как пульсирует кровь в голове.

Боб взял винтовку и занял позицию для стрельбы. Его ботинки замерли на бетонной площадке стрельбища, как бы служа надежным основанием той стабильной и прочной конструкции, которой было его тело. Его спокойствие и уверенность превратили винтовку, держащие ее руки и все тело в единое целое.

Уперев винтовку в плечо, он поводил ею из стороны в сторону, потом положил одну руку напротив предохранителя, так чтобы кончик указательного пальца ласкал облегченный курок.

Наконец Боб занял окончательную позицию и закрыл левый глаз. Изображение было несфокусированным, немного расплывчатым, поэтому, чтобы добиться четкости, ему пришлось повернуть кольцо прицела на несколько щелчков назад. За свои усилия он был вознагражден идеальным изображением черного кружочка, увеличенного в десять раз оптическим прицелом и разделенного на четыре части прицельной сеткой дальномера. Сейчас он был размером с монету в пятьдесят центов и установлен на расстоянии, равном дальности прямого выстрела его винтовки.

На выдохе он задержал дыхание и подумал, что было бы лучше, если бы палец нажимал на курок чуть медленнее. Он почувствовал толчок от отдачи и заметил, что изображение в прицеле немного расплылось. Передергивая затвор, он услышал голос корректировщика стрельбы:

– Десятка. Черт, прямо в середину. Точный, очень точный выстрел.

Боб выстрелил еще четыре раза и все четыре раза попал в одну и ту же точку.

– Думаю, что я пристрелялся, – сказал он.

Человек, которого звали Хатчер, проинструктировал его по поводу предстоящей задачи:

– Мистер Свэггер, один из моих помощников зарядит в вашу винтовку пять патронов. Вы не будете знать, стреляете ли вы вашим патроном «Федерал премиум», «Лейк-Сити мач» или нашим «Экьютек снайпер грейд». Вы выстрелите четыре серии по пять патронов по мишеням, установленным на расстоянии ста ярдов, столько же по тем, что находятся на расстоянии двухсот ярдов и, соответственно, трехсот. Потом мы просчитаем результаты по группам и определим кучность стрельбы. Ну а после обеда нам бы хотелось повторить все эти упражнения, только уже при стрельбе из каких-нибудь импровизированных положений, без подготовки, с дополнительными элементами стресса и психологической нагрузки. Думаю, что вам это покажется очень интересным.

– Ну что ж, музыку заказываете вы, так что давайте стрелять.

Боб стрелял очень сосредоточенно. От других стрелков его отличали завидная стабильность и последовательность. Он был как жесткая стойка фирмы «Рэнсом», которую используют для проверки точности стрельбы пистолетов. Всякий раз при стрельбе он занимал одну и ту же немного неестественную, но прекрасно продуманную и отработанную позицию. Держа кончик пальца на спусковом крючке, он застывал, и его тело становилось таким же твердым, как и винтовка. В каждый последующий раз все было так же, как и в предыдущий: щека так же плотно прилегала к стекловолокну приклада, винтовка так же упиралась в плечо, точно так же рука держала ложе приклада, такой же угол локтя и та же расслабленность второй руки, поддерживающей винтовку, то же расстояние между глазом и прицелом, так же на полувыдохе задерживалось дыхание, те же три удара сердца, уменьшающие порывистость пульса перед выстрелом, такой же плавный спуск крючка, лениво плывущего назад, такой же легкий, быстрый хруст, напоминающий звук сломанного стебля сухой травы, в момент, когда крючок срывается с пружины, такое же беззвучное воспламенение капсюля и такая же вспышка выстрела, когда винтовка вздрагивает от отдачи.

– Десятка, немного выше. Где-то треть дюйма.

– Десятка, в середину.

– Десятка, точно в центр.

Никаких сбоев, ошибок и промахов. Боб нашел свою стрельбу и стрелял все утро, почти не двигаясь и не дыша, не тратя ни одной секунды впустую и не делая ни одного лишнего движения. Он испытывал какое-то странное удовольствие от того, что у него быстро забирали пустую винтовку, затем сразу же приносили ее обратно, уже заряженную, от того, что регулярно кто-то бегал к мишеням, чтобы отметить выстрелы или чтобы заменить сами мишени.

Он уже потерял счет. Это было как во Вьетнаме. Просто стреляешь и смотришь, как пуля летит туда, куда ты ее послал, практически без малейшего отклонения. Сам процесс стрельбы становится каким-то абстрактным и полностью безликим; над ним долго не задумываешься, и он постепенно превращается в нечто подобное небольшому ритуалу или какой-то репетиции. Счет рос, с ним никто уже не мог равняться, все уже давно были позади, а он с каждым новым попаданием все ближе и ближе подбирался к легендарной цифре знаменитого Карла Хичкока – девяносто три.

– Десятка.

– Десятка.

– Десятка.

После того как Боб отстрелял все четыре серии по пять патронов в каждой, он устало отложил винтовку в сторону, а корректировщики и счетчики побежали к мишеням подсчитывать очки.

Боб, естественно, по малейшим различиям в отдаче винтовки сразу же определял, каким патроном выстрелил. Свои патроны он узнавал мгновенно; чуть-чуть медленнее, но все же достаточно быстро он определял разницу между патронами «Федерал» и «Лейк-Сити». Патроны же «Экьютек снайпер грейд» отличались от всех остальных коренным образом. Боб чувствовал, что пули из них летели немного выше. У него было такое ощущение, что они попадают где-то чуть выше десятки, почти без рассеивания. Пули летели очень быстро, это были прекрасные выстрелы, очень точные и стабильные.

– Мистер Свэггер, не желаете ли взглянуть на результаты вашей стрельбы? – спросил Хатчер.

– Да, давайте посмотрим, – сказал Боб.

Он подошел к скамейке, на которой производился подсчет и анализ выстрелов. Рядом стояли два человека с кронциркулями.

– О'кей, – заключил Хатчер, – думаю, вы будете довольны. Я пометил каждую мишень согласно расстоянию, на котором она была установлена, и согласно тому патрону, которым вы стреляли. На сто ярдов вы стреляли патронами «Федерал премиум», «Экьютек», «Лейк-Сити мач» серии М-852 и своими собственными. Именно в таком порядке. Вот все мишени.

Боб взглянул на изуродованные десятки, на которых маленькие, разбрызганные, как капельки грязи, отверстия от пуль вырвали центр, как бы нарисовав листочки клевера.

– Отклонение от центра, как мы подсчитали, составляет в среднем для каждого типа: «Федерал» – 0,832 дюйма, «Экьютек» – 0,344 дюйма, «Лейк-Сити мач» – 0,709 дюйма и ваши патроны – 0,321 дюйма.

Боб проверил их. Да, эти изобретения «Экьютека» были почти так же хороши, как и его собственные патроны, и намного лучше, чем патроны двух крупнейших заводов по производству боеприпасов. Он кивнул.

– На двести ярдов вы, согласно баллистическим таблицам стрельбы, должны были бы стрелять на четыре с половиной дюйма ниже и с меньшей кучностью. Но вы увидите, что угол отклонения практически не изменился, хотя по кучности «Федерал» стал теснить остальных.

Боб снова посмотрел на аккуратные ровные дырочки в мишенях. На этот раз попадания один в один были реже, являясь, видимо, скорее всего исключением или простым совпадением. Диаметр попадания всех групп патронов колебался в пределах двух с половиной – трех дюймов, причем центр каждой группы располагался приблизительно в двух дюймах от центра десятки. В связи с увеличением угла отклонения патроны «Федерал», на удивление, образовывали самую ровную окружность диаметром в два дюйма. И снова патроны Боба оказались лучше других, отклонение составило всего 0,967 дюйма, причем центры отверстий находились друг от друга на расстоянии меньше чем в полминуты. Но выстрелы «Экьютека» настолько тесно шли следом за его патронами, что почти ничем не отличались. Их отклонение составляло 0,981 дюйма, и расстояние между центрами отверстий тоже было меньше минуты. Боб почувствовал, что мог бы отстрелять эту серию и лучше, потому что после выстрела своим патроном он расслаблялся, чувствуя уверенность в точности попадания.

– А теперь самое сложное наше задание, – сказал Хатчер. – Майк, мишени с трехсот ярдов, пожалуйста. Мистер Свэггер, я думаю, что теперь вы сможете понять, почему наши патроны и вообще все боеприпасы идут под маркой «Снайпер грейд»¹⁴. Вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете оценить их.

Он протянул ему четыре мишени.

Свое крайнее удивление Боб обычно выражал непроизвольным тихим присвистом.

Именно такой была его реакция и сейчас.

На мишенях, которые ему протянул Хатчер, картина оказалась совсем фантастической. На расстоянии трехсот ярдов все группы выстрелов располагались где-то в девяти-одиннадцати дюймах от центра десятки, на шесть часов, прямо на внешнем крае черного круга. Рассеивание увеличилось, и патроны «Федерал» как нельзя нагляднее проявили здесь свою обманчивую сущность: окружность, которую они образовали, была целых четыре с половиной дюйма в диаметре.

Боб дернул головой и недовольно хмыкнул. Он был глубоко разочарован. Мишень в этом месте выглядела так, как будто какой-то ребенок наугад наделал в ней дырок пальцем.

¹⁴ Снайперский класс (англ.).

«Лейк-Сити» были чуть лучше, но не намного; по кучности они почти удовлетворяли требованиям, предъявляемым на такой дистанции, хотя, по правде говоря, несмотря на то что вся группа укладывалась в окружность диаметром три дюйма, один из выстрелов, скорее всего, был сделан с ошибкой, и если его не считать, то вся группа вписывалась в два с половиной дюйма.

Боб видел, что здесь «Экьютек» явно перещеголял его. Отметины от пуль Боба располагались так, что в принципе еще создавалась какая-то иллюзия круга диаметром 1,386 дюйма. По кучности он прекрасно укладывался в норму, однако окружность, которую образовали дырочки от пуль этого проклятого «Экьютека», в диаметре составляла 1,212 дюйма, причем три выстрела из четырех образовали треугольник, который вмещался в окружность диаметром всего 0,352 дюйма!!!

– Черт, – сказал он.

– Вот это стрельба, – произнес кто-то. – Выстрелы что надо! Многие не попадают в мишень с расстояния трехсот ярдов, даже когда у них есть оптический прибор двадцатичетырехкратного увеличения.

– Нет, – сказал Боб, испытывая благоговейный трепет перед этими дырочками на мишени, – все дело в патронах. Это отличные патроны.

Это были действительно прекрасные патроны. В мире было всего пятьдесят или шестьдесят человек, способных сделать такие отличные патроны. Фрэнк Барнс, наверное, пара надменных, зазнавшихся специалистов из «Спиер», «Хорндей» или «Сьерра», несколько представителей вымирающего племени нелегальных самодельщиков – этикие старые, сутулые мужчины, которые всю свою жизнь провели в механических цехах оружейных заводов; несколько стрелков мирового класса, стреляющих с упоров, которые наверняка раньше служили в Первой дивизии морской пехоты. Кое-кто из роты «Дельта» или оружейные мастера подразделений спецназа в ФБР. Тот, кто создает такие патроны, знает, что он делает. У Боба в голове возник образ невысокого старичка, который уже миллионы раз делал подобные патроны, кропотливо и настойчиво доводя их до полного совершенства. Это требовало не просто терпения; это требовало своего рода определенной гениальности. Боб почти физически чувствовал присутствие этого старичка. Он был здесь, на стрельбище, этот старый мастер, который знал свое дело как никто другой.

И вдруг Боб все понял. Он еще раньше заподозрил что-то неладное, но теперь он все понял. Они играли с ним, водя его за нос. Они были совсем не те, за кого себя выдавали. Тогда кто же они такие?

Боб улыбнулся:

– Ну а теперь что, полковник?

– Теперь надо пойти пообедать. А во второй половине дня нам бы хотелось встретиться с вами на другом стрельбище, где вы будете стрелять уже по мишеням, установленным на... за пятисотъярдовой отметкой. И дальше, до отметки в тысячу ярдов.

– Ну что ж, звучит заманчиво, – сказал Боб.

– Завтра утром, мистер Свэггер, я собираюсь предложить вам одну очень забавную вещь.

Вечером Боб отказался от приглашения фирмы «Экьютек» на роскошный ужин в ресторане Сэйерсвилла и вместо этого, сев в машину, взятую им в аренду, решил прокатиться в одиночестве по местным дорогам. Наконец он нашел то, что искал, – укромное тихое местечко, достаточно удаленное от населенных районов, где можно было побыть наедине с самим собой, в тишине, не опасаясь, что кто-то потревожит твои мысли.

Теперь они уже не следили за ним. Они избегали встречаться с ним часто, думая, что уже надежно подцепили его на крючок.

Может быть, и подцепили. Ему было ужасно любопытно, кто и откуда всем этим руководит. В общем и целом он понимал, о чем идет речь. Речь, естественно, идет об убийстве.

Его репутация была очень высокой. В определенных кругах его достаточно хорошо знали. Время от времени с ним происходили какие-то странные вещи: к нему проявляли нездоровый интерес, делали всевозможные таинственные намеки, совсем как бы невзначай давали понять, что он бы мог получить большую сумму денег, если бы встретился там-то и там-то – в Сент-Луисе, Мемфисе или Тексаркане – с каким-то человеком и выслушал некоторые конкретные предложения. На протяжении всех этих лет подобного рода предложения поступали от самого разного рода заказчиков. Некоторые, естественно, делались людьми, приближенными к кругам организованной преступности. Другие были, скорее всего, от разных разведслужб – Боб ведь выполнил в свое время два задания, связанных с уничтожением гражданских объектов во Вьетнаме, получив перед этим письменный приказ из вышестоящего штаба. Остальные попытки предпринимались просто весьма состоятельными людьми, которые хотели использовать его для решения своих проблем в бизнесе, для того чтобы исправить несправедливость или отомстить за обиду. Казалось, у всех у них были какие-то патологические отклонения.

Боб всегда отвечал «нет». Объяснял, что это противозаконно, и вежливо просил оставить его в покое.

Многие из них отставали от него. Тем не менее были и такие, которые не желали уходить ни с чем: эти выродки, принадлежавшие к племени ненавистников, требовали к себе специального подхода, и выпроводить их было непросто. Это был тип людей, которые считали, что вся страна принадлежит им и только им и что на земле уже давно царил бы благоденствие, если бы на ней не существовало других...

Естественно, под этими другими они обычно подразумевали черных. За время своей службы во Вьетнаме Боб повидал немало чернокожих сержантов, все они были отличными парнями, поэтому он даже не желал слушать все это отребье, которое к нему навязывалось с подобного рода проблемами. И хотя по натуре он был человеком не жестоким, однажды ему все-таки пришлось расквасить нос одному такому наглецу, который представлял организацию под названием «Белый порядок». Давясь злобой и размазывая кровь по лицу, тот сказал ему, что они внесут теперь в черный список и Боба, после чего Боб схватил его за шкуру и, приставив к горлу кольт «Гавернмент моудел», спокойно произнес:

– Мистер, если вы сами не в состоянии совершить убийство, о котором хлопчете, значит, вы еще не доросли до того, чтобы угрожать мне!

Наглец моментально наделал в штаны и кубарем выкатился за ворота.

Но в данной ситуации он имел дело совсем с другими людьми. Такие, как этот проклятый полковник Брюс со своей Почетной медалью и всегда находящимся с ним рядом коротконогим преданным Пайном, к этой категории не относились. Они были людьми достаточно богатыми, чтобы купить этот участок земли, притащить сюда черт знает откуда его, Боба, да еще и заполучить человека, который умеет делать такие прекрасные патроны. Кто же они такие? Кого же надо убить и что это должна быть за птица, чтобы ради нее идти на такие расходы?

ЦРУ.

Он чувствовал, что это они. Это был их стиль работы: все время какие-то странные ситуации, никогда ничего не ясно, причем они всегда заварят кашу, втянут тебя в нее, и к тому моменту, когда ты поймешь, что же все-таки происходит, уже бывает легче смириться и не дергаться, чем бороться за то, чтобы вырваться.

Итак? Он сидел и думал, стараясь пересилить огромное желание почувствовать во рту приятный вкус ликера или холодную свежесть пива, которые бы освежили его мысли и помогли ему лучше думать. Но Боб понимал, что стоит ему сделать один-единственный

глоток – и все, он уже пропащий человек. Поэтому он сидел и думал, решая свои проблемы в состоянии каменно-холодной трезвости.

ЦРУ хочет, чтобы он снова вышел на охоту.

Но на кого?

Сидя в маленьком ресторанчике, Боб снова и снова думал над этим вопросом. Ужасно болели голова и бедро. Но ответ на мучивший его вопрос все не приходил. Он сидел так, размышляя, уже несколько часов и только сейчас заметил, что ресторан закрывается и официантка то и дело бросает на него сердитые взгляды. Нет уж, спасибо, он на их сторону не встанет, ему не нужны их вонючие деньги. Самое главное для него в жизни – это винтовки и чувство правильно выполненного долга.

Но что такое долг?

На кого надо было охотиться?

Кто сделал такие патроны для фирмы «Экьютек»?

Боб сел в машину и поехал назад. Ночь он спал спокойно – сны не беспокоили его. Он все еще оставался верен своему принципу – никогда никого больше не убивать.

Он скажет им это завтра, после того как они выложат ему то, что от него хотят. Он больше никогда не будет убивать.

Глава 04

На следующий день они встретились на трехсотъярдовом стрельбище. Сам полковник отсутствовал, ничего накануне не объяснив и никого не предупредив. Без него все остальные, кажется, немного расслабились. Тот, кого звали Хатчером, видимо, остался за главного, хотя это, скорее всего, была только видимость. Он представлял собой рыжеволосого, усталого вида пятидесятилетнего мужчину с большими щелями между зубов. Его нагрудные карманы были набиты карандашами, упакованными в пластиковые пакеты. Хатчер производил впечатление рассеянного человека, который знает немного обо всем и все о немногом. Он усадил Боба в черный джип «чероки», и, взяв еще двух человек и флегматичного Пайна, они все вместе поехали какими-то боковыми дорогами в направлении другого стрельбища.

Представшая перед Бобом картина поразила его: огромное светлое поле на покатом склоне холма, на одном конце которого виднелись возведенные на скорую руку строительные леса, скрепленные в местах соединений болтами. Вся эта безумная конструкция для большей устойчивости крепилась к земле проволочными растяжками, которые располагались по всему периметру этого «творения». Оно напоминало основу сооружения, предназначенного для цирка, только без брезентового верха, или железный скелет здания без цементного наполнения.

Боб увидел, что к самому верхнему каркасу здания приделано несколько лестниц и прямо на самом верху расположена платформа, на которой установлены стул и подставка для стрельбы.

– Это имитация здания в Талсе, штат Оклахома, – сказал Хатчер. – Или, если сказать точнее, расстояние, габариты и высота точно такие же, как там. Машину видите?

В конце пыльной дороги, проходившей мимо этого нелепого строения, стоял каркас старого лимузина на колесах – двигателя уже давным-давно не было, весь корпус был изъеден ржавчиной, однако салон автомобиля сохранился в целости и сохранности. Он был соединен цепью и лебедочным тросом с располагавшимся в полумиле от него объектом, который, скорее всего, и был механизмом лебедки.

– Что это все, черт побери, значит?

– Это наш сценарий по программе спецназа, – сказал Хатчер. – Мы разработали и проиграли тут сценарий, согласно которому вы должны будете вести огонь по движущейся цели, причем внутри будут находиться заложники. Действовать вы будете под контролем корректировщика – вас подключат к радиосети. После того как вы получите разрешение на выстрел, вам надо будет убрать того парня, который ограбил банк и спасался бегством, прихватив с собой несколько заложников. У вас всего пять секунд, чтобы попасть ему в голову. Все будет происходить точно так же, как и в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году в Талсе, когда снайперу ФБР пришлось сделать точно такой же выстрел.

– Ну и чем все закончилось?

– О, он попал в спину женщине, которая была заложницей, она осталась парализованной на всю жизнь. Грабитель пристрелил двух других заложников, а потом покончил с собой. Это было ужасно, просто ужасно! Да, ради этого выстрела он тренировался всю свою жизнь, и вот, когда наступило время сделать его, он промазал. Позор.

– Они все сидели в таком же лимузине?

– Нет. Там был черный пикап. Просто мы решили попробовать на лимузине.

«Чероки» припарковался, и люди, что были поблизости, стали подходить к ним и по очереди здороваться. Хатчер что-то сказал техникам, и те раздали всем готовые к работе рации. Потом они повели Боба под навес, к обыкновенной школьной доске.

– Посмотрите, мистер Свэггер, за последние пятнадцать лет, по нашим расчетам, представители властей, отвечающих за обеспечение законности как на местном, так и на федеральном уровне, произвели восемьсот пятьдесят прицельных выстрелов. То есть все выстрелы были произведены при помощи оптических прицелов по вооруженным преступникам, находящимся на удалении от тридцати пяти до трехсот пятидесяти ярдов. Знаете ли вы, каким оказался процент попаданий с первого выстрела?

– Уверен, что очень низким.

– Попадание с первого выстрела – тридцать один процент. Черт, как раз в прошлом году в Сакраменто, штат Калифорния, полицейский снайпер сделал прицельный выстрел по неподвижному вооруженному преступнику через приоткрытую дверь магазина по продаже электронных товаров и промахнулся. Даже не зацепил его. Тот парень сразу же уложил на месте всех трех заложников, и только после этого с ним удалось разделаться. Как вы считаете, почему это происходит?

Боб немного подумал, потянул время, а потом выдал ответ:

– Такой большой процент промахов можно объяснить либо какими-нибудь отклонениями полета пули, либо неудачной конструкцией или неполадками в оружии. Но я больше чем уверен, что в большинстве случаев это ошибка стрелка. Первый раз во Вьетнаме я промахнулся. И второй тоже. Нужны опыт и практика, чтобы тело привыкло сохранять свое обычное спокойное состояние, пока происходит плавный, как бы не зависящий от стрелка спуск курка.

«Надо бы найти какое-нибудь прохладное местечко и немного побыть там одному», – подумал Боб.

– Верно, – с одобрением воскликнул Хатчер. – Поэтому наша идея как раз и состоит в том, чтобы хоть чуть-чуть укрепить их уверенность в собственных силах. Это уже будет большое дело. Мы хотим, чтобы те, кто учится сейчас стрелять из винтовок профессионально, знали, что тот патрон, который находится у них в канале ствола, прекрасно выполнит свою задачу, если они, разумеется, выполнят свою. Мы надеемся, что они поверят в это, потому что вы расскажете и покажете все наглядно.

Боб кивнул и спросил:

– На автомобиль можно взглянуть?

– Нет. Думайте и представляйте его себе так же, как это делал агент ФБР. Вы полагаете, он видел эту машину до того, как ему пришлось по ней стрелять? Нет, не видел. Мы хотим разместить вас там же, где находился он. Мы также не сообщим вам ничего о том, каким будет расстояние до цели. Нам бы хотелось, чтобы вы решили эту проблему сами. Итак, надо, чтобы вы поднялись на предполагаемый пятнадцатый этаж здания талсской страховой компании «Кэжьюэлти энд лайф». Представьте себе, что сегодня десятое октября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, грабитель банка по имени Вилли Даунинг с дешевым девятимиллиметровым револьвером «Стар» и тремя заложниками движется в направлении талсского международного аэропорта, где, как он думает, его ждет самолет, чтобы переправить в Африку. Вы – специальный агент ФБР Ник Мемфис, подготовленный по программе спецназа, лучший снайпер по стрельбе из винтовки и пистолета во всем департаменте. Через несколько часов наступит момент, когда Вилли Даунинг появится в поле вашего зрения, убив перед этим одного полицейского, одного банковского охранника и ранив еще двоих. Он находится в сильном нервном возбуждении и проявляет серьезные признаки психопатических отклонений. Ваш инструктор по стрельбе определил, что у вас самый лучший выстрел; у вас есть реальный шанс и возможность попасть. Настоящий Ник Мемфис стрелял из «Ремингтона-700» триста восьмого калибра, без «родного» ствола...

– Это было не так уж важно, – сказал Боб, – тем более для одного выстрела.

– Во всяком случае, мы включим вас в радиосеть; вся та информация, которую вы будете получать, основывается на расшифрованных переговорах. Так что вы окажетесь практически в такой же ситуации, в какой находился Ник Мемфис. Я буду сидеть внизу на микрофоне и передавать вам по радиии команды так, как это делал наводчик Ника Мемфиса. У вас будет достаточно много времени, чтобы устроиться там, – в принципе столько же, сколько было тогда у него. У вас также будет достаточно времени для того, чтобы засечь цель и проследить за ней, пока вы будете ждать «зеленый свет» для выстрела. Итак, мистер Свэггер, теперь, когда вы со всем этим ознакомились, хотите ли вы сыграть в эту игру?

Боб взглянул на шатающуюся конструкцию из железных стоек и всякого хлама. Она казалась совсем неустойчивой и не создавала ощущения надежности. Но это его привлекало. Его самолюбие было немного задето. Сможет ли он сделать этот выстрел, особенно после того, как какой-то дурак из ФБР промахнулся, погубив своим выстрелом несколько других человеческих жизней?

Внезапно, впервые с того момента, как он оказался в Мэриленде, на лице Боба появился слабый намек на улыбку.

– Ну что ж, давайте попробуем, – сказал он, на мгновение позабыв об «Экьютеке» и полностью сконцентрировавшись на событиях, развернувшихся в Талсе между Вилли Даунингом и Ником Мемфисом.

Ему сообщили, что настоящий Ник Мемфис стрелял с упора, с мешка с песком, установленного на подоконнике на пятнадцатом этаже. После долгого подъема по строительным лесам Боб обнаружил, что площадка находится в ужасном, почти аварийном состоянии, но в принципе она была достаточно хорошо закреплена и в целом надежна.

Надев наушники вместе с микрофоном, он подсоединился, как его инструктировали, к каналу № 14 – контрольному каналу ФБР.

Сначала раздавались хрипы, щелчки и свист, потом он услышал голос:

– А-а, Эс-четыре, вы слышите, Эс-четыре, вы слышите?

– Эс-четыре – это я? – спросил Боб.

– Да, – последовал ответ. – Эс-четыре, сообщите, пожалуйста, о вашем местоположении.

Это был Хатчер, выступающий в роли Базы.

– Я уже забрался сюда, черт побери.

– Боб, давайте перенесемся в тысяча девятьсот восемьдесят шестой год и проведем чистый эксперимент, – произнес Хатчер. – Отвечайте на стандартном радиосленге.

– Вас понял, База. Я нахожусь на пятнадцатом этаже талесской «Кэжьюэлти». Обзор ясный, никаких визуальных помех на улице... – он замолчал, пытаясь припомнить название улицы, на которой прозвучал выстрел Мемфиса, – на улице Риджели нет.

– О'кей, все понял, Эс-четыре. Сохраняй спокойствие и будь готов.

– Какова обстановка?

– Эс-четыре, мы держим объект в поле наблюдения, он движется в вашем направлении вниз по улице Мошер. Он уже проехал через две засады, но никто из местного командования не может взять на себя ответственность санкционировать этот рискованный выстрел. Сейчас пока никто не может произвести по объекту точный выстрел. Он сидит в окружении находящихся в состоянии истерики женщин, и мы думаем, что, может быть, он даже привязал себя к ним.

– Вас понял, База.

– Пожалуйста, будьте в постоянной готовности.

Боб взглянул на импровизированную улицу, по которой вскоре должен будет проехать автомобиль с находящейся там мишенью. Основной проблемой, естественно, было опреде-

лить расстояние. Стрельба на установленные дистанции намного легче, потому что тогда вы можете рассчитать отклонение пули по баллистическим таблицам и по собственному опыту. Но у Боба не было природного чувства расстояния. Некоторые люди умеют бросить взгляд на объект и путем каких-то непонятных умственных вычислений сразу же определить расстояние. Но Боб так не умел. Во Вьетнаме он выработал свою систему определения расстояния до цели невооруженным глазом. Если он мог различить глаза человека, то, значит, тот находился на расстоянии ста ярдов – как раз на дальности прямого выстрела. Если он мог различить лицо – то на расстоянии двухсот ярдов. И если ему удавалось различить только одну голову, значит, расстояние составляло порядка трехсот ярдов. Если он видел у объекта движущимися только ноги, то расстояние было четыреста ярдов, и если он мог различить только очертания контура тела, то пятьсот. Иногда он стрелял даже в таких ситуациях, когда было заметно только передвижение объекта. Это уже было расстояние шестьсот ярдов.

Со своего наблюдательного пункта он спокойно смотрел, как где-то внизу, как раз в предполагаемой зоне поражения, суеился обслуживающий персонал, еще раз проверяя цепь, которая должна была тянуть машину. Они бестолково шумели, возясь около двигателя, который наматывал цепь, и закрепляя видеокамеры, установленные на треноги, вдоль всей дороги. Он зафиксировал их в своей памяти, запомнил размеры и формы и стал приблизительно прикидывать расстояние. У него получилось, что его стрелковая площадка удалена от них где-то на триста двадцать ярдов.

Все это время сквозь потрескивание и свистящий шум в наушниках он слышал доклады полиции и агентов ФБР, ведущих непрерывное наблюдение за объектом, представлявшие собой непрерывную речь нескольких человек, целый поток неразличимых в этом шуме звуков. Почему рядом с этим беднягой Мемфисом не было корректировщика стрельбы или еще кого-нибудь, кто бы мог взять на себя ведение радиопереговоров и освободить его от необходимости отвлекаться на все эти шумы и помехи?

Сейчас перед глазами у Боба были курящиеся в легкой голубой дымке горы и холмистые леса, прохладный ветер слегка морозил кожу, но он без труда мог представить, каково было Мемфису, одному, в той жаркой маленькой комнатухе, когда он уже установил свою винтовку на мешке с песком. Ждать ему, вероятно, пришлось долго, он нервничал, и, по мере того как ожидаемый объект приближался к условленному месту, возбуждение Ника Мемфиса возрастало все больше и больше.

Боб подумал, что именно это нервное возбуждение его и погубило. Когда ты возбужден, волнуешься или устал, стрелять нельзя. На выстрел надо идти спокойно, с профессиональной уверенностью, которая возникает после тысяч часов тренировки и после тысяч выпущенных пуль; вы должны быть абсолютно уверены в том, что, если цель окажется в зоне вашего видения, вы ее обязательно поразите.

– Эс-четыре, вы слышите меня?

– Да, База, прием.

– Группа контроля докладывает, что автомобиль с объектом свернул на улицу Линкольна и въехал в ваш район.

– Понял, База.

– РВП¹⁵ – четыре минуты.

– Хорошо, База, прием.

– Эс-четыре, я только что получил плохие новости от группы контроля с маршрута автомобиля. Они сообщают, что парень орет на заложников и машет у них перед носом своей пушкой. Как только он видит стоящую где-нибудь поблизости полицейскую машину, у него сразу же происходит сдвиг по фазе. Плохие новости, очень плохие.

¹⁵ Расчетное время прибытия.

– Вас понял, База.

– Эс-четыре, вы уверены, что сможете сделать этот выстрел?

Боб посмотрел через линзы оптического прицела вниз на дорогу, на которой скоро должен был появиться автомобиль.

– Отличная видимость, База, все четко. Я выстрелю, если вам это надо.

– Эс-четыре, этот парень в любой момент может начать палить из своей пушки, тогда он может уложить еще несколько человек.

– Вас понял, База. Вы получили РВП для меня?

– Он сидит в «линкольне», Эс-четыре, это «линкольн энд чесли». Переодетый офицер с маршрута сообщает, что он действительно чокнутый. Он заставляет меня нервничать.

– База, я буду стрелять, когда он подъедет на расстояние трехсот двадцати ярдов. На таком расстоянии я могу попасть в пятицентовую монету. Так что уверенность полная.

– Эс-четыре, я только что связался с руководством, они считают, что в машине сидит сущий дьявол. Мы... э-э-э... мы решили дать тебе «зеленый свет», Эс-четыре.

– Вас понял, База, готовлюсь к выстрелу. Все, отключаюсь от связи.

– Э-э... Эс-четыре, этого делать нельзя. У меня здесь есть два корректировщика, я сообщу вам, когда пистолет объекта будет направлен в безопасном направлении, и только тогда вы сможете выстрелить ему в голову, Эс-четыре. Мы не можем идти на риск, потому что он даже в предсмертной судороге может выстрелить, вы понимаете?

– Нет, База, я не могу во время стрельбы обращать внимание еще на что-нибудь.

– Тогда отставить, Эс-четыре, я не дам вам «зеленый свет», пока я своими глазами не увижу, что ствол пистолета направлен в безопасном направлении, так, как указано в инструкции.

Вот в какой ситуации оказался Ник Мемфис! Его просто обложили со всех сторон. Какой-то козел все время что-то бубнил ему на ухо, да к тому же указывал, когда ему стрелять, а когда нет, хотя... в противном случае Мемфису, вероятнее всего, пришлось бы встать и уйти, не сделав этого выстрела вовсе.

– Ладно, База, вы меня убедили. Сейчас займу позицию для стрельбы. Скажете, когда ваши люди сообщат вам, что можно стрелять.

Боб упер винтовку прикладом в плечо и посмотрел в прицел, в котором во всем своем ярком и смелом многообразии красок возник увеличенный, отчетливый, похожий на картинку из фильма мир.

– Эс-четыре, он выехал на Риджели, в данный момент он въезжает в вашу зону поражения.

Боб открыл затвор и положил туда один из патронов «Экьютек» 308-го калибра, потом дослал патрон в патронник. Прижав к себе поплотнее винтовку, он отвел микрофон в положение, в котором тот не работал, а затем резко и яростно дернул его в сторону, чтобы тот не мешал ему держать оружие.

Это была несколько усовершенствованная позиция для стрельбы сидя. Вес тела был перенесен на левую ногу, корпус слегка наклонен к винтовке, которая прочно была установлена на подставке из нескольких мешков с песком. Она удобно лежала на этих мешках, всем своим весом давя только на них. Верхняя часть тела Боба опиралась на локти, поэтому он свободно управлял винтовкой и всеми ее движениями, плотно прижимая ее к плечу и передвигая относительно точки опоры на песочной баррикаде. От напряжения бедро начало немного ныть, но это была не такая большая проблема, с которой бы он не смог справиться.

Взглянув в прицел, Боб сделал едва заметные изменения в положении рук на винтовке и расположении корпуса, пытаясь найти максимально удобную позицию: нужно было занять такое положение, чтобы все остальные предметы оказались на своих местах, чтобы ничто

не мешало и не отвлекало его внимания, чтобы дыхание было естественным и свободным и чтобы он чувствовал, что составляет единое целое с винтовкой и мешками с песком.

Он следил за легкой дрожью перекрестья прицела и старался постепенно выровнять дыхание и успокоиться. Вот кто был его настоящим врагом – не Вилли Даунинг или Ник Мемфис, ни даже «Экьютек» или что-нибудь в этом роде – нет, самым страшным врагом было его сердце, над которым он никогда не мог добиться полного контроля – да и вряд ли вообще это в чьей-либо власти – и которое независимо от его разума посылало предательские сигналы беспокойства в различные части тела. Что самое ужасное, так это то, что оно может подвести любого человека в самый ответственный момент, выбросив из себя огромный заряд страха. Результат может быть самым удручающим: дрогнет палец на спусковом крючке, дыхание задержится слишком долго, неизвестно отчего навернется пленка слез на глаза, которая сразу же уменьшит остроту зрения, четкость или сделает так, что изображение вообще расплывется, ухо может неожиданно услышать слишком много или, наоборот, чего-то не расслышать, или вдруг нога, которая незаметно для своего хозяина затекла и онемела, станет отвлекать его от того серьезного дела, на котором он в данный момент сосредоточен.

Боб быстро закрыл глаза и приказал себе успокоиться.

Он медленно вдохнул воздух, позволив ему заполнить легкие где-то наполовину, а потом так же спокойно выдохнул. Он не хотел, чтобы у него в организме было много кислорода, который может отрицательно подействовать в самый неподходящий момент. Однако, черт побери, он еще не совсем успокоился! Это довольно-таки странно, потому что все здесь было ненастоящим: он сидел в выдуманном здании, притворялся, что он – агент ФБР, притворялся, что это 1986 год, и еще старался вести себя так, как будто все это происходит на самом деле.

«Хватит придуриваться, – подумал он про себя. – Это всего лишь стрелковые упражнения, и нечего корчить из себя черт знает что».

Все необходимые математические вычисления он произвел еще раньше. Помня наизусть баллистическую таблицу, он подсчитал, что при использовании 150-грановой пули ее отклонение при стрельбе на триста двадцать ярдов составит порядка десяти дюймов. Скорость полета пули при этом снизится до 2160 футов в секунду. К тому же Боб уже знал, что патроны «Экьютек» несколько мощнее стандартных. Поэтому, прикинув кое-что в голове, он сбросил еще два дюйма. Стрелять он будет сверху вниз, а это не совсем то же самое, что стрелять на ровной местности. Значит, ему надо вычесть еще несколько дюймов из отклонения, потому что пуля, выпущенная под таким углом, снижается достаточно плавно. Он отнял еще три дюйма. Теперь отклонение пули по вертикали при стрельбе на триста двадцать ярдов составило у него всего пять дюймов. Однако он не учел ветер: такой легкий бриз мог отклонить пулю во время полета где-то на четыре дюйма влево. Потом ему пришлось учесть скорость машины, которая в некоторой степени компенсирует отклонение. Он уточнил скорость машины по рации, когда ему дали «зеленый свет» на выстрел.

– Эс-четыре, прием.

«А, чтоб тебя... – подумал Боб. – Что он там еще хочет?»

Он ничего не ответил. Микрофон находился под подбородком, и, чтобы вернуть его в нужное положение, ему пришлось бы сместить линию прицеливания, изменить хватку и нарушить драгоценное спокойствие. Он этого не сделает.

– Эс-четыре, черт бы вас побрал, где вы?

Боб хранил молчание, ожидая, когда автомобиль появится в правом нижнем углу его прицела.

– Эс-четыре, черт побери, выйдите на связь! Подтвердите прием! Войдите в сеть, Эс-четыре, черт, мне надо удостовериться, что вы меня слышите.

Боб продолжал молчать, стараясь успокоить легкую дрожь визирных ниток прицела. Он пытался заставить свой мозг расслабиться и успокоиться, сделать так, чтобы в теле не осталось ни капли напряжения. Для него существовали сейчас только две вещи: сохранить правильную хватку и не нарушить ее во время плавного спуска курка.

– Эс-четыре, вы не отзываетесь, я не даю вам «зеленый свет», чтоб вас разорвало! Я должен услышать ваш голос, я же знаю, что вы меня слышите!

Боб продолжал молчать. Дыхание стало немного неровным. Он испытывал огромное желание выбросить эти наушники к чертовой матери! Этот козел будет ему тут еще выговаривать!..

Он попытался отбросить все лишние мысли и ничем не забивать себе голову, чтобы полностью сконцентрироваться на выстреле. Но у него ничего не получалось.

– Эс-четыре, «зеленый свет» закрыт. Прекратите все. Полный отбой, Эс-четыре. Вы слышите? Разрешение на выстрел аннулировано. Эс-четыре, никакого выстрела, черт бы вас побрал!

И тут он увидел его.

В поле зрения появилось «тело» лимузина на буксирной цепи. Угол был не очень острый – где-то чуть больше сорока градусов. Автомобиль двигался со скоростью около двадцати миль в час. Сопровождая автомобиль, Боб без труда перемещал винтовку в импровизированной амбразуре, устроенной в баррикаде из мешков с песком. Главное было следить за захватом. Он старался не обращать внимания на всякие мелочи, но ему это никак не удавалось, потому что довольно забавно было вдруг обнаружить, что место Даунинга в машине занимает арбуз, а его заложников имитируют воздушные шары. Все это выглядело как-то нелепо, однако довольно реально, особенно тогда, когда ветер, раздувая шары, сталкивал их самым непредсказуемым образом; в этот момент арбуз выглядел подозрительно эластичным и гибким, почти как человек. Боб чуть не рассмеялся. Выбрасывать такие деньги, чтобы выстрелить по арбузу! Абсурдность таких действий была для него очевидной: добрая сотня стрелков в данной ситуации могла бы попасть в арбуз такого размера, и только один из них – в человеческую голову.

Но вдруг все эти мысли куда-то ушли. Боб почувствовал, что наконец занял нужную позицию, закрепил ее, успокоился и понял, что сделает отличный выстрел. Автомобиль продолжал все так же плестись по дороге, когда Боб непроизвольно, совсем не думая о том, что сознательно нарушает приказ, стал медленно выбирать курок. Он выстрелит несмотря ни на что, черт побери.

– Эс-четыре, подготовьте винтовку к выстрелу. «Зеленый свет», «зеле...» – раздалось в наушниках.

Но Боб к этому моменту уже выстрелил, самостоятельно приняв решение где-то в глубинах своего подсознания. Мозг подчинился указательному пальцу. Решение принял палец, и за долю секунды до того, как отдача дернула прицел, затуманив все перед глазами, он увидел, как пуля мгновенно прошила арбуз, который брызнул красными брызгами на зеленый пейзаж Мэриленда. Уже потом, когда прицел после отдачи вернулся в первоначальное положение, Боб заметил, что все четыре шарика по-прежнему качались на ветру, а арбуз спокойно лежал с дырочкой в середине своего круглого «тела».

– Поздравляю, – сказал Хатчер. – Вы выиграли по всем параметрам.

Боб ничего не сказал, только посмотрел на него холодным взглядом. Спустившись с вышки, он сразу же оказался окружен людьми, которые выражали ему свое восхищение:

– Когда вы решили выстрелить?

– Это просто невероятно!

– После получения «зеленого света» вы сработали очень быстро. Черт, это было невероятно быстро!

Боб не хотел разговаривать с ними, он еще не вернулся из того оазиса спокойствия и тишины, в который погружался каждый раз перед выстрелом.

– Вот расшифрованная распечатка радиообмена, вы можете прочитать ее сами.

Хатчер протянул Бобу лист.

Боб быстро взглянул на распечатку. Ему этого хватило, чтобы убедиться, что База действительно до самой последней секунды висела на ушах у бедняги Мемфиса.

БАЗА: Вы захватили цель?

АГЕНТ МЕМФИС: Да, сэр. Вот он появился внизу моего прицела, теперь поднимается к перекрестью прицела, вот он...

БАЗА: Повремените с выстрелом, С-4, пока я не получу подтверждение, что его штукавина направлена в сторону.

АГЕНТ МЕМФИС: База, черт побери, я держу его, я держу его, я...

БАЗА: Выстрел не разрешен. Подождите, С-4, я не могу позволить вам выстрелить, я...

АГЕНТ МЕМФИС (*неразборчиво*): Черт, я могу...

БАЗА: Нет, нет. С-2, какая у вас там картина?

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Я не вижу этого парня, База, я... О господи! Он собирается выстрелить...

БАЗА (*неразборчиво*): Огонь, «зеленый свет», огонь, черт тебя побери, стреляй, сделай из него котлету...

АГЕНТ МЕМФИС (*неразборчиво*): Стреляю!..

БАЗА: Боже, ты попал в девчонку. Он попал в девчонку! О господи! Прямо в спину...

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он стреляет по заложникам. Господи, да пристрелите же его кто-нибудь! Ник, попади в него, попади, попади!

АГЕНТ МЕМФИС: Я не вижу его, он за кем-то. О господи! Он стреляет в них. Я не могу выстрелить второй раз. Господи, помогите им, ну помогите же им кто-нибудь, помогите!

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он только что снес себе башку... (*нецензурно*). Ник, он вставил ствол себе в рот – и крыши как не бывало (*нецензурно*), он...

БАЗА: Окажите этим людям медицинскую помощь, окажите этим людям медицинскую помощь. О боже мой! Окажите этим...

АГЕНТ МЕМФИС: Сволочь.

Этого было достаточно. Почему у Мемфиса не было корректировщика или кого-нибудь еще, кто бы сидел рядом с ним? Снайперская стрельба – это работа для двоих, один может выполнять ее только тогда, когда вокруг больше никого нет. Ее нельзя выполнять, когда у тебя на голове наушники. А этот База... Ну и скотина! Именно из-за него этот парень и не попал: он же все время бубнил ему в ухо и причитал, как старая баба.

– Они его подставили, но так ему и надо, – сказал Боб, плотно сжав губы. Он думал об этом жалком сопляке, который смотрел на всю эту кровавую бойню через свой оптический прицел и в беспомощной, бессильной ярости сжимал свою винтовку, больше всего злясь на себя, зная, что он никогда не сможет простить себе этот промах. – Что с ним потом случилось?

– Он женился на той женщине, в которую попал. Он все еще служит в Бюро, и до конца жизни у него теперь на руках эта несчастная в инвалидной коляске.

«Дай бог тебе здоровья, Ник Мемфис, – подумал Боб. – Если бы я все еще был алкоголиком, то обязательно опрокинул бы стаканчик за твое здоровье. И если вдруг случится, что я снова когда-нибудь начну пить, я непременно это сделаю».

– Удивительно, как в экстремальных условиях проявляется сущность организации, – сказал Хатчер. – Смотрите, Бюро в общем и целом организация чисто бюрократическая, и на всем, что она делает, лежит отпечаток бюрократических отношений. Власть бюрократии. Поэтому-то Базе и пришлось осуществлять контроль за Мемфисом даже в момент выстрела. Пришлось, хоть это было неестественно и лишь усиливало нервозность обстановки, ибо самый главный принцип в работе Базы – прикрыть собственную задницу. А бедолага Мемфис был командный игрок, даже несмотря на то, что всегда играл в одиночку. Поэтому он подыгрывал команде. Поступая же таким образом, он ставил под угрозу успех самого выстрела.

Наступила пауза.

– Но вы, мистер Свэггер, – продолжал Хатчер, – не поставили свой выстрел под угрозу. Потому что вы не командный игрок и не придерживаетесь тех норм и традиций, которые приняты у них. Вы просто берете и стреляете. Вы заботитесь только о том, чтобы максимально сконцентрироваться. Мы пытались помешать и вам, так что вы прошли приблизительно через то же самое, что и Мемфис, но он оплошал, а вы уверенно разделались с Вилли Даунингом.

Вокруг Боба собралось еще несколько восхищенных почитателей. Они поддакивали неуклюжему Хатчеру, но почему-то все эти восторги вызывали у Боба лишь раздражение.

– Итак, мистер Свэггер, сейчас мы предложим вам более интересное испытание. Вы хотите продолжать игру? – спросил Хатчер.

Бобу очень хотелось вогнать еще одну такую пулю в цель, хотя он ощущал какую-то внутреннюю неловкость от того, что ему так понравились эти патроны.

– Я выстрелю еще раз, – сказал он. – Может быть, еще раз повезет.

– Этот случай как раз по вашей части – чисто снайперская война. Он реально основывается на событиях, произошедших в Медельине, в Колумбии, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. Все строго секретно, поэтому я вынужден попросить вас никогда не разглашать суть этого дела. Я думаю, это вполне понятно?

– Я приехал сюда, чтобы стрелять, а не разговаривать.

– После того как я расскажу вам все подробности, вы поймете, в чем заключается деликатность этого дела. Речь идет о выстреле на тысячу четыреста ярдов, который агент УБН¹⁶ сделал по одному торговцу наркотиками, уничтожившему ранее целую группу этого Управления. У торговца была фантастическая охрана, огромная банда колумбийцев, до зубов вооруженных всеми видами стрелкового оружия. Даже говорить не стоит о том, что бы произошло, если бы кто-то попытался его зацепить. Его охранники сразу же начали бы крушить все налево и направо. Поэтому УБН хоть и с явной неохотой, но все же приняло решение убрать его неофициальным образом – без лишнего шума. Операция готовилась нелегально, подозрение же в ее проведении должно было лечь на определенные организации в самой Колумбии.

– Это был прямой выстрел?

– Да. Как раз ваша работа. Никаких заложников, никаких помех. Был просто человек и винтовка, да еще чертовски дальний выстрел.

– Из триста восьмого калибра вы никогда не выстрелите на тысячу четыреста ярдов, уверяю вас.

¹⁶ Управление по борьбе с наркотиками.

– Вы снова нас проверяете. Снайпер УБН стрелял из «Магнума Н&Н» трехсотого калибра двухсотграновой пулей «Сьерра». Вот и винтовка. Точно такая же.

Он кивнул, и один из техников принес винтовочный чехол. Когда он открыл его, Боб засмотрелся на винтовку.

Какая это была винтовка!

– Черт побери, – невольно вырвалось у него. – Это же сказка, а не винтовка. Черт!

Это была 70-я модель с поворотным продольно скользящим затвором, выпущенная до шестидесят четвертого года, с длинным толстым стволом и 36-кратным оптическим прицелом, который располагался по всей длине ствола. Его темный металлический отблеск напоминал о давно забытом искусстве делать настоящие винтовки, которое достигло своего пика в годы великого американского винтовочного бума двадцатых – тридцатых годов. Она была практически новая, чистая и хорошо смазанная; видно было, что к ней относились с любовью и заботой. Но деревянные части поразили его еще больше. Выполненные в стиле пятидесятых годов, они были практически черного цвета. Он никогда не видел орехового дерева такого темного оттенка. Но это был явно не пластик, потому что чувствовался естественный теплый цвет дерева. Может быть, это черное дерево?

– Великолепная винтовка, – сказал Боб и быстро наклонился, чтобы взглянуть на серийный номер.

О господи, это была единичка с пятью очаровательными «гусинымияйцами» – 100 000! Стотысячная семидесятка! Это делало ее мечтой любого коллекционера и свидетельствовало о том, что она была сделана примерно в 1950 году.

– Выпущена на винчестерском заводе в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Металл был подвергнут термической обработке с закаливанием с целью придания ему прочности и надежности, необходимых при стрельбе специальными патронами на тысячу ярдов.

– О'кей, давайте проверим ее. У вас есть к ней патроны?

Хатчер протянул ему коробочку патронов «Экьютек снайпер грейд» для «Магнума Н&Н» 300-го калибра.

Красными буквами на ней было написано: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ».

Боб открыл коробочку и достал один длинный патрон. Он лежал у него на ладони, как маленькая баллистическая ракета, – четыре дюйма гильзы, пороха и пули. Тяжелый, как страусиное яйцо.

– Что за тип?

– Это максимально большой размер. Мы делаем его из гильзы Х-4831 и нашей двухсотграновой обтекаемой пули с полым наконечником. Скорость полета пули – три тысячи футов в секунду.

Боб вспомнил таблицу и вычислил, что на тысячу ярдов отклонение пули по вертикали будет 198 дюймов, следовательно, на тысячу четыреста ярдов оно составит 355 дюймов.

Он взял винтовку. Семидесятая модель была его первой любовью. Ее еще называли «винтовкой настоящего стрелка». Сейчас у него их было несколько штук, включая тот настойчиво сопротивляющийся винчестер 270-го калибра, которым он был занят перед своим приездом в Мэриленд и проблемы которого он так до конца и не решил. Так что эта винтовка была для него как старый приятель.

– Где я могу ее пристрелять?

– О, она пристреляна. Один из наших мастеров уже сделал все необходимое. На этом расстоянии она бьет точно в цель.

– Подождите, сэр. Когда мне платят деньги, я предпочитаю стрелять из той винтовки, которую проверил.

– О-о, – протянул Хатчер, несколько смущенный решительной настойчивостью Боба. – Я гарантирую вам, что...

– Вы не можете гарантировать мне то, чего я сам не знаю.

– Вы хотите, чтобы я обратился к полковнику?

– Почему бы и нет?

– Хорошо. Но я хочу сказать вам, что тот человек, который ее пристреливал, в середине пятидесятых выиграл чемпионат страны по стрельбе на тысячу ярдов. Она пристреляна. Я гарантирую вам, что она нормально стреляет. У него есть награды, которые могут подтвердить мои слова.

Боб прищурился.

Наконец он сказал:

– Это идет вразрез с моими принципами, но, черт побери, только из уважения к этой модели я возьмусь за работу и так.

Боб лег в снайперскую нишу. Здесь было душно и грязно. Казалось, что стены давят на него со всех сторон. Мир он видел через узкое отверстие размером где-то шесть дюймов на четыре. Сквозь него он видел ряд невысоких холмов. Далеко, очень далеко возвышалась небольшая стена, возле которой был сооружен укрепленный вал из выкопанной бульдозером земли.

– Он ждал в этой нише две недели, – сказал Хатчер. – Так что радуйтесь, что мы не пропустили вас еще и через это испытание. Ну а когда ожидание закончилось и настало время сделать выстрел, он промахнулся. Стыдно.

Гарсиа Диего, так звали торговца наркотиками, был необычайно осторожным человеком. Различные охранные приспособления и засады были расположены в радиусе мили вокруг его гасиенды¹⁷. После того как этот человек погубил целую группу УБН, он стал объектом номер один для уничтожения. УБН выследило его здесь. Ребята знали, что если он попытается улизнуть, то сделает это на закате и, перед тем как сесть в свой вездеход, на секунду или две появится на фоне задней стены своей гасиенды.

– То, что вы увидите, Боб, – продолжал Хатчер, – всего-навсего прекрасно сделанный манекен, который почти невозможно на таком расстоянии отличить от человека. Мы протащим его на проволоочной растяжке вдоль стрельбища. Проволоку вам видно не будет. С такого расстояния он должен быть поразительно похож на того торговца. Вам необходимо сделать все, что в ваших силах, чтобы попасть в центр корпуса.

Оставшись один, Боб принялся разглядывать винтовку. Именно на старом винчестере он учился стрелять в детстве во время охотничьих оленьих сезонов в Арканзасе. Эта винтовка была как письмо из дома, как какое-то ностальгическое воспоминание о тех пятидесятых, когда еще жив был его отец.

Эрл Свэггер был смуглым мужчиной с длинными волосами. Его голос напоминал звук напильника, стачивающего металл. Это был человек с чувством собственного достоинства, спокойный, уравновешенный, с хорошо сложенной фигурой, сильный, который, однако, первым никогда никого не трогал и относился ко всем людям, включая даже тех, кого многие презрительно называли «ниггерами», с предельной вежливостью и учтивостью, обращаясь к любому, даже самому последнему ничтожеству на земле, – «сэр».

Он настойчиво и упорно воспитывал у Боба терпение. «А теперь, Боб Ли, – вспомнились ему слова отца, – тебе нужно запомнить, что твое отношение к винтовке должно быть таким же хорошим, как и отношение к любому человеку, с которым ты будешь иметь дело. Если ты обращаешься с ней хорошо, то она будет верой и правдой служить тебе в раю и в

¹⁷ Вилла, имение, плантация и т. п. в Испании и Латинской Америке (*исп.*).

аду, куда бы ты ни попал. А если ты будешь относиться к ней небрежно, будешь обходить ее стороной, как злую собаку, или перестанешь обращать на нее внимание, как на женщину, которая слишком много жалуется, то, поверь, рано или поздно она найдет способ наказать тебя. В умных книжках написано, что порой и ад не так страшен, как плохая, неухоженная винтовка. В умных книжках не говорится об этом подробно, но это может случиться, Боб Ли. Ты слышишь меня?»

Тогда Боб Ли кивнул в ответ и дал себе клятву всегда обращаться с винтовкой так, как надо. Сейчас же, много лет спустя, он с полной уверенностью мог заявить: ни разу в жизни не подвел он ни своего отца, ни свою винтовку.

Боб посмотрел вниз на стрельбище.

Нигде не было никаких признаков движения. Все спокойно. Легкий ветер кое-где поднимал тонкие струйки пыли. Боб слышал, как внизу что-то тихо и настойчиво потрескивало, напоминая ему стрекот цикад.

Можно сказать, что, находясь за тысячу ярдов от цели, вы живете совсем в другом мире. Ветер, который при стрельбе на триста ярдов может помочь вам, в данных обстоятельствах превращается в непреодолимое препятствие. Во время столь долгого полета пуля так сильно теряет свою скорость, что ее траектория становится такой же уязвимой и чувствительной ко всяким изменениям, как и дыхание ребенка. Секрет заключается в том, чтобы заставить ветер работать на тебя, но для этого его надо понимать и уметь «читать». Это единственный способ попасть в цель.

Сняв большим пальцем винчестер с предохранителя, Боб плотно прижал винтовку к плечу и, приказав своему телу расслабиться, стал искать линию прицеливания.

Втиснутый в эту паучью нору, лежа в зловонии перегноя и грязи, он тем не менее выбрал самую удобную позицию, какую только можно было занять при классической стрельбе с упора: винтовка прочно опиралась дулом и прикладом на мешки с песком, и ему было достаточно незначительного перемещения приклада, чтобы сопровождать движущегося человека в течение того короткого промежутка времени, которое было ему отведено. Дыхание стало потихоньку успокаиваться; вдох на половину легких, потом выдох; он постепенно уменьшал приток кислорода в кровь.

Найдя наконец линию прицеливания, он был удивлен ясностью и четкостью открывшейся перед ним картины, которую так прекрасно увеличивал 36-кратный «Унертл».

Хорошо, что он выставлен в правильном направлении. Чем больше оптический прицел, тем меньше поле обзора.

Наконец Боб увидел его. Какое-то едва уловимое движение справа от перекрестья визирных линий, возле земляного вала, на расстоянии тысячи четырехсот ярдов. Он видел голову человека – она то появлялась, то исчезала. Объект двигался.

Боб чувствовал, что напряжение начинает увеличиваться.

И тут он вдруг внезапно осознал – не путем долгих размышлений, потому что в это короткое, похожее на вспышку мгновение не было времени на размышления, а благодаря внезапному озарению, происшедшему в глубинах его сознания, – что в этом выстреле и заключалась вся суть его присутствия здесь. Все остальное – «Экьютек снайпер грейд», патроны, Ник Мемфис в Талсе, стремление уничтожить этого короля наркобизнеса, – все это было лишь прелюдией. А сейчас был именно тот момент, к которому они все время его подталкивали, шаг за шагом, дюйм за дюймом подводя к той точке, к которой он все равно должен был когда-то прийти. Они ждали этого момента, стремились к нему и верили, что все удастся.

Это был неимоверно дальний выстрел. Теперь он и сам это видел. Практически никто в мире больше не смог бы его сделать. Он на скорую руку произвел необходимые баллистические расчеты – так же, как делал это сотни тысяч раз до этого, – потом провел срав-

нительный анализ между тем, как пуля должна была себя повести с точки зрения теории, и тем, как она поведет себя в действительности на стрельбище. Он попытался определить, какой сейчас ветер, и этим хоть как-то помочь себе в решении стоящей перед ним задачи. Он думал о выстреле, старался сконцентрироваться на нем, но чувствовал, что все здесь ему незнакомо, что он в чужой обстановке. В такой ситуации еще не был никто. Интересно, кто бы рискнул пойти на такой выстрел? Это очень опасная вещь, независимо от того, король наркобизнеса там или нет.

Все эти мысли промелькнули у него в голове в считанные доли секунды. Человек отошел от стены, поднялся на вершину и на мгновение остановился. Он был как пятнышко, как точка, как дырочка от укола булавки. Он был слишком, слишком далеко.

Боб за этот короткий промежуток времени произвел только его опыту и сознанию понятную коррекцию, нашел линию прицеливания, захватил объект в перекрестье прицела и нажал на курок. Раздался выстрел, радужная картинка в прицеле расплылась вместе с отдачей винтовки. Он понял, что послал пулю туда, куда надо, потому что фигура сначала дернулась, еще немного как-то безвольно продвинулась вперед, а затем упала и покатилась, как мешок с дерьмом, по склону насыпи.

Теперь Боб увидел, что он это сделал, что они заставили его это сделать.

И впервые за все время он почувствовал себя так, как будто предал свою винтовку.

Для него их энтузиазм значил не много.

– Мистер Свэггер, – захлебывался Хатчер, – вы понимаете, мы уже двадцать восемь человек сюда приглашали. Несколько бывших снайперов из роты «Дельта», несколько лучших снайперов ФБР, ряд секретных агентов из снайперских подразделений спецназа, пять или шесть мастеров своего дела из подразделений спецназа городского масштаба и Лос-Анджелесского полицейского департамента. Здесь были даже чемпионы Национального резерва сухопутных войск по стрельбе на тысячу ярдов... и никто из них... ни один, ни один не смог сделать такой выстрел! Пуля прошла в дюйме от сердца. Невероятно, попадание с первого выстрела на расстоянии тысячи четырехсот ярдов!

Боб, прищурившись, посмотрел на него.

– Это отличная винтовка, – сказал он. – И тот, кто делает для нее патроны, хорошо знает свое дело. Да, сэр.

Даже Пайн смотрел на него хоть и без особого удивления, но с любопытством, и в его глазах светился какой-то странный огонек.

– Неплохой выстрел, – признал он, и по его голосу можно было заключить, что он не раз видел или, может быть, даже сам делал такие безумно дальние выстрелы.

Но Боб все еще чувствовал раздражение. Такое чувство обычно испытываешь после того, как проведешь ночь с продажной женщиной, а утром ненавидишь и презираешь себя за то, что заплатил за свое право обладать ее телом.

– Мистер Свэггер, с вами все в порядке? Если бы вы тогда служили в УБН, то имя Гарсия Диего уже ушло бы в историю, а так он сейчас один из самых богатых людей в Колумбии.

Боб улыбнулся, пытаясь скрыть то странное чувство, которое он сейчас испытывал.

«Папочка, что же я наделал?» – вспомнил он свои слова, когда, первый раз выстрелив в оленя, попал ему в живот. Бедное животное умчалось, а он чуть не сгорел от стыда и ненависти к самому себе. Отец тогда сказал, что все в порядке, не стоит волноваться, а сам направился выслеживать раненого зверя, чтобы добить его. Тогда он блуждал по крутым склонам гор Уошито больше трех часов, разыскивая оленя по кровавым следам на земле. Отец говорил ему, что Господь всегда простит плохой выстрел, если будет знать, что вы охотитесь не для забавы, а для того, чтобы принести это мясо к своему семейному столу, когда он будет

знать, что вы действительно любите то животное, на которое охотитесь, и чувствуете себя вместе с ним частичкой природы.

Ну а если Бог не хотел, чтобы человек охотился, то зачем же тогда он дал ему мозги и тот придумал порох для ружей и такую винтовку, как 70-я модель винчестера?

– А, наконец-то до меня дошло, где я нахожусь и что это за место, – сказал Боб, чувствуя, как внезапная догадка осенила его мозг. Теперь он знал, чего они хотели. – И знаете, что я понял? То, что вам надо как можно быстрее сбежать за вашим хреновым полковником и немедленно привести его сюда. Думаю, он сможет объяснить мне, зачем вы суете меня во все это дерьмо и стараетесь превратить в того желтомордого ублюдка, который охотился на меня во Вьетнаме! – Он повернулся и свирепо посмотрел на них. – Эй вы, ублюдки сопливые, вы засунули мою душу в шкуру того снайпера, который искалечил меня и убил моего лучшего друга!

Он чувствовал, что заводится как перед дракой. Повернувшись, Боб резко двинул прикладом винтовки Пайну в лицо. От такого удара тот сразу же свалился на землю и стал выплевывать зубы вместе с кровью. Во время удара звук был такой, как будто стальной линейкой ударили по куску говядины. И без того отвратительное плоское лицо Пайна оказалось совершенно изуродованным. В его маленьких свинячьих глазах засветился настоящий страх. Боб наклонился и вытащил у него из кобуры укороченный «Ремингтон-1100», потом достал из магазина шесть красных патронов и бросил их в пыль. Ненужную винтовку он зашвырнул далеко назад.

– Мой пес не любит вас, мистер Пайн, и я – тоже. Мне не нравятся люди, которые таскают с собой семизарядный «ремингтон» с отпиленным стволом, к тому же заряженный двойными патронами двенадцатого калибра, потому что такие люди если стреляют, то всегда попадают в цель.

Боб резко повернулся к Хатчеру и увидел застывшее на лице этого человека удивление. Тот был шокирован неожиданной грубостью и жестокостью Боба.

– Вы еще здесь? Бегом! Со скоростью кенгуру! Живо за своим уродом-полковником! И ведите его сюда, или я поджарю вашему старине Пайну задницу еще до того, как сядет солнце!

Боб стоял и смотрел вслед убежавшему Хатчеру.

Глава 05

Майра умерла во вторник в 11.43. Ему позвонили из госпиталя прямо в Управление. Это был доктор Хилтон. Ник просто сказал:

- Да, хорошо, я сейчас буду.
- Ник, она была без сознания. Ты ничего не мог сделать, поэтому не вини себя ни в чем.
- Да, но я должен быть там.

Как сообщили врачи, ухудшение произошло, скорее всего, где-то в конце недели. Она потеряла сознание и так и не вышла из коматозного состояния в течение этих десяти дней. В принципе это не было неожиданностью, но когда в вашей жизни случается нечто подобное, то наступает такое огромное душевное опустошение, которое невозможно себе представить, если вы не пережили этого сами. Ник был оглушен тяжестью свалившегося на него горя и, сидя здесь, в Управлении, как бы издалека слышал доносящиеся до него бестолковые разговоры о повседневной жизни. Он вспомнил, что в последние дни, когда Майра еще была в сознании, она сама говорила ему, чтобы он крепился и был готов к тому, что ее дни уже сочтены.

Она все время просила его не расстраиваться, уверяя, что чувствует себя не так уж плохо и он сделал все, что сделал бы на его месте настоящий мужчина, – выплатил свой долг сполна. И до конца. Она говорила, что то, что с ней случилось, было ценой, которую она заплатила за обретенное счастье, потому что, если бы этого не произошло, у нее никогда не было бы Ника, и она благодарила свою судьбу и была счастлива, что все случилось именно так.

Теперь ему надо было пойти и хоть как-то расслабиться.

Такой была Майра. Она никогда не просила ничего лишнего, да ничего лишнего и не видела в своей жизни, спокойно переживая все выпавшие на ее долю трудности. Она никогда не жаловалась на жизнь, как это делали те, которые имели гораздо больше, чем она. Он очень хотел, чтобы она сейчас оказалась рядом с ним, потому что за долгие годы совместной жизни он привык полагаться на нее в трудных ситуациях, впрочем, так же, как и она на него. Боже, что за глупость: он хочет, чтобы его жена помогла ему пережить ее смерть!

Ник встал и, подойдя к Хэпу Фенклу, сказал, что ему надо ненадолго отлучиться и, возможно, он немного задержится.

- Майра? – спросил тот.
- Да, наконец-то. Она отмучилась.
- Ник, старина, хочешь немного валиума или еще чего-нибудь, а?
- Нет, не надо, все нормально.
- Какие у тебя проблемы? Может, в твое отсутствие я смогу заменить тебя и выполнить какое-нибудь особое задание? Что-нибудь крутое? Арестовать одного или двух с поличным? Ты же меня знаешь, я люблю такие приключения. В духе спецназа.

Это была шутка. Хэп был ростом пять футов и весил всего около 150 фунтов, в то время как Ник был человеком крепким и сильным, к тому же являлся чемпионом по дзюдо – имел черный пояс – и считался самым лучшим стрелком в Управлении. Но Ник даже не улыбнулся – в этот момент он как бы отключился на секунду. Он встряхнул головой и постарался прийти в себя:

– А? Нет, не надо. Все как обычно. Я слежу с Мики Сантагом за колумбийцами по всему городу, вот и все. Сегодня Мики на стрельбище, сдает зачет по программе спецназа. Я просто собирался до его возвращения протолкнуть тут кое-какие бумаги.

Хэп был главный инспектирующий агент в Новорлеанском управлении полиции, к тому же очень классный парень. С ним было легко найти общий язык по всем вопросам. Он специализировался по организованной преступности, а Ник отвечал за наркотики. Работа Хэпа всегда проходила бок о бок с деятельностью УБН. Он обладал редким умением дипломатично обращаться с людьми плюс умел ладить с теми, кто работал в так называемом «суперкрутом Управлении». В общем, на него можно было положиться.

Поэтому у Ника не возникло никаких проблем с тем, чтобы оставить свое рабочее место и съездить в госпиталь.

Они ее еще не трогали.

– Если вы не против, я бы хотел на минутку остаться с ней наедине, – сказал он сестре.

– Да, конечно. Но нам скоро надо будет везти ее в морг.

– Да, я знаю.

Сестра вышла. Ник осмотрелся по сторонам, чувствуя, что ненавидит эту проклятую комнату. Она была такая же, как и все те комнаты, в которых он провел свою жизнь, – огромная и безликая. На стенах висело несколько репродукций, и в воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств и пластика. Да, он ненавидел эту комнату, Майре же, насколько он помнил, все это было безразлично. Ее никогда не волновали вещи подобного рода.

– В тот день мне было предначертано умереть, – однажды сказала она ему, – так же, как и другим двум девушкам и тому парню, что ограбил страховую компанию. Но твоя пуля спасла меня. Она вывела меня из круга смерти. Она дала мне тебя, Ник Мемфис, и сделала меня миссис Мемфис. То, что я получила, было слишком хорошо. Сладкое счастье. Шесть лет сладкого счастья.

Черт, он сидел и плакал. Она запрещала ему это делать. Когда стало ясно, что болезнь прогрессирует, и доктор Хилтон сказал, что никаких шансов на выздоровление нет, Ник был в отчаянии. Майра тогда призналась ему, что не может видеть, как он плачет.

«Что ж, теперь ты должен быть счастлив, – говорил он сам себе. – Нет больше леди в инвалидной коляске. Ты еще молод. Гуляй, веселись, пей и ходи на вечеринки».

Он подошел к койке, на которой под простыней лежала Майра. Конечно, он в своей жизни уже не раз видел трупы: во время выездов на место преступления, в моргах, когда умерла его мать... Были еще, конечно, и те три трупа в Талсе. Несмотря на это, сейчас, отворачивая простыню, он чувствовал легкую дрожь и думал, правильно ли он поступает. Но он хотел. Он хотел увидеть ее еще раз.

Кома убрала с ее лица все признаки румянца и выбелила его, как простыню. Живые, веселые, полные задора и огня глаза были закрыты. Незадолго до его прихода они коротко обрезали ее длинные каштановые волосы, и теперь она выглядела совсем как мальчик. Но это была Майра.

Она была похожа на маленькую птичку. Бледная матовая кожа и тонкие, хрупкие косточки маленького тела... Но боль уже ушла. Живя шесть лет бок о бок с постоянной болью, она все-таки хорошо держалась. Она не чувствовала ни рук ни ног, только одну сплошную боль. Сейчас на ее лице застыло такое умиротворение, лицо было таким спокойным, каким никогда не было при жизни.

«Прости, дорогая, – думал он, – я действительно все порчу своими слезами. Ты не велела мне плакать, но я не могу сдержаться, не могу, не могу...»

– Ник? – Это был доктор. – Ник, может, принести чего-нибудь?

– Не надо, все нормально.

– Нам надо ее забирать.

– Хорошо.

Он отвернулся и позволил им увезти тело своей жены.

Ник вышел на солнце, зажмурился и достал сигарету. Потом вспомнил, что бросил курить, и засунул пачку обратно. Чтобы скрыть покрасневшие от слез глаза, он надел солнцезащитные очки. Ник задумался о том, что в подобных обстоятельствах необходимо предпринять, но потом вспомнил, что беспокоиться не о чем – все уже распланировано: он знал, куда ее отвезут и где и когда состоится похороны. Это займет два дня и произойдет во вторник.

До этого момента все будет делаться автоматически.

Надо было, наверное, пойти домой, потому что мог прийти кто-нибудь из знакомых, ребята из Управления, может, их жены. В течение всех этих лет он брал Майру с собой на вечеринки, и потом такие же они устраивали дома. Это помогло им пережить неловкость и сложность всего того, что окружающие, видя их, называли Трагедией с большой буквы. Постепенно ребята полюбили ее, их жены очень сдружились с Майрой, и у них уже стало привычным забегать к ней поболтать о своих делах.

Он почувствовал желание вернуть назад те старые добрые времена, но сразу же постарался выбросить из головы эти нелепые мысли. Думать об этом было безумием, которое рано или поздно опять завершится очередным потоком слез. Он пытался сдержаться. В такой ситуации лучшим было бы, наверное, сесть в машину, рвануть в Билокси и там пару дней просто поваляться на пляже. Может быть, как сказала Майра, он найдет там девушку, успокоится и наконец-то придет в себя.

Но он никогда не сможет так поступить. В настоящий момент Ник просто не знал, чем ему заняться. Ужасное состояние. Может, сходить в кино или придумать еще что-нибудь в этом духе, чтобы хоть на несколько часов отвлечься от всех этих ужасных мыслей. Но в фильмах были сплошные драки и убийства. Сейчас ему не хотелось на это смотреть.

Наконец он решил поехать к озеру. Подъехав к самой кромке воды, Ник сразу же ощутил приятное спокойствие и прохладу. Он просто сидел и наслаждался пейзажем, чувствуя, как солнце ласкает кожу лица и внутреннее напряжение потихоньку спадает. Внезапно он вспомнил, что забыл сделать один срочный звонок, и выругался.

Найдя телефонный автомат, Ник опустил монету.

Ответил Фенкл.

– Эй, Хэп, – начал Мемфис, – я собираюсь слинять, так что меня не будет целый день. Хорошо?

– Ну, в общем-то, не очень хотелось бы... потому что ребята тут думают собраться и...

– Слушай, это совсем не обязательно. Ей уже ничего не надо. Так что ни к чему поднимать шумиху по этому поводу, о'кей? Хотят собраться – пусть собираются, не хотят – тоже ничего. Просто помяните ее в своей душе. Это будет намного лучше. Мне бы очень хотелось именно этого.

– Хорошо, нет проблем. Кстати, у тебя есть осведомитель по имени Эдуард о?

– Как?

– Где-то полтора часа назад звонил парень, назвался Эдуардо. Сказал, что хочет переговорить с тобой. Очень волновался. Латиноамериканский акцент. Скорее всего, ничего серьезного, но ты лучше все-таки позвони.

Ник порылся в памяти. Эдуардо? Он сейчас вел около пятнадцати дел, главным образом по небольшим партиям контрабандных наркотиков. Предполагалось, что большая часть людей, засветившихся по этому делу, работает на Джилли Стефанелли, крестного отца всей новоорлеанской мафии. Но он не мог припомнить, чтобы в его каталоге мошенников, воров, шулеров и всякой шушеры попадалось имя Эдуардо. Хотя звучало оно подозрительно знакомо.

Наконец он вспомнил. Это было на еврейскую Пасху. Уолли Дивер, который ушел из УБН, чтобы заняться частным бизнесом, тогда сказал ему, что это вымышленное имя одного

из его осведомителей и что он специально не называет их настоящими именами, потому что не хочет, чтобы парни из конторы, где он работает, контролировали его агентурную сеть.

– А какой номер?

– Э-э... сейчас, секундочку... девять, восемь, девять, двадцать, двадцать, номер пятьдесят восемь.

– Судя по телефонному справочнику, это где-то в районе аэропорта, не так ли?

– Да, я слышал шум пролетающих над ним самолетов. Знаешь, старина, может, тебе плюнуть на все это? Не такая уж большая величина этот твой парень. Мне такие звонят каждый час и лезут со всяким дерьмом. Подожди немного, если это так важно, он перезвонит, а если нет – выбрось его из головы и спрячь пушку: стрельба отменяется. Прости за то, что побеспокоил тебя этим, не надо было даже вспоминать.

– Нет, мне надо позвонить этому человеку. Ты ничего не знаешь.

Ник повесил трубку, бросил еще одну монету и стал быстро набирать номер, пока тот не вылетел у него из головы. Из слов клерка гостиницы, подошедшего к телефону, он понял, что это «Палм Корт». Ник попросил соединить его с номером пятьдесят восемь. Телефон звонил, но трубку никто не брал.

– Думаю, что его здесь нет, – сказал дежурный.

– А где вы находитесь?

– Рядом с аэропортом, на Первой магистрали. Налево, через два квартала после отеля «Холлидэй».

– Отлично. Спасибо, – поблагодарил Ник и быстро посмотрел на часы.

С сожалением вздохнув, он повесил трубку и решил, что надо возвращаться к работе.

Гостиница «Палм Корт» оказалась довольно-таки обшарпанным зданием, смахивающим на подпольный притон, – в таких местах Ник обычно брал третьесортных торговцев наркотиками. Возведенное из шлаковых блоков в начале пятидесятых, это здание было покрашено в какие-то странные, причудливые, яркие цвета, в которые красили дома в те дни, когда Америка только открывала для себя свои знаменитые автомобили и, поддаваясь соблазну путешествий, устремлялась по пыльным дорогам к манящим вдали горизонтам.

Он вошел внутрь, нашел номер пятьдесят восемь, который располагался сразу возле лестницы, и постучал в дверь, на поверхности которой играли блики от флуоресцентных огней, украшавших два автомата – «Сок» и «Пепси-Кола», – расположенных по обе стороны от нее. Ник был не маленький мужчина – почти двести фунтов, но, хотя в действительности он обладал огромной физической силой, внешне он не производил такого впечатления. У него было мягкое, гладкое тело, длинные светлые волосы и нежно-голубые глаза. Он был не просто плотный, а даже немного толстоват... В общем, создавалось впечатление, что он скорее похож на замминистра или нажившегося на взятках торговца, чем на федерального агента.

У него было одно хорошее качество, которому он научился у Майры, – настойчивость. Он вспомнил то время, когда еще жил без нее. Это были дни настоящего безумия, время, когда он горел желанием уничтожать преступников, когда он мотался по улицам и даже спускался в канализационные ходы города, чтобы спасти Америку от самой себя. Самоотверженно служа этой идее, он первые пять лет работы в Бюро вел аскетический образ жизни, выезжал на все облавы, аресты и вызовы, стремясь попасть во взвод по борьбе с терроризмом или в группу по обезвреживанию грабителей банков. Он хотел убивать негодяев из снайперской винтовки – это была его главная цель.

Потом произошло несчастье в Талсе. С тех пор он подчинил свою жизнь и свою карьеру тому, чтобы хоть как-то компенсировать совершенную ошибку. Он пытался забыть случившееся...

Но порой ночью, лежа в постели и прислушиваясь к мучительному хриплому дыханию Майры или глядя на напоминающую в слабом свете луны скелет инвалидную коляску, он чувствовал, как страшная боль отчаяния пронзает его мозг и разрывает все тело на части.

«Господи, ты попал в девчонку!» – прокричал тогда База.

В такие дни Ник вставал с постели полностью разбитым. Потом плелся в туалет, где в течение часа блевал, склонившись над унитазом. Потом он выходил из сортира, воняя рвотой, с трясущимися руками и пустой головой. В этот момент он безумно ненавидел себя за ту роковую ошибку, и страшная тяжесть никому уже теперь не нужного раскаяния душила его...

Мысли Ника вновь унесли его в прошлое, и он очнулся только тогда, когда увидел, что от сильных ударов в дверь у него на костяшках пальцев выступила кровь.

– Мистер! Эй, мистер, я думаю, что его там нет.

Ник поднял очки, чтобы разглядеть, кто с ним говорит.

Это была горничная, внешность которой чем-то напоминала пышный колючий куст.

– Да, конечно, – сказал он. – Простите, вы, случайно, не видели проживающего здесь человека? Какой он из себя?

– Пожилой такой. Ничего особенного. Как и все приезжие.

– Когда он ушел?

– Я не видела, чтобы он уходил. К нему приходили люди, а потом ушли. Вы полицейский?

– Я из ФБР. А кто к нему приходил? Что за люди?

– Ну, в костюмах, такие... как вы. Может быть, помоложе, посмуглее. Вот, пожалуй, и все. Ушли они минут десять назад.

– Сделайте одолжение, позовите, пожалуйста, управляющего.

Управляющий оказался довольно причудливым старикашкой, одетым в ситцевую гавайскую рубашку, которая была разукрашена такими яркими цветами, что создавалось впечатление, будто это какая-то сверхновая звезда, посылающая во все концы вселенной яркие лучи оранжевого солнца. Она была как нельзя к лицу этой старой тощей крысе, от которой несло бурбоном и дезодорантом.

Ник достал яркий значок полицейского и удостоверение. Показав их управляющему, он приказал ему открыть дверь.

– У вас есть ордер или что-нибудь еще?

Такой поворот дела удивил Ника, но он промолчал. Во всем виноваты эти проклятые фильмы. И дерьмовое телевидение. Десять лет назад ему бы ответили: «Да, сэр, пожалуйста, что мы можем для вас сделать, сэр». Теперь все думали о ФБР как о сборище фашистов и, естественно, так же к нему и относились.

– Вы кто, прокурор? – спросил Ник. – Этот человек хочет со мной переговорить. Может, он спит. Давайте приступайте, не стоит стесняться. Окажите мне такую любезность, хорошо?

– Нет, потому что этот парень настоящий ублюдок. Он настоял на том, чтобы ему дали именно эту комнату, рядом с автоматами коки. Ее даже не успели перед этим убрать. Но он устроил такой скандал! В общем, мне не очень-то хочется снова нарываться на неприятности...

– Вы только откройте замок, и все. Дальше я побеседую с ним сам, – сказал Ник.

Старикашка скорчил гримасу, давая понять Нику, с какой неохотой он все это делает. Ник понял, что тот не прочь получить свои десять долларов, но даже не пошевелился, продолжая молча наблюдать за действиями кряхтящего управляющего. Наконец представление закончилось и дверь открылась.

Первое, что бросилось Нику в глаза, когда он вошел в комнату, была кровь. Она была везде: на стенах, на кровати, на зеркале, на потолке... Классический пример хлеставшей фонтаном артериальной крови.

– А-а-а-а-а!!! – завизжала горничная.

– Твою мать!.. – произнес управляющий.

– Понятно, – сказал Ник. – Вы оба выйдите. Здесь совершено преступление. Идите в холл, наберите номер восемь-восемь-пять-три-четыре-три-четыре и попросите к телефону агента Фенкла. Дайте ему адрес, скажите, что здесь совершено убийство и что он должен выслать сюда группу экспертов как можно быстрее, пока не нахлынули всякие городские любители сенсаций. Передайте ему, что Ник уже здесь, понятно?

В широко раскрытых глазах старикашки застыл неподдельный ужас, однако он послушно пошел выполнять то, что ему было поручено.

Ник прошел в комнату. Тут, вероятно, была настоящая бойня.

Большинство убийств совершается, как правило, в постели. Кровать буквально плавала в крови, над изголовьем вся стена тоже была в ярких кровавых разводах. Ник подумал, что убийцы, наверное, ударили его топором, причем, если судить по брызгам на стенах, сделали это два или три раза. Возле столбика кровати, к которому они привязали несчастного, чтобы, видимо, без проблем поработать топором, он заметил вымокшую в крови липкую ленту. Но самого Эдуардо здесь не было...

Тут Ник увидел, что от кровати в направлении ванной тянется кровавый след. Господи, неужели человек, из которого буквально сделали бефстроганов, еще пытался как-то доползти до ванной?

Он увидел, что из дверей торчат голые ноги, повернутые ступнями вовнутрь, как обычно бывает со всеми уже окоченевшими трупами, когда непослушные разуму части тела без всякого достоинства и стыда оказываются в самых невероятных положениях и так и застывают под тяжестью собственного веса. Ник аккуратно подошел к двери в ванную и заглянул туда, чтобы посмотреть на тело. Он увидел спину пожилого человека и сильные, развитые мышцы. Эдуардо был в белых брюках, которые полностью вымокли в крови. Голова была вывернута вправо, и Нику сразу бросился в глаза элегантный, возможно, даже аристократический тип лица с орлиным носом и редкими светлыми волосами. Нижняя часть головы была грубо обмотана изолентой, которая прижимала кусок тряпки, торчащий из его беззвучно раскрытого рта. В широко раскрытых глазах застыл ужас, и лицо – впрочем, как и все тело, – плавало в целом море крови. Здесь было слишком много крови.

Ник стоял и смотрел. Какого черта он сюда тащился? Почему он умер на полу в ванной, а не в кровати? Зачем ему надо было вылезать из кровати и ползти сюда, волоча за собой свои кишки, легкие и искромсанное тело? Но тут он заметил, что под неестественно выгнутой в сторону левой рукой трупа, возле указательного пальца, застыли какие-то пятна... нет, там было что-то написано! Он написал что-то перед смертью на белом линолеуме пола! Написал своей кровью!

Вдруг Ник в ужасе заметил, что огромное пятно крови, которое постоянно увеличивалось из-за того, что тело сеньора Эдуардо продолжало кровоточить, постепенно наползает на написанное слово. В самый последний момент, однако, он успел его прочитать.

Там было написано: «РОМ ДО».

Прибывшая через час судмедэкспертиза наконец-то погрузила тело на носилки и увезла с собой. Хэп Фенкл все еще продолжал орать на капитана из Отдела убийств ново-орлеанского полицейского департамента. Тот в свою очередь точно так же орал на него. Это были вечные, непрекращающиеся споры между местными и федеральными службами, воз-

никающие в основном из-за подобных убийств. Ник спустился в холл и набрал номер Уолли Дивера.

Дивер возглавлял службу безопасности одной крупной фармацевтической фирмы в Бостоне, поэтому Нику потребовалось очень много времени и усилий, чтобы вычислить, где тот может в настоящий момент находиться.

– Уолтер Дивер слушает.

– Уолли? Эй, Уолли, ты ни за что не поверишь...

– Ник Мемфис, старина, я узнаю твой веселый голос даже у черта на куличках! Как поживаешь? Как дела?

– Все в порядке, дружище. Послушай, у меня тут есть к тебе...

– Ник, тебе немедленно следует завязывать со своим Бюро и присоединяться ко мне. Боже, Ник, деньги, деньги, деньги, тут такие могут быть деньги, что и Майра будет довольна, и ты сможешь...

– Да, звучит красиво, это хорошо, когда на счете в банке много денег. Послушай, Уолли, у меня к тебе тут одно старое дело...

– Как Майра?

– Отлично, – солгал Ник. – Помнишь, как-то перед уходом из конторы ты дал мне список осведомителей, которые, как ты сказал, могут мне позвонить?

– Да. И что, один из них вышел на тебя?

– Да, он действительно вышел. Кто-то его грохнул, да еще как! Он выглядел так, будто над ним потрудились целый батальон «пантеровцев», – он, оказывается, имел отношение к тому подразделению сальвадорских рейнджеров, которые сожгли деревню и убили почти две сотни детей и женщин. Помнишь, эта история еще была во всех газетах и ФБР проявило к ней особое внимание. Я тут прикинул – над ним не меньше двух человек потрудились. Топориком. Они его так отделали, что ты себе представить не можешь.

– О боже! Видимо, он перешел дорогу колумбийцам. А эти парни – варвары. Сегодня ты обедаешь с ними за одним столом, а завтра получаешь от них удар ножом в спину. С ними лучше не связываться.

– Да, возможно.

– Кто же это был?

– Его звали Эдуардо. Он пытался дозвониться мне, но не застал на месте. Пока я его вычислил, они уже замочили его в одном убогом отеле рядом с аэропортом. Я как раз звоню сейчас оттуда.

– Эдуардо?

– Да.

– А-а-а... Эдуардо... – как-то неубедительно произнес Уолли.

– На вид я бы дал ему пятьдесят пять – шестьдесят лет, у него еще очень аристократическая внешность. Что-нибудь вспомнил?

– Да. Эдуардо Ланцман. Ну и что? Он же не колумбиец, он – сальвадорец. Да, плохие новости. Это прокол. Дело в том, что он – невидимка.

– Невидимка?

– Да. Помнишь встречу Буша на высшем уровне в Картахене по поводу наркотиков? Я встретился с ним там. Тогда многие ребята из УБН смешались с народом и были незаметны. Он, естественно, тоже был в Колумбии, но там было полно людей из группы «Центр А». Ланцман служил в Отделе разведки национальной полиции Сальвадора. Он казался таким вежливым и культурным. Ну, ты знаешь полицейских – мы обменялись визитками, и я попросил его, чтобы, в случае если он узнает что-нибудь важное для меня, он мне сразу же об этом сообщил. Но позже кто-то сказал мне, что он был двойным агентом. Понимаешь, он был агентом не только УБН, но и работал на ЦРУ.

– Гм... если у него что-то случилось, то почему он не обратился в свою контору?

– Теперь этого, Ник, уже никто никогда не узнает. Может, кто-нибудь из батальона «Пантеры» его и прикончил и он ничего общего с наркотиками не имел, а наоборот – был замешан в политику. Это серьезная организация. Зацепишь кого-нибудь из этих крутых парней – и ровно в полночь за тобой прикатит «команч»¹⁸ с затемненными стеклами.

– Ты сообщил ему мое имя?

– Если это тот самый человек, то, может, и да. Как раз перед своим уходом я отослал официальные письма. Всем своим осведомителям и связным.

– Ладно. И еще один вопрос. У тебя ни с чем не ассоциируется выражение РОМ ДО? Что бы это могло значить? Это было его последнее послание. Может быть, он хотел мне что-то сообщить? Как ты думаешь?

– Не имею ни малейшего представления, Ник.

– Ну хорошо, спасибо, Уолли.

Он положил трубку и попытался переварить полученную информацию.

– Ник, мы тут нашли кое-что. Его паспорт! – Это был голос Фенкла, который звал его из пятьдесят восьмого номера. – Его имя Эдуардо Лакин. Он из Панамы – здесь есть корешок его авиабилета, рейс был сегодня утром. Самолет делал промежуточную посадку в Мехико. Как нам удалось узнать, из аэропорта он направился прямо сюда, наверное, на такси. По сообщению телефонного оператора отеля, им был сделан всего один звонок...

– Мне.

– Да. Я тоже так считаю.

– Мы можем получить его багаж?

– Никакого багажа нет. Горничная говорит, что при нем тоже не было вещей. В комнате тоже. Его поездка не была путешествием. Он приехал сюда с определенной целью – с кем-то встретиться, может быть, с тобой.

– Это его и погубило, – заметил Ник.

¹⁸ Тип автомобиля.

Глава 06

Полковник вел себя очень спокойно и уверенно, это было заметно всем.

На его лице не было никаких признаков сожаления или раскаяния. Он ни в чем не сомневался. На яростную правду Боба и скрытую угрозу, звучавшую в его словах, полковник никак не прореагировал.

– Хорошо, Свэггер, – сказал он, – вы нас раскусили. Ну и чего вы ждете – поздравлений и аплодисментов? Вы и должны были так поступить. Пришло время выложить все карты на стол.

– Зачем вам понадобилось проделывать со мной все эти штуки? Какого черта вы заставили меня стрелять в самого себя и беднягу Донни?

– Говорят, что вы не любите охотиться ради трофея, Свэггер. А я хочу, чтобы вы знали, что трофей, за которым вам стоит поохотиться, на самом деле существует.

Они сидели в маленькой грязной комнате в трейлере, на котором был знак «Экьютека». Он стоял как раз рядом с трехсотъярдовыми мишенями. Полковник не отрываясь смотрел на Боба. Среди других присутствующих был и тот бородатый козленок, похожий на маменькиного сынка, которого Боб видел на стрельбище, и вечно готовый лизать начальственную задницу Хатчер. Станным было то, что на столе, за которым они сидели, стоял большой телевизор «Сони» с плоской коробкой видеомagnитофона. Они что, собираются устроить тут просмотр фильмов или какого-нибудь шоу?

– Как ваше имя, сэр? – спросил Боб.

– Не Уильям Брюс, – ответил полковник. – Хотя полковник Брюс существует, он действительно получил Почетную медаль и был инспектором полицейского управления в штате Аризона. Прекрасный человек. А я – нет. Я – тот человек, который вынужден следить за тем, чтобы все делалось так, как надо, и в срок, поэтому у меня обычно не остается времени на то, чтобы быть еще кем-то, кроме начальника. Кстати, сейчас именно такое время.

– Я не люблю, когда мне лгут. Лучше скажите мне всю правду, иначе я просто встану и уйду.

– Вы будете сидеть здесь, пока я не закончу говорить, – сказал полковник, остановив на нем свой тяжелый, невозмутимый взгляд, лишний раз подтверждающий его высокое положение.

Боб почувствовал, что полковнику присуще то качество настоящего командира, которое он встречал у самых лучших офицеров во Вьетнаме, оказывавшихся всегда, как правило, на самых тяжелых участках боя. За редким исключением такое качество нельзя было назвать вдохновением, чувством, идущим из глубины души. Скорее всего, речь шла об огромной концентрации воли и неумолимом стремлении либо победить, либо умереть. Это был настоящий талант, и без такого таланта армии обычно проигрывают свои битвы. Но Боб видел и отрицательную сторону этого качества: грубость, которая не могла воспринять ничье другое мнение, кроме своего, и желание швыряться чужими жизнями – следствие того, что такие люди, как правило, не дорожили собой, считая, что выполнение боевой задачи намного дороже и важнее, чем их жизнь. У этого человека на лице было написано: «Долг, долг и еще раз долг». И именно это делало его особенно опасным.

– Мы следим за одним человеком, – начал полковник. – Он очень специфическая личность. Очень хитрый и скрытный. Мы думаем, что настало время сделать по нему выстрел. Человек, за которым мы следим, – советский снайпер, сделавший в свое время немало прекрасных выстрелов; среди них, кстати, были и те два выстрела, которые раздробили вам бедро и пробили позвоночник Донни Фенну.

«Поразительно, – думал доктор Добблер, наблюдая за Свэггером. – Его способность контролировать свои эмоции просто восхищает. Никаких признаков волнения, ни тени сомнения, как будто его это не касается. Он просто сидит и внимательно слушает, немигающим взглядом глядя на полковника. Не заметно никаких признаков возбуждения или волнения, которые, как правило, всегда проявляются в моменты конфронтации. Дыхание не участилось, румянца на лице нет, губы не пересохли, не заметно напряжения мышц. Никакого возбуждения! Неудивительно, что он был таким неординарным солдатом в бою».

Добблер задумался над тем, как редко подобный природный дар встречается среди людей. Был ли он так редок, как, скажем, способность метко стрелять из винтовки, которой обладают около сотни ежегодно рождающихся детей, или как талант не промахнуться на расстоянии 350 ярдов и более, которым обладает максимум один ребенок в поколении? Добблер понимал, что столкнулся с чем-то действительно необычным, и это приводило его в легкое возбуждение, но одновременно и немного пугало.

Боб наклонился вперед:

– Не надо попусту беспокоить имя Донни Фенна. В мире осталось только два любящих его человека. Прошу вас, давайте не будем тревожить память о нем.

– Знаете что, Свэггер? Пожалуй, вы правы. Не будем говорить о Донни Фенне. Так же, как и о вашем бедре. Оно меня не волнует, а вот этот русский – да! Потому что он вернулся. Он снова вышел на охоту.

Ник бросил пятидесятицентовую монету в автомат, и спустя несколько секунд там что-то защелкало и зазвенело, потом, после небольшой паузы, раздался звук скатывающейся по желобу банки, которая наконец с грохотом свалилась в металлическую корзину. На банке было написано: «Диетическая кока». Он достал ее из корзинки и, откупорив, сделал большой, жадный глоток.

– Черт, – раздался голос Хэпа Фенкла, – пятьдесят центов. А у нас в здании такая же банка – за семьдесят пять.

Ник ничего не ответил.

– Никак не могу понять, почему ему захотелось снять комнату именно рядом с этими автоматами коки, – спустя некоторое время сказал он. – Дьявол, два автомата коки и два автомата пепси плюс машина со льдом и автомат, который набивает карманы несвежими орехами.

Он указал на выстроившиеся в ряд торговые автоматы, между которыми размещалась комната номер пятьдесят восемь.

– Может, парень был сладкоежка и поэтому хотел жить поближе к этим машинам?

– Нет, это худшая комната, которую можно заказать. Если ты решаешь здесь поселиться, значит, ты заранее соглашаешься на то, чтобы всю ночь у тебя под дверью звенели монетами и кололи лед на мелкие кусочки. Что-то я не вижу в этом никакой логики.

– Ник, может, он думал, что за ним следят? Тогда он выбрал этот номер именно потому, что вокруг постоянно много людей, и надеялся, что таким образом сможет отпугнуть убийц. Но его преследователи, видимо, были теми людьми, которых нельзя отпугнуть ничем.

– Да, но...

– Послушай, Ник, ты думаешь совсем не о том. Ты же видел десятки подобных убийств, хоть и не таких кровавых. Это типичное сведение счетов наркомафии – колумбийской, перуанской или какой-нибудь еще. Они четко поставили условие: либо все подчиняются им, либо будут большие неприятности. А этот парень что-то разнюхал и тайно прилетел сюда. Они его вычислили и, мягко выражаясь, нашлапали по попе. Ну как?

Ник кивнул. В общем-то, наверное, все так и есть, но что-то во всей этой истории никак не давало ему покоя.

«Почему мне? – думал он. – Почему этот человек позвонил именно мне и именно в тот день, когда умерла моя жена?»

Он допил оставшуюся коку одним глотком.

– А вот и он собственной персоной, мистер Свэггер, – сказал полковник. – Тот, кто убил Донни Фенна и искалечил вас.

Полковник нажал кнопку пульта дистанционного управления, и на экране телевизора появилось чье-то лицо. Боб попытался уловить в его чертах что-нибудь особенное, что-то такое, что говорило бы о том, что перед ним стрелок, снайпер высшего класса. Но видел перед собой только худое суровое лицо без каких-либо особых признаков. В слегка выпирающих скулах было что-то восточное, во всяком случае, Свэггеру он показался похожим на монгола.

– Соларатов Т. Мы считаем, что это его настоящая фамилия. Но никто не знает, что означает это «Т».

Боб что-то невнятно пробормотал, потому что не знал, что будет дальше.

– Т. Соларатов на этой фотографии запечатлен нашим агентом под кодовым именем Флауэпот в столице Афганистана Кабуле в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. Это последняя его фотография, имеющаяся у нас. И самая лучшая по качеству. Ему пятьдесят четыре года, и он сейчас в самой лучшей форме. Бегаёт по двенадцать миль в день. В Афганистане был советником подразделений спецназа по проведению спецопераций с использованием снайперов. Эксперт по снайперским вопросам. За ним охотятся по всему миру. Если Советам бывало надо, чтобы где-то прозвучал выстрел, то этот выстрел делал он. А сколько человек вы убили, сержант?

Боб ненавидел, когда ему задавали этот вопрос. Это их не касается. Нечего совать свой нос в чужие дела.

– Ладно, – сказал полковник, – можете упорствовать и молчать. Согласно официально зарегистрированным попаданиям, эта цифра составляет восемьдесят семь человек. Но я уверен, что на самом деле она намного больше. Намного.

Боб знал настоящую цифру. Иногда он притворялся, что не помнит ее, но это была неправда, он все прекрасно помнил.

– По нашим подсчетам, товарищ Т. Соларатов отправил в лучший мир более трехсот пятидесяти сосунков. Почти все выстрелы, за редким исключением, произведены в голову. Это его фирменный знак. Соларатов не признает выстрелов в центр корпуса, считая их непрофессиональными.

Боб хмыкнул. Да, это была серьезная заявка на настоящую стрельбу.

Ник показал свое удостоверение какой-то женщине, и через несколько секунд его пропустили внутрь и провели к самому мистеру Хилари Дуайту, вице-президенту филиала компании «Кока-Кола» в Новом Орлеане, который отвечал за сбыт и распространение продукции фирмы. Мистер Дуайт оказался немного манерным мужчиной, одетым в белый элегантный костюм. Он, видимо, выпил за свою жизнь так много той самой кока-колы, что это очень сильно сказалось на его необъятной талии. У него был ясный и открытый взгляд, можно даже сказать, смиренный, как у монаха, а в офисе было так чисто и аккуратно, что это сразу говорило о четкости и ясности мышления его хозяина.

– Итак, чем могу служить, мистер Мемфис? – спросил он. – Надеюсь, никто из моих водителей не наехал на пешехода и не совершил еще чего-нибудь противозаконного? В принципе у них есть разрешение на подъезд ко всем учреждениям и запретным зонам, но, честно говоря, сейчас люди стали уже далеко не такими, какими были раньше.

– Нет, сэр, – ответил Ник, – нет. Просто у меня есть тут небольшая проблема, которую я пытаюсь разрешить. Один человек совершил самоубийство в отеле, расположенном возле аэропорта...

– О господи, – произнес Дуайт.

– Но перед тем, как решиться на это, он заказал себе комнату возле автоматов кока-колы. Как раз рядом с его номером стоят две ваших машины и два автомата пепси.

Плюс еще какой-то автомат со сладостями, орехами и леденцами. Скажите, какие особенные качества автоматов кока-колы могли заставить человека, подозревающего, что за ним следят его убийцы, специально искать комнату, рядом с которой бы эти автоматы находились? Или я полностью заблуждаюсь на этот счет?

– Хмм... – Круглое лицо Дуайта напряглось от размышления. – А что за отель?

Ник назвал.

Дуайт встал, подошел к терминалу компьютера и набрал необходимые команды. Ник сидел и смотрел, как на экране послушно появлялись какие-то данные. Дуайт внимательно их изучил.

– Значит, так, мистер Мемфис, вы, возможно, уже заметили, что мы сейчас занимаемся заменой наших прежних автоматов серии «Вендо-Дайн-1500» на их усовершенствованные аналоги серии «Вендо-Дайн-1800». Вы их уже видели там. Они даже разговаривают с клиентом. Вы можете бросить доллар – и получите сдачу. Очень сложная конструкция и с широкими возможностями.

Ник кивал головой и наслаждался фантастической организацией работы фирмы «Кока-Кола». Это был один из самых приятных моментов в его профессии, который он любил больше всего: каждый раз ты вдруг оказывался в каком-то совершенно другом мире.

– Да, да. Это место мы уже обслужили, сэр, и заменили тысяча пятисотую модель на тысяча восьмисотую еще в прошлом месяце. Между ними существует большая разница в размерах, тысяча восьмисотая вмещает две тысячи банок, а тысяча пятисотая – всего пятьсот. Следовательно, нам не надо их обслуживать так часто, как раньше, и на этом мы получаем определенную прибыль, что в свою очередь позволяет нам ради привлечения внимания потребителей несколько снизить цену на напиток.

Ник вспомнил – банка стоила пятьдесят центов.

– Ну и о чем это нам говорит? – спросил он, представив себе яркий переливающийся свет новых автоматов кока-колы в холле отеля.

– О том, сэр, что одним из достоинств тысяча восьмисотой модели является то, что называется «возбуждающей генерацией».

Ник ждал объяснения.

– Новая модель содержит в себе маленький компьютерный чип. Для того чтобы он работал, нужен электрический ток. А этот ток порождает электромагнитное поле. Там было два автомата, да? Ну так вот, они порождают, благодаря электромагнитному импульсу, сильное поле помех.

Ник покачал головой, проклиная свою бестолковость:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мистер Дуайт улыбнулся и начал объяснять с самого начала.

– Вот все сведения, которые нам удалось раздобыть об этом человеке, Свэггер. По данным израильской группы, которая является нашим самым надежным источником информации, в середине семидесятых его выследили и чуть не убрали, когда он инструктировал боевые отряды в долине Бекаа по методам и технике снайперских операций. К нашему общему стыду, я должен добавить, что, хоть эта группа и подобралась к нему ближе, чем все остальные, она не смогла выполнить свою задачу. Впервые его снайперские способности обнару-

жились в восемнадцать лет, когда он попал служить в морскую пехоту. С 1954-го по 1959-й он был абсолютным чемпионом спартакиады дружественных армий и всех стрелковых соревнований, проводимых в рамках Восточного блока. Он был необычайно одаренным спортсменом. Мы считаем, что свой первый выстрел по живой мишени он совершил в 1956 году в Венгрии. Николае Хаммл и Павел Апрани, венгерские националисты, выступавшие за дальнейшее сопротивление советским войскам, были убиты во время проведения массового митинга пулями, выпущенными из винтовки Мосина. Выстрелы были произведены с большого расстояния. Никаких следов стрелявшего обнаружено не было. К 1960 году, после ряда «успехов» в Конго, ему присвоили офицерское звание и перевели из морской пехоты в высшую военную элиту – в спецназ. С 1962 года он перестал принимать участие в соревнованиях по стрельбе. Затем вообще исчез из поля зрения, и о его появлении в различных местах можно было судить только по слухам или каким-то отрывочным, непроверенным сведениям. А в 1972 году, когда комендор-сержант Боб Ли Свэггер задержал Третий батальон Пятой ударной пехотной дивизии северных вьетнамцев в долине Ан-Лок, убив тридцать шесть человек за эти два героических дня, и таким образом спас жизнь двенадцати «зеленым беретам» и еще доброй сотне южных вьетнамцев, ведущих радиоперехват вблизи камбоджийской границы, командование северных вьетнамцев забеспокоилось и послало в Москву за профи. Вот так туда попал товарищ Соларатов. Он искал только одного человека. Вас. Ему потребовалась неделя на то, чтобы вычислить ваше место нахождения, но он не мог подобраться к тому месту, где вы располагались, ближе чем на тысячу четыреста ярдов. Он наблюдал за вами, живя целую неделю в какой-то норе, питаясь и справляя нужду прямо там же. Ну а когда подошло время, то прозвучал выстрел, который вы и получили. Но тысяча четыреста ярдов – очень большая дистанция.

– Он не рассчитал вертикального отклонения пули, – сказал Боб.

– Да. Поэтому он и попал вам в бедро. Но благодаря этому он произвел корректировку и, когда появился Донни, не промахнулся, попав ему прямо в центр груди. Но все это уже история. Соларатов стал большим героем! Получив пятьдесят тысяч долларов за вашу голову, он уже через два дня улетел в Москву, где преспокойно расслаблялся и наслаждался жизнью, в то время как здесь близкие оплакивали Донни, а врачи собирали по кусочкам ваше бедро.

Боб посмотрел на лицо снайпера, которое еще было на экране телевизора. Да, какие-то слухи до него доходили. Вернувшиеся тогда назад ребята сказали, что в него стрелял белый.

Полковник продолжил:

– Мы засекли его потом в семидесятые годы в Анголе, после этого – в Никарагуа, где он обучал сандинистских снайперов. Затем он всплыл недалеко от Ближнего Востока. Как я вам уже говорил, израильская группа залила весь тот район напалмом только ради того, чтобы наверняка уничтожить его, но – увы – они опоздали всего лишь на час. Он очень большая фигура на Ближнем Востоке. Выполняет огромное количество работы, которую получает от некоторых темных личностей в этом регионе. Мы очень, очень долго наблюдали за ним в Афганистане, когда он командовал там подразделением спецназа. Они попадали в цель с расстояния нескольких сот ярдов. Вы с Донни по сравнению с ним выглядите слабо.

Боб положил руку на бедро, чтобы успокоить начинавшую ныть кость.

Ник позвонил одному человеку, которого он знал еще по работе в УБН и у которого брат работал в Вашингтоне в Отделе картографической и топографической съемки Министерства обороны, а несколько раньше какое-то время служил в одном из управлений в Лэнгли, штат Виргиния. Разговор с этим самым братом оказался сложным и потребовал огромного количества просьб, уговоров и клятвенных заверений; тот просил учесть, что он человек семейный и весьма дорожит своим служебным положением, но в конце концов сломался и

сказал, что у него в интересующих Ника сферах есть еще кое-какие старые друзья и что он может позвонить одному своему закадычному другу, но обещает задать тому один, только один вопрос Ника. Он особенно подчеркнул, что это будет один вопрос. Ничего другого он спрашивать не станет и до самой смерти собирается отрицать, что когда-либо был знаком или что-нибудь слышал о Нике Мемфисе. Он перезвонит Нику... когда вопрос решится и ответ будет готов.

– Зачем же этот русский вернулся в свою страну? На кого ему там охотиться? – спросил Боб.

– Я сказал, что он русский, – ответил полковник, – но я не говорил, что он охотится на русских. Соларатова просто вытолкали в шею. Его уволили в прошлом году, как раз в тот момент, когда после распада Советского Союза в их армии началось повальное сокращение. Пнули как собаку, не посчитавшись ни с чем. Тот почувствовал, что оказался ненужным. Ему было очень неприятно. Вы же сами можете себе представить, сержант Свэггер, что чувствует старая добрая лошадка, оказавшись вдруг ненужной?

Боб внимательно следил за полковником.

– Его обнаружили в июле. Знаете где?

– Гадать – это не по моей части, мистер.

– Тут может быть только один-единственный ответ: в центре Багдада, в резиденции генерала Кали ля аль-Вазира, который возглавляет сейчас Аль-Мухабарат, тайную полицию Ирака. А теперь, сержант, давайте вернемся в настоящее. Позвольте мне сообщить вам кое-что о «Рэйнбоу». Вы знаете, что такое «Рэйнбоу»?

– Я не знаю, что такое «Рэйнбоу», – ответил Боб, в глубине души желая, чтобы полковник побыстрее со всем этим покончил.

– Вряд ли это кто-нибудь знает. Это спутник безумно сложной конструкции, на шпигованный всякой секретной аппаратурой. Он вращается на большом расстоянии от Земли, контролируя практически все, что происходит в районе Ближнего Востока, и посылая нам на Землю соответствующие изображения. Он оказался очень полезным в последние несколько лет. Иракцы, сирийцы и ливанцы подозревают, что он существует, но они не могут его обнаружить, потому что у них слишком старые дешевые радары, которые поставляли им в свое время еще страны Восточного блока. Но они очень осторожны. Когда им надо произвести какие-либо секретные работы, они выполняют их ночью, в это время эффективность работы «Рэйнбоу» намного ниже. Но порой происходят какие-то странные вещи. Взгляните на это. – Он нажал на пульте другую кнопку, и на экране появилось несколько фотографий. На них на всех сквозь туманную дымку была изображена Земля – какой она выглядит с очень большого расстояния. – Эти снимки были сделаны «Рэйнбоу» глубокой ночью около двух или трех недель назад с высоты двухсот миль над Багдадом в районе военного объекта у Ад-Даджаи. Мы пытались определить местоположение наших старых друзей – дивизии «Медина», входящей в состав Республиканской гвардии. И что мы здесь видим? Практически ничего. А теперь... чудо.

Он сменил картинку.

Фотография была необыкновенно четкой. То, что Боб увидел на этом снимке, было похоже на башни. Приблизительно на одну из таких башен он взобрался тем утром, чтобы с высоты контролировать сеть дорог и объектов, расположенных на больших расстояниях друг от друга. То, что он видел сейчас на фотографии, практически не отличалось от застывшего в памяти образа.

– Молния, – продолжал полковник. – Этого никто не мог предсказать. Она осветила Землю всего на одно мгновение, но этого было достаточно, чтобы «Рэйнбоу» успел сделать снимок. Даже плотные облака, которые в это время были на небе, не мешают, как вы видите,

различить в высвеченных молнией строениях заранее спланированные и тщательно продуманные приспособления, предназначенные для каких-то тайных целей. Но самым интересным моментом во всей истории является то, что эти конструкции собираются каждую ночь. Для этого ведь нужны сотни людей. И все это делается только для того, чтобы наши спутники не смогли их обнаружить и сфотографировать. А теперь посмотрите сюда. Эти снимки сделаны днем. – Он снова нажал на кнопку, и появилась новая фотография. Теперь Боб увидел беспорядочную сеть дорог на безлюдной местности. – Ну и как вы разрешите эту головоломку, Свэггер? Эти фотографии, Соларатов в Ираке... Вы понимаете, в чем дело?

– Конечно, – ответил Боб. – Они готовят выстрел. Это все макеты зданий на улицах. Он прикидывает расстояние, угол стрельбы. После этого ему все будет знакомо.

– Нам надо было обратиться к вам с самого начала; тому молодому человеку, фотоаналитику из Управления, к которому мы обратились с этим вопросом, потребовались недели, чтобы найти ответ. Это было потерянное время. Но наконец его осенила идея проанализировать ситуацию исходя из координат зданий и углов расположения улиц. Он загрузил эти данные в компьютер, и тот выдал вполне конкретную информацию. Свэггер, представляете, эти макеты имитировали район Пятидесятой улицы и Мэйн-стрит в центральной части Кливленда, вид на гавань из здания «Ю. С. Ф. энд Джи» в Балтиморе и даже заднюю террасу Белого дома, если смотреть на нее с крыши здания министерства юстиции, – вы представляете, самого Министерства юстиции! Наконец, район Даунинг-стрит и Хьюдженат-стрит в северном Цинциннати и Норд-Рэмпарт и улицы Святой Анны в Новом Орлеане.

– Да, правильно, – сказал Боб, – так оно и есть.

– Сержант, у всех этих мест есть одна общая особенность. Через несколько недель там будет выступать со своими речами президент Соединенных Штатов.

Добблер молча наблюдал за этими двумя мужчинами. Они оба были, если так можно выразиться, взрослыми детьми с необычайно развитым чувством эгоизма и самолюбования. У них не было той присущей всем обыкновенным людям границы, за которой бы они могли сказать себе: «Стой, не спеши, отступи, подожди и подумай». Это были сильные люди, без всяких идеологических предрассудков, привыкшие рассматривать весь этот мир как совокупность проблем, которые обязательно должны быть решены.

Добблер вспомнил тот день, когда впервые увидел полковника. Тот застал его за работой в клинике для шахтеров в Рафферти, штат Массачусетс, где он выписывал аспирин и накладывал бинты детям шахтеров.

Полковник вошел в здание размашисто, даже как-то нагло, и с такой явной уверенностью в себе и в своих действиях, что ни одна медсестра не осмелилась сказать ему что-нибудь против. Широким жестом он бросил на стол прошлогодний номер газеты «Бостон глоуб», где на первой странице целых три колонки были посвящены судебному процессу над Добблером и его обвинительному заключению. Подойдя ближе, он сказал:

– Если вы умеете держать язык за зубами и не болтать лишнего, я могу предложить вам по-настоящему интересную работу. Вы сможете получать очень много денег. Развлечения, путешествия, приключения и всякое такое... кое-что даже законным способом.

– Ч-ч-что я... я должен буду делать?

– Контролировать вербовку. Анализировать данные психологических и психиатрических наблюдений, а потом делать выводы. Будете сообщать мне, если кто-нибудь из них взбрыкнет, когда я начну закручивать гайки.

– Этого никто не сможет сделать.

– Возможно, но вы должны будете все-таки попробовать и постараться представить мне максимально точные данные по интересующим меня вопросам. Или, может быть, вы предпочитаете всю оставшуюся жизнь провести здесь, в перевязочной?

– Это часть приговора в соответствии с решением су...

– Все, уже ничего нет.

Полковник положил перед ним документ, утвержденный соответствующими юридическими инстанциями, о его досрочном освобождении под поручительство солидного лица.

– Вы... с правительством? – спросил Добблер.

– Можно сказать и так, – ответил полковник.

Боб продолжал хранить молчание. Казалось, что гнетущая тишина, которая висела в воздухе, вот-вот взорвется.

– Они все еще хотят выиграть эту войну, – продолжал полковник. – Думают, что смогут добиться победы только одним-единственным выстрелом. Наняв Соларатова и его винтовку.

– Ну и что вы хотите от меня?

– Свэггер, вы вытворяли такие чудеса, которые многим и не снились. Таких, как вы, мало. Вы охотились и выслеживали десятки, сотни людей. Вы один из тех двух-трех человек, которые считаются лучшими стрелками в мире. Один или два, может быть, есть в Израиле, потом этот Соларатов, Карл Хичкок – и все, больше нет никого, кто бы умел стрелять так, как вы. Нам нужен человек, который решит эти проблемы с точки зрения снайпера, его опыта и его знания обстановки. Нам надо знать, как он спланирует проведение этой операции, откуда он выстрелит и каким патроном. Мы хотим, чтобы вы проинструктировали наших людей из системы безопасности, а они уже найдут пути, как обработать получше эту информацию. Нам очень хочется схватить это дерьмо, эту мелкую террористическую вонючку, за задницу, перевернуть вниз головой и встряхнуть из нее все секреты, используя как бумеранг против его же хозяев в Багдаде. Мы вернем им такую бомбу, которая разнесет их самих в пух и прах.

Некоторое время Боб молчал. Он все еще раздумывал и колебался. Что-то ему во всем этом не нравилось, не нравилось то, что от этих людей так и несло ЦРУ. Он не был уверен, что сможет когда-нибудь доверять им настолько, что, как говорится, сядет с ними есть из одной тарелки. Но в какое-то мгновение он вдруг понял, что практически не имеет выбора. Все уже было давным-давно решено судьбой, и не сегодня, а еще много-много лет назад.

Он вспомнил удар в бедро, дикую боль и то, как неожиданно онемело все тело, вспомнил, как он лежал, беспомощный, а к нему спешил Донни, как пуля прошла друга насквозь и его веселые, полные жизни глаза сразу потухли и закатились. Наконец Боб повернулся к полковнику:

– Дайте мне винтовку, и я отловлю вам эту старую хитрую крысу.

Впервые за много лет на лице Боба появилась улыбка и он почувствовал, что постепенно возвращается к жизни.

«Ключул», – записал Добблер.

Глава 07

Похороны состоялись во вторник. Пришли практически все ребята из Управления, большинство с женами, как ни странно, несколько незамужних девушек из их же отдела и несколько десятков сотрудников из других структур и подразделений по обеспечению безопасности. Они тоже были с женами. Было еще человек десять тех, кто просто прочитал о Майре в некрологе, напечатанном в «Тайме пикэйюн».

Всего было человек пятьдесят или шестьдесят. Они тихо стояли в лучах слепящего солнца, безмолвно потупив головы; все они пришли сюда, чтобы своим присутствием хоть как-то помочь ему пережить это горе и отдать последний долг Майре. Нику было приятно, что их оказалось так много. Майра всю свою жизнь прожила как маленькая тихая мышка, соглашаясь со всем, что выпадало на ее долю. Люди всего мира должны были бы сделать специальную медаль для таких женщин, как Майра, но медали не было, и поэтому пришедшие на кладбище были самой большой наградой за ее героическое терпение.

Кладбище располагалось рядом с Кеннером, в пятнадцати милях западнее самого города. Ник сам выбрал это место, потому что здесь было просторно и все кладбище представляло собой настоящий травяной ковер. Оно не было похоже на те угрюмые, темные, засаженные огромными деревьями кладбища, которые встречались повсюду вокруг Нового Орлеана. Здесь было сплошное море нежно-зеленой травы и несколько приземистых домиков, да вдали еще виднелось небольшое озеро. Нику понравилось это место, потому что оно напоминало ему центральные районы Запада с его яркими солнечными днями, нежной зеленой травой и красивыми деревьями, среди которых не было кипарисов и папоротников.

Был как раз именно такой яркий, хотя и слегка прохладный, солнечный день. Все, что происходило на кладбище, было формальностью в полном смысле этого слова. Тем не менее благодаря этой процедуре считалось, что Майра стала теперь частью чего-то большого, в целом более организованного общества. Там, на небесах...

После того как священник закончил свою часть, Ник даже смог произнести несколько слов над стоящим возле могилы гробом.

– Знаете... – пробормотал он, – я хочу поблагодарить всех вас и ваших жен за то, что вы потратили свое время и пришли сюда помочь мне сказать последние прощальные слова Майре... Она была прекрасной женщиной, вы все это знаете, и это замечательно, что вы все сегодня пришли сюда. Я уверен, что ей бы это было очень приятно. Так что спасибо еще раз... вам... за то, что пришли.

Все это звучало неубедительно, но его это сейчас мало волновало.

Затем они вытянулись в длинную очередь и, проходя мимо, жали ему руку, говоря какие-то глупые, ненужные слова, а он кивал головой и смотрел, как они уходили.

– Мне очень грустно, Ник, – сказала Салли Эллиот, одна из самых симпатичных девушек в отделе компьютерных дисков.

– Э-э... – попытался что-то ответить он, немного удивленный тем, что видит ее здесь. – Да, но... А... да... Спасибо за то, что пришла.

– Ты выглядел молодцом, – добавила она.

– Кто? Я?

– Да, ты, Ник.

И с этими словами она пошла за остальными.

Одним из последних в этой длинной очереди сочувствующих был Хэп Фенкл.

– Ник, возьми себе небольшой отпуск, ради всего святого. Ты много пережил. Сделай перерыв.

– Хэп, самое лучшее для меня сейчас – это вернуться к работе. Понимаешь? Если я буду бесцельно шляться по дому, мне будет только хуже. Там каждая вещь будет мне напоминать обо всем происшедшем. Так что встретимся где-то через час.

– Ник, тебе надо о себе позаботиться, слышишь? – сказала жена Хэпа Марли. – Если тебе будет нужна какая-нибудь помощь, сразу дай мне знать, хорошо?

– Конечно.

Ник стоял и смотрел им вслед, пока не остался один рядом с ямой, возле которой томились ожиданием два старых негра с лопатами. Они будут так стоять до тех пор, пока он не уйдет, а потом опустят ее в могилу и засыпят. Землей. Вот и все. Вот так-то. Это то, с чем все равно неизбежно придется смириться.

«Ну что, малышка, – наконец прошептал он, – эти люди с лопатами уже здесь. Пришло время уходить. Я всегда буду помнить о тебе. Прощай».

– И что получается, ребята, – говорил Хэп, когда, немного опоздав, появился Ник. На нем был все тот же темно-синий костюм, в котором он был на похоронах. – Мы еще только получили из Вашингтона ответ по поводу этих колумбийцев, а УБН уже что есть мочи вопит на все министерство, что мы не пускаем их в нашу картотеку...

– Да им только что-нибудь сообщи – сразу же, через пятнадцать секунд, все будет известно на улице...

– УБН в принципе мало чем отличается по структуре от нас, и вы это знаете. Они предпочитают хватать людей чаще, чем мы, потому что у них не так много людей, как у нас, чтобы работать качественно. Поэтому ты прав, Майк, они время от времени раздувают из мухи слона. Да, еще. Я сообщаю вам официальное решение сверху: мы должны теперь работать вместе с УБН повсюду.

Среди двенадцати агентов взвода по борьбе с наркотиками местного управления ФБР в Новом Орлеане послышался неодобрительный гул. За окном ярко светило солнце, и напротив здания ФБР, на Лойола-стрит, раздавались резкие звуки автомобильных сигналов и гулкий шум оживленного автомобильного движения. Ник скользнул на свободный стул рядом со своим другом Мики Сондагом, который заранее занял ему место.

– Что-нибудь пропустил?..

– А, все то же, – прошептал Мики, – новым дерьмом по старой бумажке. Как работать с документами, какие-то инструкции по купле-продаже и денежному обращению, новые зачеты и нормативы по программе спецназа – старая песня на новый лад.

– Хорошо, – сказал Ник.

Собрание продолжалось. Это была обычная проводимая во второй половине дня по вторникам пытка. Почему, подумал Ник, Хэп ее просто-напросто не отложил? Но Хэп был потомственным фэбээровцем, и его не волновали желания подчиненных. Его отец и дядя были сейчас в отставке, причем оба увольнялись с должности инспектирующих агентов. Поэтому Хэп всегда «играл только по правилам». Таким был стиль работы ФБР, и Ник знал это лучше, чем кто-либо.

Потом все вернулись к своим делам. Одни обсуждали какие-то важные вопросы, другие просто болтали о всякой чепухе, короче, все было как всегда – размеренно и постоянно. Дело в том, что именно в этом общении, когда они раз в неделю собирались все вместе и непринужденно обменивались информацией или просто разговаривали о разном, кто-нибудь порой вдруг замечал то, на что раньше никто не обращал внимания, какую-нибудь неожиданную взаимосвязь между делами и событиями, и, сделав соответствующие выводы, успешно распутывал очередной сложный клубок проблем. Да, и такое иногда случалось.

Ник никак не мог войти в нужный ритм и начать нормально работать, его мысли все еще были заняты смертью Майры и непонятной гибелью того человека из «Палм Корт». И все же, когда наступило время задавать вопросы, именно он оказался в центре внимания.

– Итак, какие вопросы? – спросил Фенкл.

Вопросов было мало, поэтому, когда взгляд Хэпа скользнул в его направлении, он поднял руку:

– Скажи, Хэп, что у нас с тем парнем, которого шлепнули в «Палм Корт»? Есть какие-нибудь сведения?

– Очень мало. УБН заявило, что в их картотеке по наркотикам он не числится. НОПД не собираются выделять своего человека. Ты же знаешь, они не любят работать впустую, а в этом деле даже арестом в конце не пахнет.

– Ну и что же делать? Ведь этот человек пытался со мной связаться, он...

– Послушай, Ник, если он не убежал из-под следствия, не был осужден и не совершил никакого преступления в соответствии с федеральными законами, то это дело не по нашей части. Я думаю, что все закончится стандартной фразой НОПД: «Может быть, кто-нибудь когда-нибудь и расскажет нам, кто это сделал...»

– Хэп, ведь мы можем кое-что раскрутить, если найдем зацепку.

– Да, но я не вижу тут ничего обещающего. Наркотики, может быть, но никаких улик нет. Он был не из тех, кто занимается наркобизнесом. Ты говорил, что он из ЦРУ, но в ЦРУ говорят, что он не оттуда.

– ЦРУ никогда даже о себе не скажет, что оно ЦРУ. По данным ЦРУ, ЦРУ не существует. Но этот человек не панамец, Хэп. Мой источник сообщил мне, что он – сальвадорец.

– Да, но в официальные документы заявление подобного рода не занесешь. По паспорту он – панамец. А паспорт – официальный документ.

– Однако это может говорить о том, что он – «невидимка», двойной агент.

– С другой стороны, такие сведения могут означать, что он вообще никто и ничто. Если бы он был двойным агентом, то ЦРУ – и ты сам прекрасно это знаешь – уже давно было бы здесь и пыталось отвести от себя всякие подозрения. Они очень начинают беспокоиться, когда мы говорим о национальной безопасности. Ты знаешь, как это их выбивает из колеи. А сейчас им наплевать. Никаких инструкций, никаких звонков – ничего. Это может быть делом рук ревнивого мужа, спором по поводу раздела прибыли, семейными разборками или чем-нибудь в этом роде. Да, это твое «РОМ ДО» может оказаться ключиком к разгадке. Все это в некотором роде любопытно, но больше напоминает таинственные романы, и я уже говорил тебе об этом. За последний год в районе, о котором идет речь, было совершено двести пятьдесят нераскрытых убийств, почему ты думаешь, что я должен сейчас заняться именно этим? Оно ничем не отличается от предыдущих и потребует массу времени и нервов. Ты же знаешь, что в судах все любят растянуть удовольствие, посплетничать, эти обвинительные заключения, разбирательства, приговоры – все это охота за скальпами. Я не могу сейчас позволить себе увязнуть во всех этих мелочах.

– Но ты же знаешь...

– Ник, у меня тут есть для тебя кое-что приятное, но дай мне возможность дойти до этого.

– Нет, позволь мне хоть вкратце объяснить суть дела. Я над этим очень много думал.

– Уже поздно, Ник. Тем более есть еще несколько чело...

– Ну пожалуйста!

– О господи, ну ладно. Давай выкладывай, что там у тебя.

Ник прокашлялся:

– Во-первых, я задал себе вопрос, как эти люди попали к нему в номер. Он был напуган, очень спешил, все время думал о том, что с ним могут сделать, и пытался предупредить о

катастрофе. К тому же он вошел в комнату всего минут за десять до того, как убийцы на него напали.

– Может быть, он вызвал к себе в номер служанку и...

– Нет, в таких убогих заведениях, как «Палм Корт», услуги для номеров нет. Да он бы ее и не вызвал. Никогда. Он собирался сидеть тихо и не высовывать носа до тех пор, пока не поговорит с кем-нибудь, кому он доверяет, то есть со мной, потому что ему дал мои координаты один человек, которого он знал по УБН. Да, мне он доверял больше, чем любому другому в УБН, потому что все мы знаем – и сами несколько минут назад шутили по этому поводу, – что в УБН не умеют держать язык за зубами. Да, у них информация не держится, поэтому этот человек им и не верил. Разве такое его поведение не говорит о том, что он знал, что делал?

– Хорошо, ну и что из этого?

– Но здесь есть еще один момент. Он просит, нет, он даже настаивает на том, чтобы ему дали комнату рядом с автоматами коки. Все-таки вы должны признаться, что это выглядит очень странно, не так ли? Зачем ему понадобилась именно эта комната? И эти автоматы с кокой?

– Может быть, он просто любил коку, Ник, – сказал кто-то.

Когда стих смех, Мемфис продолжил:

– ЦРУ утверждает, что он не из их конторы, да? Но тогда позвольте мне сообщить вам одну интересную деталь. Не далее чем две недели назад то ЦРУ, которое считает, что оно не существует, издает неприметную брошюрку, которая называется «Технологическая памятка» и предназначена для внутреннего пользования. Она говорит о некоторых преимуществах и достоинствах новых торговых автоматов, которые могут быть использованы агентом во время выполнения задания в крупном промышленном центре. Два дня назад я посетил представительство фирмы «Кока-Кола». Оказывается, автоматы коки, особенно новые, являются очень мощными источниками... как вы думаете чего? Они порождают низкочастотные электромагнитные колебания, в результате чего образуется электромагнитное поле, достаточное для того, чтобы помешать работе телевизора, радио, любого маломощного электрического прибора, в том числе параболического микрофона для акустического проникновения. – Ник посмотрел на них, давая время обдумать сказанное. – Он знал, что за ним охотятся профессионалы. Причем профессионалы с самыми современными средствами наблюдения, и звукового и визуального. ЦРУ подсказало ему, как можно им помешать. Понимаете?

– Ник, я... – начал было Хэп.

– Да, так вот это становится уже довольно интересным. Он думал, что ему удастся при помощи этих аппаратов коки обвести их вокруг пальца, а получилось, что обвели вокруг пальца его самого. И благодаря этому спокойно попали в его номер.

– Что ж, у этого подслушивающего устройства полу...

– Подожди. Есть только один способ попасть в номер без драки, отмычек и выламывания двери – это назвать два магических слова. И этими двумя словами были «Ник Мемфис». Эдуардо Ланцман, или Лакин, или как там он себя еще называет, звонит в Управление, спрашивает Ника Мемфиса и просит передать, что звонил Эдуардо. Через десять минут раздается стук в дверь и кто-то говорит два слова: «Ник Мемфис». Эдуардо открывает, они мгновенно его хватают и расправляются. По-моему, все понятно, а? Только вот как они узнали мое имя?

Все молча смотрели на Ника. Майк Фартинг закурил сигарету. Хэп сморщился как печеная картошка. Мики Сонтаг, еще один борец-профессионал в Управлении, только чуть моложе Ника, задумчиво почесал нос.

– Они не могли установить жучок, потому что у них не было для этого времени. Как же тогда они узнали мое имя?

– Ну хорошо, как ты думаешь?

– Им пришлось использовать параболический микрофон. Они использовали акустический способ проникновения в номер. И знаете почему? Потому что у них необычайно хорошая техника! Не такое дерьмовое старье, как у нас, а действительно высококласная подслушивающая аппаратура. Поэтому-то помехи электрического поля автоматов с кокой не составили для них проблем и они смогли услышать все, что он говорил по телефону. Это единственно возможное объяснение всего того, что произошло.

Все молча продолжали смотреть на него.

– Смысл всего вышесказанного сводится к тому, что с учетом уровня их техники та работа, которую они выполнили, стоит около двухсот тысяч долларов. Мы сейчас говорим о необычайно дорогом оборудовании. Такого нет даже у нас, и вы это знаете. Если нам понадобится такая штучка, то мы должны будем писать целую петицию в Вашингтон, объяснять всю важность нашего дела, и только тогда они удосужатся прислать нам ее из Майами или из Сент-Луиса, в вагоне с охраной и с двумя специалистами по применению и использованию, если, конечно, перед этим мы сможем получить благословение свыше. Итак, зачем же в какой-то мелкой потасовке из-за наркотиков использовать самые современные технологии космического века? – Ник на секунду остановился. – Я серьезно говорю вам, ребята, что подоплека этого дела такова, что здесь могут быть задеты очень влиятельные фигуры, может быть, кто-то из разведки или, по крайней мере, какие-нибудь очень-очень крупные воротилы наркобизнеса.

Хэп задумался:

– Ник, это все очень хрупко и относительно. У тебя нет никаких серьезных доказательств, тебе практически нечего представить суду для рассмотрения. Единственное, что у тебя есть, – это твоя версия происшедшего. И еще то, что сказал какой-то человек из «Кока-Колы».

– Хэп, дай мне всего лишь пару недель, и если все мои версии по-прежнему будут так же хрупки и относительно, то я перейду в Отдел по кражам и грабёжам или буду делать папиросную бумагу для «Бунко Фрауд»... или пойду следить за наркоманами на улицах, чтобы у полицейских прибавилось выходных.

– Что ты думаешь делать?

– Я хочу кое-что разузнать о микрофонах. Кто их выпускает, как они распространяются, кто их владелец? По какому принципу они попадают к тем или иным людям? Если ты проявишь энтузиазм, то мы смогли бы кое-что раскопать – в конце концов, эта вещь, возможно, просто украдена из правительственных источников. Дай мне возможность разобраться в этом. Ну, где-то неделю или две, и я уверен, результаты не заставят себя ждать.

– Э-э... – начал Хэп, – вообще-то меня это не особенно вдохновляет, Ник. Придется давать ответ Вашингтону, а ты знаешь, какие они все там мудозвоны. Только заикнись о том, что ты, мол, сделаешь мне одолжение, а я – тебе, и в конце недели посмотришь, что с нами сделают.

– В смысле?

– Я имею в виду твою любимую контору «Микки Маус» – наших старых добрых друзей из Секретной службы.

При этих словах все сразу недовольно заворчали. Ребята, служившие в Секретной службе, по праву считались лучшими стрелками, но они были невероятно надменными, очень самовлюбленными и крайне обидчивыми. С ними всегда трудно было найти общий язык, потому что они считали, что их служба важнее всех остальных.

– Сделают выводы, – продолжал Фенкл, – что тут у нас сплошной бардак и неразбериха, пошлют какую-нибудь бумагу куда надо, а между прочим, через... э-э... три недели

прибывает Флэшлайт¹⁹. Да, он самый. Вашингтон хочет, чтобы мы тесно сотрудничали с Секретной службой. Плохо то, что эти люди с Пенсильвания-авеню посылают к нам для налаживания отношений слишком серьезную фигуру, потому что считают, что одного нашего авторитета для этого недостаточно. Мы же должны обеспечить ему поддержку и заботу. Поэтому мне нужен человек, который был бы у него на побегушках и держал бы этого типа подальше от Управления, чтобы хоть немного облегчить мне жизнь. В твоём деле что-то все-таки есть, поэтому ты будешь готовить ему кофе и целовать его в задницу, причем именно в то ее место, в которое ему захочется, – в общем, будешь всячески угождать этому засранцу из Секретной службы, за что я потом дам тебе небольшой отпуск и ты сможешь провести свое расследование.

Ника нечего было возразить, ведь Хэп все-таки разрешил, и, довольный победой, он сказал «да». Но радость длилась всего лишь секунду.

– Ладно, договорились. Кстати, ты знаешь, кто этот вашингтонский туз, что к нам едет?

У Ника вдруг шевельнулось предчувствие беды.

– Не знаю, Хэп.

– Прости, конечно. Все, что я могу сказать тебе, это то, что он чертовски неприятен. Это Хауди Дьюти.

Хауди Дьюти было прозвище помощника директора ФБР по особым вопросам Ховарда Д. Ютея – бывшего главы Отдела по борьбе со шпионажем, бывшего штатного директора Отдела по борьбе с терроризмом, бывшего помощника директора ФБР по борьбе с организованной преступностью, одного из самых придирчивых и требовательных руководителей высшего ранга в ФБР, неусыпно следящего за соблюдением законности. Это был, пожалуй, самый неприятный человек в ФБР, которого ненавидели и боялись все, кто его знал.

У Ника же с ним были свои счеты, потому что тогда, в 1986 году, Ховард Д. Ютей, Хауди Дьюти, стремительно продвигаясь вверх по служебной лестнице, был инспектором таллсского управления. Именно Хауди Дьюти был в тот злополучный день у микрофона, когда Ник сделал свой неточный выстрел.

Хауди Дьюти был Базой. Тем самым человеком, из-за которого он промахнулся и который, как последняя истеричка, визжал ему в ухо, когда он попал в спину девушке, ставшей впоследствии для него в этом мире единственным и самым любимым человеком.

¹⁹ Маяк (англ.). Так в США на жаргоне называют президента. Приблизительно соответствует русскому «Сам».

Глава 08

Боб бегло осмотрел все вокруг. Если они здесь и побывали, то были чертовски осторожны. Настоящие профессионалы. Он не заметил, чтобы сюда кто-нибудь входил, вокруг не осталось никаких следов, и пыль была нетронутой. Самое главное, что был жив Майк; хоть он и стал немного грязнее и косматее, но все-таки не мертвый. Боб знал, что, если бы кто-то попытался войти внутрь трейлера, Майк бы загрыз его или умер сам. Пока Боба не было, Сэм Винсент кормил его, теперь же, когда Свэггер, вернувшись, сам открыл ворота, это преданное создание радостно бросилось на него и принялось благодарно облизывать ему лицо шершавым влажным языком. Глаза пса светились теплом и грустью. Майк был тоже, как и Боб, одинок. У них обоих не было других друзей, и поэтому всю свою любовь они целиком отдавали друг другу.

Боб гладил его, а Майк прыгал и визжал от удовольствия. Потом Боб принес ему поесть и стал открывать все свои многочисленные замки – сначала на трейлере, а затем – все остальные. Они были в целости и сохранности, в том же положении, в котором он их и оставил. Открыв ящик с оружием, он полюбовался его содержимым, затем быстро достал «Ремингтон-700» и осмотрел его. Самым последним он открыл замок на маленькой мастерской позади трейлера, где все еще лежал в разобранном виде тот упрямый винчестер.

Боб смотрел на него и чувствовал огромное желание снова заняться оружием и попытаться разгадать его сложную загадку. Почему он его подводит? Может, это от усталости или недостатка внимания? Или у него просто такой капризный характер и ему нельзя доверять в трудную минуту? Или он просто устал, этот старый кусочек стали, потеряв силу духа и веру в свои собственные силы, ведь все-таки уже пятьдесят лет в строю?

Но чем дольше он смотрел на винтовку, тем больше понимал, что уже не сможет вернуться к ней, как бы сильно его обратно ни тянуло. Теперь у него было новое дело, и ему очень хотелось скорее начать его, хотя он никогда раньше не думал, что пережитое во Вьетнаме когда-нибудь снова начнет мучить его, тем более здесь.

Боб вспомнил, как он лежал, придавленный к сырой земле мертвым телом Донни, как кровь Донни лилась по его телу и смешивалась с его собственной кровью, как в воздухе радостно кружились птицы, предвкушая легкую добычу, а из-за насыпи доносился усиленный громкоговорителем голос майора:

«Не шевелись, Боб. Черт, сейчас мы вызовем огневую поддержку и выкурим этого ублюдка из его норы».

Страдая от боли, он лежал и вспоминал, как тогда, в долине Ан-Лок, Донни на фоне этих проклятых зеленых холмов был виден как на ладони, но с завидным спокойствием продолжал стрелять из своей М-14 по желтомордым ублюдкам, которые лезли на них живой стеной. С поразительной скоростью он выпускал пулю за пулей, в то время как Боб, скатившись со склона холма, карабкался к безопасной вершине крутой каменистой возвышенности, где мог скрыться от града свистевших вокруг него пуль. Не останавливаясь и не оборачиваясь, он безумно палил в воздух, все время слыша щелканье не попавших в него пуль. Наконец он добрался до вершины, и они вместе упали за одним из камней, хохоча как сумасшедшие, потому что только что были на волосок от смерти и каким-то чудом сумели избежать ее.

В этом заключался весь смысл их снайперского труда, и чувство предельной опасности, когда смерть по несколько раз в день проходила мимо них и оставляла в живых, придавало удовольствию, получаемому от этой игры со смертью, необычайную остроту и вызывало азарт, захватывало.

«Господи, Боб, тебе надо было бы посмотреть на свое лицо, когда ты взбирался наверх. Я от смеха чуть не обоссался», – сказал тогда Донни.

«Слушай, сукин сын, какого хрена ты поперся вниз? Зачем было рисковать еще и твоей задницей?»

«Черт, Боб, стоило умереть, чтобы посмотреть на твою перепуганную рожу». И он весело рассмеялся.

Боб снова вспомнил о своей сокровенной мечте: он, Донни, его красивая молодая жена Джулия, несколько собак и немного виски, старого, доброго арканзасского виски. Они живут в горах Уошито, вдали от городской суеты, заботятся о своих винтовках, охотятся каждый день, а по вечерам спокойно потягивают виски. Теперь он понимал, что это была бредовая идея, можно сказать, несбыточная. Уже в момент своего возникновения она была неосуществимой, потому что этот мир никогда не позволит тебе такую роскошь. Но он был слишком молод и глуп, когда мечтал об этом.

Потом он вспомнил госпиталь, как к нему в палату зашел майор, с грустью посмотрел на запакрованную в гипс, висящую на противовесах ногу и сказал: «Мы даже не могли предложить, что у них есть такие снайперы. Это был отличный выстрел. И чертовски сложный».

Да, он был прав, выстрел действительно был отличный.

«Он нужен мне, – думал Боб. – О господи, как я хочу его заполучить!»

За год до того, как он восстановился и снова смог держать в руках винтовку, до него дошли слухи, что это действительно был белый человек. Специалист. Профессионал. Приглашенный специально только для этого выстрела. Но к тому времени война для него уже закончилась.

Он чувствовал, что вот-вот расплчется. Теплый, шершавый язык Майка скользил по его рукам, постепенно возвращая его из воспоминаний к реальности. Боб встряхнул головой, пытаясь отбросить от себя грустные мысли, и подумал о том, что стал слишком сентиментальным.

«О русский! Как я хочу тебя наказать за то, что ты мне сделал!»

Но он сдержался. Постепенно успокоившись, он снова стал тем Бобом, который в своей жизни общался только с тремя или четырьмя людьми в Блу-Ай – Сэмом, доктором Ле Мьексом, шерифом Теллом и теперь уже покойным Бо Старком, естественно, когда тот бывал трезвым. Он опять стал тем Бобом, который делал по крайней мере сто выстрелов в день, независимо от того, была ли в горах солнечная погода или лил дождь; который посвящал все свое время только винтовкам и мог так прожить всю оставшуюся жизнь, не заботясь ни о чем другом.

Он чувствовал себя снова в форме, у него была работа, которую надо было сделать, и это было прекрасно. Он был готов.

Сидя за чашечкой кофе без кофеина, Боб постепенно вырабатывал свой собственный план. Он работал по восемнадцать, двадцать, двадцать два часа в день, склонившись над кухонным столом, на который падал либо тусклый свет электрической лампочки, либо серый свет январского дня, и прерываясь только для того, чтобы утром выйти прогуляться с Майком или поспать несколько часов. Боб работал медленно и внимательно, никогда не спешил и никогда не задерживался на ненужных деталях; он скрупулезно просматривал карты, планы и схемы, вычерчивал для себя диаграммы, делал необходимые расчеты на калькуляторе, изучал архитектурные конструкции зданий, приходя в результате всего этого к определенным выводам.

Он был настоящим снайпером джунглей, привыкшим жить вдали от шумной суеты городов. Тем не менее сейчас ему казалось, что города – это своего рода тоже джунгли и поэтому здесь можно использовать кое-что из старого опыта. Любому стрелку, перед тем как

сделать выстрел, необходимо одно и то же условие: он должен чувствовать, что все предметы вокруг него находятся на своих местах. Только зная это, он идет на выстрел.

Прежде всего надо, чтобы в секторе стрельбы не было никаких помех для обзора цели. Этому Боб придавал больше значения, чем даже полосе стрельбы. Ему нужна была чистая линия визирования цели, вместе с тем он хотел, чтобы было как можно меньше зданий, чтобы не было непредсказуемых порывов ветра и каких-нибудь энергетических полей, способных повлиять на траекторию полета пули, которая ближе к цели уже потеряет большую часть скорости. К моменту выстрела солнце должно светить в спину, чтобы исключить вероятность того, что солнечный свет, отразившись в линзах оптического прицела, будет замечен кем-нибудь из тех, кто будет вести наблюдение. А Секретная служба наверняка будет осуществлять такой контроль.

И только потом была дальность. Расстояние до цели. Так называемая «зона вероятной опасности», определяемая Секретной службой, к сожалению, не существовавшая в 1963 году, сейчас составляла уже практически полмили – восемьсот восемьдесят ярдов, где не решалось открывать ни одно окно, где на каждой крыше сидело полным-полно полицейских и над которой постоянно висели вертолеты, контролируя обстановку. Этот русский будет где-то на расстоянии одной тысячи ярдов, хотя он может выстрелить и с двух тысяч. Место, откуда он будет стрелять, может находиться в радиусе трех четвертых мили. Это должно быть безопасное место, со свободными, неконтролируемыми входом и выходом, гарантирующими пути отступления после выстрела. Оно должно быть на определенной высоте, чтобы хорошо была видна цель, но все-таки не очень высоко. При стрельбе сверху вниз всегда можно ожидать, что пуля выкинет какой-нибудь трюк, особенно на большом расстоянии, потому что существует определенная точка, после которой, потеряв значительную часть своей скорости, она становится очень чувствительна к малейшим изменениям ветра, энергии или чего-нибудь еще. В конце концов Боб пришел к выводу, что Соларатов выберет позицию где-то на третьем-четвертом этаже, но ни в коем случае не выше пятого.

Еще одним важным моментом была температура воздуха. Влажный и сырой климат обязательно повлияет на траекторию полета пули, но холодная погода еще опаснее, чем теплая. Близкая к нулю температура делает винтовку какой-то жесткой и нечуткой. При такой температуре происходят практически незаметные изменения в молекулярной структуре деревянных частей приклада и в металле ствола, не говоря уже о руке того человека, который нажимает спусковой крючок. Боб слышал сотни разных историй от бывалых охотников, которые, сделав порой точный выстрел по прекрасному оленю-самцу, с ужасом наблюдали за тем, как пуля, не причинив ему никакого вреда, пролетала в десяти ярдах сбоку, а животное в это время исчезало в лесу, оставляя охотника один на один с разочарованием и холодом. Он считал, что русский не будет стрелять при холодной температуре, впрочем, так же как и в условиях жары и влажности, потому что в этом случае возникало слишком много «если» и слишком много «вдруг». Если вы собираетесь сделать что-нибудь так, как это должно быть сделано, чтобы все было на высшем уровне, то вы будете это делать там, где вам максимально удобно, где каждый камень будет вам знаком и где климат, земля и солнце будут на вашей стороне.

Он искал место для выстрела между пятидесятой и семидесятой параллелями, чтобы погода была не очень солнечной, больше пасмурной, но тем не менее это должен быть какой-нибудь город у моря, где сила ветра смягчается прибрежной полосой и не так опасна, как в районах холодных открытых равнин Среднего Запада или в районах замерзших озер.

Теперь надо было разобраться с шумом. Независимо от того, какой тип винтовки выберет Соларатов на этот раз, ему все равно придется стрелять без глушителя, потому что при использовании глушителя начальная скорость полета пули не превышает скорость звука, а ему надо, чтобы она была более двух тысяч футов в секунду, причем пуля должна весить

не менее ста пятидесяти гран или, скорей всего, где-то около двухсот гран, если он хочет попасть в голову или верхнюю часть тела с расстояния двух тысяч ярдов. Его помощникам придется построить для него что-то типа звуконепроницаемой камеры или комнаты, своего рода стрелковый бункер, сделанный из звукопоглощающего материала, с одним-единственным отверстием, из которого он сможет только прицелиться и выстрелить. Но ему нельзя будет слишком далеко высовываться из этой щели, потому что звук выстрела будет очень сильным. Несмотря на то что он почти полностью поглотится звуконепроницаемым материалом стен, какой-то шум все-таки будет слышен из-за стрелковой щели. Но он будет настолько неопределенным и рассеянным, что этого окажется явно недостаточно, чтобы точно определить, откуда был произведен выстрел. Боб думал о том, какой должна быть конструкция этого ящика, как в нем должно быть жарко и неудобно. Исходя из этого он пришел к выводу, что вся конструкция будет сделана не на скорую руку, скорей всего, они работают над ней уже сейчас. Это должно быть какое-то необычайно сложное и очень компактное сооружение, которое при необходимости будет несложно разобрать на составные части и которое при всем этом должно быть достаточно крепким и надежным.

Они могут использовать любую винтовку, начиная от 308-го калибра и кончая специальной снайперской винтовкой 50-го калибра, о которой ходят невероятные слухи: говорят, что она находится на вооружении только в суперсекретных снайперских подразделениях. Конечно, русский отдаст предпочтение 50-му калибру. Все остальные винтовки стреляли максимум на тысячу семьсот ярдов, а у этой прицельная дальность стрельбы была намного больше.

Боб застонал – такое случалось с ним редко. Работы, казалось, был непочатый край. Голова буквально раскалывалась от боли. Он поднял глаза и не смог определить, что сейчас, день или ночь. Посмотрев на свои часы «Сейко» тропического образца, которые он купил за двенадцать долларов еще в 1971 году, Боб понял, что скоро наступит полночь. Он вздохнул и снова принялся за работу.

Патрон, время, расстояние и винтовка. Это были координаты его «компаса», по которому он должен был определить место нахождения снайпера. Изучая документы и проверяя сотни мест, из которых можно было сделать выстрел, Боб чувствовал, что пока работает впустую. Ему приходилось начинать все сначала, детальнее прорабатывая все варианты и глубже вникая в подробности. Он пытался представить себе, как этот человек лежит на мешках с песком в маленькой темной комнате, расположенной в миле от цели, и спокойно наблюдает в оптический прицел за президентом Соединенных Штатов, который, ничего не подозревая, в этот момент с кем-то разговаривает, и вдруг... голова президента в одну секунду превращается в какую-то красную бесформенную тряпку, и от нее ярко-красным фейерверком разлетаются в разные стороны куски черепа, мозги, кровь... Если снайпер будет стрелять с расстояния мили, то потребуется несколько недель, чтобы найти эту комнату. А ведь они могут ее никогда не найти.

Он снова, и снова, и снова прорабатывал все возможные варианты решения, не спеша, спокойно и вдумчиво погружаясь в обстановку. Иногда он так увлекался какой-либо идеей, что с трудом заставлял себя вернуться назад. Где же решение? Можно ли его найти? Где все это искать? Он же не...

О-о!..

Склонившись над своими таблицами, Боб смотрел, как все вырисовывалось само собой, без его помощи, образуя цельную и стройную картину действий предполагаемого снайпера.

В этот момент Свэггер понял, как это все произойдет, как это должно произойти. Теперь он знал, где это все случится.

Было уже далеко за полночь.

«Ну что ж, сволочи, хорошо, – думал он, – вы, наверное, считаете, что все будет так же, как и в 1972 году в Дананге, за тысячу четыреста ярдов от проволочного ограждения, когда снайперская группа „Альфа“ спускалась по склону насыпи.

Нет, этого не будет.

Потому что на этот раз я уже буду готов».

Глава 09

– Ники, Ники, – сказал Томми Монтойя, – мальчик мой, на тебя это так не похоже.

Монтойя был кубинцем, имевшим самое непосредственное отношение к разведке; выполняя задания для различных агентств и управлений, а порой и для индивидуальных заказчиков, он иногда по некоторым профессиональным вопросам сталкивался с Мемфисом. Монтойя считался одним из тех профессионалов, которые всегда работают на грани и которым их собственный ум зачастую идет во вред. Таких, как он, обычно в один прекрасный день находят либо в болоте Биг-Мадди, либо в озере Поншартрен с чугунным грузом, привязанным проволокой к ноге, и с глубокой раной в грудной клетке, в которой уже плавают целые стаи мелких рыбешек. А пока Томми Монтойя лизал ракушку устрицы и улыбался. Раскрыв створки, он положил обе половинки на ладонь, и его толстый язык стал быстро орудовать в них, выуживая беззащитные тельца устриц. Он смаковал их подолгу во рту, растягивая удовольствие.

Ник старался не смотреть на него. Господи, как вообще можно это есть? Он придерживался мнения, что если та пища, которую вы собираетесь есть, в момент приготовления не была красной от своей собственной крови, то ее ни за что нельзя брать в рот. Но у этого кубинца были свои привычки. К тому же он был для него полезен, потому что знал такие вещи, какие больше никто здесь не знал... например, кое-что в сфере бизнеса.

– Ники, – снова начал Томми, – значит, ты хочешь докопаться до источников... УБН имеет приоритетное право на получение таких высококлассных подслушивающих устройств, которыми ты интересуешься... э-э...

– Ну давай же, Томми, – нетерпеливо прервал его Ник, желая побыстрее преодолеть длинное вступление Монтойя.

Во второй половине дня уже прибывал Хауди Дьюти, и Ник хотел быть в курсе всего до того, как База будет здесь. Если в отношениях с Ютеем оступишься и сделаешь неверный шаг, то потом будет очень тяжело реабилитироваться. И Ник знал это лучше, чем кто бы то ни было.

Он очень нервничал и никак не мог с этим справиться. В этом баре, расположенном на набережной реки, было темно и полным-полно каких-то импозантных личностей. В своем голубом поплиновом костюме и белоснежной рубашке Ник чувствовал себя так, как будто у него на лбу было написано огромными буквами: «ФБР», к тому же он знал, что из-под пальто предательски выпирает длинная ручка его «Смита 1076».

Он решил форсировать разговор, стараясь по возможности не выдавать своих истинных интересов:

– Скажем, мне надо устроить небольшую проверку и я должен кое-что записать на магнитофонную пленку. У меня наклеивается большое дело, но я опасюсь, что идет утечка информации. Либо через УБН, либо через нас. Я хочу приобрести самое современное подслушивающее устройство, чтобы результат стоил вложенных средств, которые я, скажем, достал из кармана одного неудачливого торговца наркотиками, то есть я могу заплатить по тем ценам, которые сейчас существуют. Итак, с чего мне лучше начать?

– Слушай, ты еще не устал мне лапшу грузить, дружище? Не пытайся изнасиловать педераста или обмануть жулика – все равно ни хрена не выйдет. Ты всегда был симпатичен мне тем, что казался довольно-таки открытым и честным парнем.

О Томми говорили, что он вместе с 2506-й бригадой принимал участие в неудачном вторжении на Кубу, после чего два года провел в тюрьмах у Кастро; говорили, что у него вся спина в шрамах, как изгородь забора. В нем были эти традиционные качества латиноамериканцев – суровость и строгость в сочетании с решительностью. Все его тело было буквально

заряжено энергией, он был резок, однако эти качества не переходили в нервную манияльность творить зло и насилие.

— Да нет, я чист, старина, все так и есть. Просто мне надо узнать, как некоторые люди умудрились пару дней назад пустить в ход очень мощное подслушивающее оборудование и где они его раздобыли. Причем раздобыли очень быстро, и только для того, чтобы убрать одного-единственного человека.

— Это тот парень, у которого все внутренности были выпущены?

— Да, он.

— О-о-о... Ники, это очень странный случай. Ты же знаешь, что практически всегда можно узнать, кто конкретно замешан в том или ином деле. Когда происходят подобные случаи, почти всегда известно, кто за кого и кто в какой команде играет. Почти всегда, но не на этот раз. Ники, дружище, поверь, я об этом даже ничего не слышал. К нашему городу это не имеет никакого отношения, так же как и к нам. Поверь мне.

— Может, и имеет. Тут есть кое-что личное. Ну скажи, Томми. Я просто сейчас проигрываю вариант с этими устройствами. У меня есть источники, которые гарантируют, что он был двойным агентом в Сальвадоре, и я сам слышал, что он работал на ЦРУ. Но ЦРУ отрицается от него. Понимаешь, все его документы настолько подозрительно чисты, что у меня невольно возникает вопрос, как это может так случиться, чтобы человек прожил целую жизнь и ни разу не был оштрафован за неправильную парковку автомобиля.

Томми скорчил рожу и опустошил еще одну ракушку. Ника всегда удивляло, как этот толстый человек мог есть этих маленьких моллюсков, с поразительной скоростью и ловкостью доставая их языком из мерзких ракушек.

— Я пытаюсь понять, как эти люди попали внутрь комнаты и грохнули его там. Они слышали, что он пытался дозвониться до меня. Стопроцентно слышали. Благодаря какому-то прибору. Так вот, где они могли взять такую вещь, у кого?

— Ладно, — наконец сказал Томми, — я думаю, то, что ты ищешь, — это «Электротек-5400». Это портативный параболический микрофон направленного действия, очень высокой чувствительности, очень известный благодаря своей способности проникать даже через специально зацементированные звуконепроницаемые стены. Они все на счету. Насколько я знаю, выпущено было всего семь штук: четыре — для УБН, два — для ЦРУ и один — для одного иностранного клиента, очень, очень таинственного.

— Из какой страны? — спросил Ник.

— О, мне бы не хотелось говорить об этом, дружище... Они все время играют там между собой в банановые войны.

— Сальвадор! Точно. Ах ты сукин сын...

У него перед глазами постепенно вырисовывалась вся картина. Это было как раз то, чего ему не хватало, то магическое связующее звено, объединяющее все разрозненные части дела в единое целое.

Он быстро прикидывал в уме: «„Электротек“ попал в Сальвадор в каком году? Скажем, где-то в конце восьмидесятых, когда мы еще оказывали им какую-то помощь. Ладно, этот Эдуардо Ланцман явно занимался там разведкой, но что он там искал? Скорее, что нашел? Что-то серьезное, значительное и опасное? Так, это его испугало. Поэтому он думает, кому можно позвонить, не рискуя при этом собственной жизнью. Наверняка там что-то было связано с большими секретами и разведкой, но Ланцман не хочет сообщать об этом своим старым коллегам в ЦРУ, правильно? Потому что он еще не выяснил все до конца плюс точно не знает, кто, что и для кого делает, на чьей стороне играет тот или иной из его коллег. Я-то знаю, насколько там все запутанно и туманно. Поэтому ему нужен кто-нибудь со стороны, какой-нибудь нейтральный человек, который был бы вполне безопасен и которому он мог бы доверять... чтобы рассказать все, что знает. Потом он вспоминает о своем старом коллеге

из УБН, у которого в принципе кто-то из подходящих людей может быть на примете, и в этот момент у него в памяти всплывает имя агента ФБР, чей телефон этот самый приятель из УБН ему когда-то дал. Ланцман садится в самолет и улетает. Однако его преследователи узнают о его исчезновении. Он, видимо, петляет и двигается то в одном, то в другом направлении, пытаясь сбить их со следа. Но те, что за ним следят, каким-то образом все равно узнают, что ему надо в Новый Орлеан. Это дает им время на то, чтобы перебросить сюда своих людей и установить наблюдение за аэропортом. Тут-то они его и вычислили. Когда он прилетел, они спокойно последовали за ним. Подслушивающее устройство уже у них. Узнав, в каком номере остановился Ланцман, сальвадорцы, следящие за ним, при помощи электроники начинают его прослушивать. Услышав мое имя, они через какое-то время стучатся в номер, тот открывает, и убийцы делают из бедного Эдуардо бифштекс».

Томми посмотрел на него:

– Ник, у тебя такой вид, будто ты сдвинулся на религиозной почве. Ты, случайно, не с Девой Марией сейчас разговаривал?

– Что-то в этом роде, – ответил Ник.

Хоть он никогда не был склонен к сильным религиозным переживаниям, сейчас у него непроизвольно возникло желание осенить себя крестом в память об Эдуардо, который открыл дверь своего номера, ожидая увидеть перед собой Ника, а вместо этого получил три удара в лицо и умер такой мучительной смертью, какую могли придумать только эти «банановые» палачи... Но даже на грани смерти что-то очень важное продолжало его сильно волновать, потому что он смог в таком состоянии собрать свою волю в кулак и доползти до линолеума в ванной, чтобы написать свое последнее послание. А ведь это было уже после того, как убийцы ушли, искромсав и изуродовав до неузнаваемости его тело, а потом он лежал и чувствовал, что шок от ужаса, который сначала затмил боль, теперь начинает проходить и безжалостные, страшные предсмертные муки накатываются на него как девятый вал!

РОМ ДО.

РОМ ДО?

Что же это все-таки значит? В чем здесь загвоздка?

– У меня тут для тебя еще одна любопытная штучка есть. Перед смертью он на полу написал своей кровью послание. РОМ ДО, заглавными буквами. С чем у тебя эти РОМ и ДО ассоциируются, Томми? На следующий день я тринадцать часов проторчал в библиотеке, закопавшись в книги о преступлениях и шпионаже и пытаясь хоть что-нибудь в них найти... Я спрашивал об этом и наших головастых мужей в Куонтико – из Отдела исследований мотиваций и особенностей человеческого поведения. Ты же знаешь, это наши интеллектуалы. Но они так ни к чему и не пришли. У тебя есть какая-нибудь идея по этому поводу?

– РОМ ДО? Что бы это могло значить?.. – Томми нахмурился, а потом рассмеялся. – Смешно, черт побери, но это кое-что мне напоминает.

– Неплохое начало. Расскажи!

– Но это глупо.

– Чем глупее, тем лучше, приятель. Ты же знаешь, это мой стиль работы.

– Ты, наверное, слышал, что в шестьдесят первом я побывал на Кубе? Бухта Кочинос, может быть, слышал. Эх, дружище, было дело! По-нашему это означает залив Свиней.

– Да, кое-что слышал.

– Ну так вот, мой батальон первым высадился на Ред-Бич, это около Плайя-Ларга. Естественно, мы пользовались фонетическим алфавитом сухопутных войск. В принципе такой же был во всех вооруженных силах США. Все мы верили в великую Америку и в слюнтяя Кеннеди. Мы любили его и верили в нашу маленькую авантюру. – В его словах звучала нескрываемая горечь. Но он взял себя в руки. – Короче, позже они ее изменили. Да, ее изменили и сделали более современной, как во всем мире. Я имею в виду «Д».

– Подожди, о чем ты говоришь?

– «Д» стало обозначать «Дельта». Не «Дог», как это было раньше, а «Дельта». Если ты выходишь на связь и у тебя позывной «Д», то это значит, что ты – «Дельта». Рота «Дельта», авиазвено «Дельта», эскадра «Дельта», группировка войск «Дельта», ну и в таком духе. Ну вот все это и было сделано в начале шестидесятых. До этого «Д» означало «Дог». А «Р» – «Ромео». Это были такие позывные. Я служил во Втором батальоне Две тысячи пятьсот шестой бригады – Ла Бригада, – так вот у нас были позывные «Ромео Дог Два», а еще были «Ромео Дог Три», «Ромео Дог Четыре» и «Ромео Дог Пять». А у того, кто руководил всей операцией, он, кстати, был на корабле, позывные были «Ромео Дог Шесть». «РОМ ДО»? Этот человек слишком торопился это написать, у него плохо соображала голова, он умирал. Это было послание из прошлого. «Ромео Дог». Понял?

– «Ромео Дог»? Ни черта не понял, – ответил Ник, со всех сторон пытаясь осмыслить полученную информацию.

Что же, черт побери, это «Ромео Дог» значит?

Хауди Дьюти не изменился. Он принадлежал к той категории людей, которые никогда не меняются. Но и Ник тоже не изменился. Ник никогда не изменится: он так и будет всегда специальным агентом. Стать инспектирующим агентом ему не светит. Он все это прекрасно понимал, потому что где-то в глубине души чувствовал, что ему не дано командовать и что его не интересуют власть и шикарный дом в городских предместьях Вашингтона. Но наличие в его личном деле отметки о запрещении дальнейшего продвижения по службе навсегда лишало его возможности попасть в серьезные подразделения, где работа действительно была интересной и захватывающей, не говоря уже о возможности попасть работать в Вашингтон. Ему как своих ушей не видать легендарного Взвода по борьбе с терроризмом, который считался самым известным и престижным подразделением. Эта группа быстрого реагирования состояла из прекрасно подготовленных, тренированных специалистов своего дела; у них на вооружении находилось самое лучшее оружие, и все их действия отрабатывались по специальной тактике спецназа. Их деятельность пересекалась с работой других не менее интересных организаций и учреждений. Нику также никогда не попасть и в Группу по спасению заложников. Сейчас те, кто служил в этой группе, считались элитой: когда подходило время идти напролом, они выбивали двери и выкуривали преступников из их убежищ. Не стоит ему мечтать и об Управлении по борьбе с организованной преступностью. Это было крутое место, его сотрудники боролись с мафией, внедряясь в ее извращенный, но чем-то привлекательный мир. Если вы работали здесь, то вы действительно что-то делали. То же самое можно было сказать и об Управлении по борьбе со шпионажем, чья работа заключалась лишь в том, чтобы вылавливать кубинцев вокруг Вашингтона и подслушивать телефонные разговоры в посольствах. Но это было тоже интересно.

Увы, Нику навсегда суждено остаться за бортом и владеть своей жизнью в филиалах второразрядных городов. И Балтимор, и Ричмонд, и Фредерик находились от Вашингтона на одинаковом расстоянии – чуть меньше, чем сто миль, – но в то же время между ними лежала целая пропасть, потому что заявки на должностные перемещения Ника из одного города в другой утверждались, но... без разрешения остаться для работы в Нью-Йорке, Майами или Лос-Анджелесе (даже в этот город Нику никогда не светит получить направление). Все эти новые назначения были лишь имитацией служебного роста, фикцией... потому что, по неписаным правилам ФБР, реальное повышение по службе для Ника было просто невозможно.

Но, несмотря на все это, он не питал ненависти к Хауди Дьюти. Ютей просто столкнулся с трудным решением: как преподнести тот инцидент в Талсе наверх, чтобы это было максимально выгодно для Бюро и не повредило его собственному авторитету. Все произошло так, как и должно было произойти. В принципе Ник этого и ожидал.

Поэтому, встречая Ховарда Д. Ютея в аэропорту Нового Орлеана, Ник не чувствовал никакого напряжения или неловкости. Они оба друг друга понимали.

Ховард стоял на тротуаре рядом с конечной остановкой автобуса и пытался остановить машину. В этот момент он увидел Ника в сером правительственном «форде». Бросив вещи на заднее сиденье, он даже слегка улыбнулся:

– Привет, Ник. Слушай, старина, ты прекрасно сохранился, даже прическа не изменилась.

– Да, Ховард. Волосы почему-то никак не хотят выпадать. Даже не знаю, что делать.

– Ник, я так сожалел, когда услышал о Майре. Она хоть не мучилась перед смертью?

– Нет. Она очень долгое время провела в коме. У нее остановилось дыхание. Это был легкий конец. У нее была тяжелая жизнь, зато смерть не была мучительной.

– Да... слава Богу за то, что хоть в последние дни ниспослал ей свое милосердие.

– Спасибо, Ховард, – скучно ответил Ник, все время следя за тем, чтобы не назвать его Хауди²⁰.

Порой такое случалось, однако Ютей, который прекрасно знал свое прозвище, всегда делал вид, что ничего не замечает.

Хауди Дьюти был маленького роста, немного похожий на хорька, но отнюдь не глупый и не заторможенный. Просто он всего себя посвятил работе в Бюро, взбираясь по служебной лестнице с яростным терпением бедного парня. Несомненно то, что в этом у него был определенный талант, но надо признать, что и работал он максимально много.

– Меня по-прежнему называют Хауди Дьюти, Ник?

– К сожалению, да, Ховард, – отозвался Мемфис, когда они выезжали из зоны аэропорта.

– Ладно, все будет нормально до тех пор, пока это будет за моей спиной и пока я не узнаю, что это дошло до Секретной службы. Тогда мне придется расценивать это как акт вероломного предательства не по отношению ко мне лично, а к Бюро в целом. Кстати, Ник, тебя все любят, куда ни пойдешь – везде к тебе относятся с симпатией, поэтому кое-кому ты оказал бы неоценимую услугу, распространив эту информацию. Я же знаю, что неофициально распространенная информация иногда намного эффективней, чем официальные меморандумы и директивы. Надеюсь, ты понимаешь?

– Да, Ховард, – сказал Ник.

В этом был весь Ховард. Он сам устанавливал правила и сам по ним играл... пока ему не приходила охота их изменить.

– Так вот, Ник, большая часть предстоящей работы в ближайшие несколько недель будет посвящена налаживанию связей. У тебя снова появится возможность вернуться в команду. Ты обладаешь прекрасным качеством – умением ладить с людьми. Не думай, что этого никто не заметил. Но теперь тебе понадобится вся твоя любезность, понимаешь? Вся. Полностью.

– Конечно, Ховард. Ну и что мне надо будет сделать? Я слышал, что прези...

– Да, да, Ник. Первого марта утром президент прилетит из Вашингтона, чтобы выступить с речью в центре Нового Орлеана. Он собирается вручить архиепископу Хорхе Роберто Лопесу орден Свободы. Ты должен знать: это архиепископ из Сальвадора, ему была присуждена Нобелевская премия.

Конечно, Ник знал, о ком шла речь. Архиепископ Роберто Лопес заслуженно считался великим человеком, он был наследником замученного архиепископа Оскара Ромеро. Лопес не покладая рук старался примирить враждующие стороны и уговорить их прекратить войну, которая особенно усилилась после кровавой бойни, учиненной батальоном «Пантеры».

²⁰ В переводе с английского Хауди Дьюти означает «дежурная повивальная бабка».

Ник вспомнил фотографию с обложки журнала новостей: епископ Роберто Лопес идет среди мертвых детей на берегу реки, в своей длинной черной рясе, со скромным серебряным крестом на шее, и сквозь маленькие круглые очки в тонкой проволочной оправе видны полные слез глаза. Поэт, эксперт по средневековой алхимии в Латинской Америке, он был абсолютно вне политики и обладал такой любовью к человечеству в своем сердце, что говорил: «Я не питаю ненависти к тем, кто это сделал. Я люблю их и прощаю. Ненавидеть их и требовать их наказания – значит заранее знать, что весь этот ужас повторится».

– Со времени окончания войны популярность президента покачнулась, Ник, – продолжал говорить Ховард. – Я думаю, что он хочет привлечь епископа Роберто Лопеса на свою сторону, чтобы победить на выборах. Естественно, ничего плохого это ему не принесет.

– Может быть, он просто восхищен им, – предположил Ник. – В принципе многие им восхищаются.

– В любом случае ты вряд ли представляешь себе всю картину.

Ник понял, что он имеет в виду его уровень.

– Недавно отношения между Бюро и Разведслужбой снова осложнились. В Чикаго три месяца назад у нас пересеклись интересы по одному делу. В Министерство финансов попали фальшивые деньги, и мы провели расследование по этому поводу. Никто из нас даже подумать не мог, что еще кто-то занимается этим делом. Результаты ареста были плачевные: кто-то из наших попал в их человека. Нет, не насмерть. Они говорят, что месяцев через шесть он встанет на ноги. Но от всего этого остался неприятный осадок.

Ник покачал головой. Только этого не хватало. С Разведслужбой никто не любил работать, особенно когда это касалось вопросов, связанных с обеспечением безопасности, в которых эти крутые парни в затемненных очках были полнейшими профанами. Однако по неписаным законам они в любой ситуации брали командование на себя. Отношения всегда накалялись до температуры кипения. Естественно, что те, кто проработал в ФБР по десять лет и более, не очень любили выполнять то, что им говорили двадцатитрехлетние юнцы в солнцезащитных очках, с торчащими из ушей наушниками плееров, с разноцветными значками на лацканах пиджаков и короткоствольными «узи» в маленьких дипломатах. Тем не менее всегда все происходило по одному и тому же сценарию.

– Все по тому же сценарию, Ник. Секретная служба обеспечит людей и максимальную безопасность. Все предварительные мероприятия и подготовку они проведут сами. А мы, как всегда, будем их подстраховывать, сдерживать местное население, чтобы оно не мешало им работать, и выполнять кое-какие мелкие задания, которые не вошли в официальный перечень мероприятий.

«То есть быть на побегушках», – мрачно подумал Ник.

– Сейчас директор очень суров, – продолжал Хауди. – Нам надо будет кое-что сделать, чтобы наладить дружеские отношения. В конце концов, это наша работа – улаживание споров и проблем. И ты и я, Ник, мы оба с тобой своего рода миссионеры. Через тебя я буду передавать сообщения в Секретную службу прямо из нашего Управления в Новом Орлеане, мы ведь тоже будем представлять собой определенный элемент структуры безопасности к моменту появления Флэшлайта. Это прекрасный шанс, Ник. Я думаю, что тебе это понравится, и, если все пройдет хорошо, я обязательно отмечу в докладе твою особую роль. Тебе придется пустить в ход всю свою любезность и учтивость. В этом плане ты волен делать все, что тебе угодно. Кто знает, жизнь так изменчива. Может, это и вытащит тебя из твоей трясины.

– Может, Ховард. Благодарю за поддержку.

Но Ник понимал, что Ховард поступает с ним как с самой последней дворнягой. Это был способ работы Ховарда, точно так же работала вся система ФБР. Приблизительно то же самое произошло в Талсе. Теперь все повторяется.

– После смерти Майры тебя здесь уже ничего не держит. Ну как, ты готов рвануть куда-нибудь на новое место?

Кстати, Хэп Фенкл сказал, что у тебя ко мне есть какое-то дело, которое тебя очень беспокоит. Это правда?

– Да, в общем-то... Просто кое-что непонятно в одном маленьком дельце. Тут было совершено одно убийство... да, так вот оно было совершено при помощи специального устройства, сделанного по самым современным технологиям. Знаешь, как это ни странно, но тот, кого убили, был сальвадо...

– Нам не здесь сворачивать?

Они как раз проехали знак, который указывал, что поворот налево ведет к центру города.

– Что?

– Я остановлюсь в «Хилтоне». Разве нам не здесь надо было к нему свернуть?

– Э-э... ну-у... нет, Ховард, не здесь. В это время дня обычно быстрее проехать по Шестидесят первой улице, а потом свернуть на Девяностую, понимаешь?

– Да, конечно. Это твой город. Но я все-таки свернул бы там, – сказал Хауди Дьюти.

«Он не хотел, чтобы я заметил в его голосе недовольство», – подумал Ник.

Глава 10

Во всех четырех городах он представлял собой одну и ту же картину: высокий, долговязый человек в голубой хлопчатобумажной рубашке, отглаженной и застегнутой на все пуговицы. Сверху было длиннополое пальто. По-прежнему те же замшевые ботинки фирмы «Тони Ламас» и черная широкополая шляпа.

Во всех городах он останавливался в центре, в каком-нибудь второсортном отеле. Из аэропорта всегда ехал на такси. Ел он мало и скромно, никогда не пил спиртного и после детального изучения карт в номере осторожно шел осматривать предполагаемые места для стрельбы. Он все время делал пометки в блокноте, измеряя расстояния, определяя угол падения света и зависимость между изменением тени и движением солнца по небу в определенные часы дня. В некоторых местах он измерял температуру воздуха и старался определить основное направление ветра, наблюдал за городским движением в самом городе и на окраинах, внимательно рассматривал те места, где будет выступать президент в момент предполагаемого выстрела. Бесконечно бродя вокруг зданий, заходя во всякие подворотни и закоулки, он никогда не торопился и не пытался попасть в те места, куда его не пускали. Единственным странным предметом, смысл и назначение которого многие люди просто не понимали, был очень мощный фотоаппарат, сделанный по специальной технологии. На самом же деле это был оптический дальномер призматической конструкции с двумя сильными, удаленными друг от друга на восемь сантиметров линзами. Благодаря этому устройству Боб мог определить расстояние до любого предмета с идеальной точностью.

Он заметил, что в Балтиморе, в районе порта, постоянно дует назойливый ветер. Балтимор никогда не ассоциировался у него с ветрами, поэтому такая информация вызвала у него удивление. Ни в одном справочнике не говорилось об этом проклятом ветре, но чайки, висающие в небе, как боевые вертолеты над горящей деревней, сказали ему больше, чем надо. Он представил, как пуля, попав в этот воздушный поток на излете, начнет менять свою траекторию полета и, может быть, даже не долетит до своей цели.

В Вашингтоне ему бросились в глаза деревья. В этом случае русскому придется стрелять между ними. Надо было признать, что в это время года видимость обычно бывает прекрасной. Но Боб подумал, что пуля в момент полета может зацепить маленькую веточку или сучок, потому что стрелять между деревьями – это все равно что стрелять в лабиринте, так как даже самое маленькое препятствие на пути у крупнокалиберной пули, мчащейся в штопоре со скоростью почти три тысячи футов в секунду, может послать ее в самом непредсказуемом направлении.

К тому же в Вашингтоне все позиции, пригодные для стрельбы, были очень неопределенные и сомнительные. Здание министерства юстиции располагалось ближе всего, но угол между задней лужайкой Белого дома и этим зданием был настолько острым, что если бы Соларатов все-таки стрелял отсюда, с расстояния 450 ярдов, то ему была бы видна только лишь одна четвертая часть всей поверхности цели. Такой тип выстрела необычайно труден, хотя Боб несколько раз в своей жизни делал нечто подобное. На расстоянии мили от Белого дома находилось здание Министерства сельского хозяйства, отсюда для снайпера открывался более ясный обзор. Тут цель уже была видна сбоку, а не сверху, она представляла собой более широкий объект, который не станет дергаться из стороны в сторону, как было бы при стрельбе сверху, а четко зафиксирован в прицеле неподвижным пятнышком. И еще... этот выстрел с крыши правительственного здания, видимо, был бы самым длинным и сложным по сравнению со всеми другими, по крайней мере с технической точки зрения.

Новый Орлеан был южным городом, поэтому Боб его очень любил. Воздух здесь благоухал самыми нежными ароматами, и ветры всегда были мягкими и спокойными. Из всех

южных городов Боб предпочитал именно этот. Только один квартал не вписывался в общую структуру города – район Бурбон-стрит²¹, где снимались все известные фильмы. В целом же город был немного сонливым и каким-то бесформенным, и чернокожее население еще вело себя здесь с той элегантной вежливостью и огромным достоинством, которые возможны были только на настоящем Юге.

Но в Новом Орлеане существовала проблема с воздухом, в котором были сильные соляные испарения богатой солями воды и едкий, плотный мускусный запах гниения, порождаемый бесчисленными болотами. Климат тут был практически такой же, как и в джунглях, и, хотя в такой атмосфере все-таки можно было выстрелить точно – в конце концов, Боб ведь делал такие выстрелы, – в данной ситуации создавался дополнительный риск – возможность небольшого отклонения пули, которое тоже пришлось бы учитывать во время подготовки к выстрелу. Это уже становилось интересным. Если они собираются стрелять с расстояния мили из винтовки 50-го калибра здесь, в Новом Орлеане, то тогда им надо построить себе здесь же стрельбище для тренировки, потому что каждое болото имеет свою экосистему, свой особенный, неповторимый микроклимат, зависящий от плотности соленой воды, плотности испарений и преобладающих ветров. К выстрелу в Новом Орлеане невозможно подготовиться ни в Ираке, ни даже в России – там просто невозможно правильно учесть все мельчайшие особенности реальной обстановки. Чтобы определить, как плотность воздуха и другие особенности повлияют на траекторию полета пули, надо вычислить закономерность в соотношении погодных условий с временными промежутками.

«Было бы интересно прикинуть...» – подумал Боб.

Через десять дней его путешествие закончилось. Боб прилетел в Арканзас и вернулся в свой трейлер. Все по-прежнему оставалось нетронутым. Майк так же, как и в прошлый раз, бросился ему навстречу, искренне выражая свои чувства. Боб потрепал его за шею, погладил и, к неопишуемому восторгу пса, почесал у него за ушами. Обычно Боб редко баловал животное чрезмерным вниманием, но Майк так долго ждал своего хозяина... Пожалуй, на этот раз он отсутствовал даже дольше, чем когда бы то ни было раньше. В радостном взгляде и теплом быстром дыхании собаки он чувствовал горячую и преданную любовь. Пес упирался в него своими передними лапами и повизгивал от блаженства и удовольствия.

– Ну что, малыш, вернулся твой старый хозяин? – спросил Боб Майка, удивляясь собственной сентиментальности.

Да, теперь он чувствовал себя намного лучше. Побывав в том мире, проверив себя на прочность, он сумел вернуться сюда целым и невредимым. Работа была очень интересной и доставляла ему удовольствие. Он хотел заниматься ею и дальше.

²¹ Главная улица французской части Нового Орлеана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.